

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

М.А. АГЛАРОВ

ХИНДАЛАЛ

**АВАРЦЫ ГОРНЫХ ДОЛИН
ЦЕНТРАЛЬНОГО И ЗАПАДНОГО ДАГЕСТАНА**

**Очерки традиционной культуры
и этноэкономики**

instituteofhistory.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Мавраевъ
Махачкала 2018

УДК 392 (=35)
ББК 63.5 (2Рос=Авар)
А24

Ответственный редактор
Х.А. Амирханов

Рецензент
М.М. Магомедханов

Рекомендовано Решением Ученого совета ФГБУН Института истории,
археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.
Протокол № 4 от 20 февраля 2019 г.

Агларов М.А.

А24 Хиндалал. Аварцы горных долин Центрального и Западного Дагестана. Очерки традиционной культуры и этноэкономики / Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. – Махачкала: МавраевЪ, 2018. – 152 с.: ил.

ISBN 978-5-4447-0057-0

В издаваемой посмертно книге видного этнографа-кавказоведа, профессора М.А. Агларова представлены материалы, которые готовились автором для полного и всестороннего историко-этнографического исследования, посвященного культуре «хиндалал» (*хьиндалал*) – одного из субэтносов аварского народа, населяющего горно-долинные «оазисы» Центрального и Западного Дагестана. Задуманная автором работа осталась незавершенной, но и в этом виде она представляет несомненную ценность. Исследование раскрывает специфику этнической культуры населения, основу жизнеобеспечения которого составляют садоводство и интенсивное орошаемое земледелие, сочетающиеся с ограниченным придомным скотоводством. Данный тип хозяйствования и культурной адаптации функционировал на рассматриваемой территории непрерывно на протяжении многих тысячелетий. Соответственно и культура населения этой географической зоны предстает как самобытный образец приспособления человеком окружающей среды к потребностям своего существования. В свою очередь, и сам человек адаптируется к этой среде, и одновременно к выработанному ранее данным обществом культурному комплексу, имеющему, главным образом, местный генезис и тысячелетнюю историю становления.

УДК 392 (=35)
ББК 63.5 (2Рос=Авар)

ISBN 978-5-4447-0057-0

© М.А.Агларов, 2018
© ФГБУН Институт истории, археологии
и этнографии Дагестанского научного
центра РАН, 2018
© ИД «МавраевЪ», верстка, дизайн, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора.....	4
Введение	6
Глава 1. Основные водные артерии, долины и горно- долинные поселения Центрального и Западного Дагестана.....	14
Глава 2. Горно-долинные поселения Центрального и Западного Дагестана	23
Глава 3. Особенности этноэкономики Хиндалала	46
Глава 4. Мег (<i>мегъ</i>) – земледельческо-садоводческая округа горно-долинных поселений	64
Глава 5. Террасные поля и традиционные аграрные орудия	78
Глава 6. Хозяйственное землеустройство и землепользование: практика, устои, регламентации орошения, оросительные системы.....	99
Глава 7. Особенности быта и общественной жизни	121
Литература	148

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В издаваемой посмертно книге видного этнографа-кавказоведа М.А. Агларова представлены материалы, которые готовились для полного и всестороннего историко-этнографического исследования, посвященного культуре обитателей горных долин Центрального и Западного Дагестана – «хиндалал» (*хьиндалал*). Задуманная автором работа осталась незавершенной, но и в этом виде она представляет несомненную ценность. Исследование раскрывает специфику этнической культуры населения, основу жизнеобеспечения которого составляют садоводство и интенсивное орошаемое земледелие, сочетающееся с ограниченным придомным скотоводством. Данный тип хозяйствования и культурной адаптации функционировал на рассматриваемой территории непрерывно на протяжении многих тысячелетий. Соответственно и культура населения этой географической зоны предстает как самобытный образец приспособления человеком окружающей среды к потребностям своего существования. В свою очередь, сам человек адаптируется и к этой самой среде, и одновременно к выработанному ранее данным обществом культурному комплексу, имеющему, главным образом, местный генезис и тысячелетнюю историю становления.

С рукописью предлагаемой книги я имел возможность ознакомиться на одном из этапов ее подготовки. М.А. Агларов выражал желание, чтобы я выступил редактором его будущей книги, написание которой близилось к завершению. Его кончина прервала работу над задуманным трудом. Прогрессировавшая в последний год жизни болезнь наложила свой отпечаток на ход подготовки работы. В итоге рукопись осталась незаконченной.

Состояние рукописи требовало определенных усилий для доведения ее до издательских кондиций. Помня о просьбе Мамайхана Агларовича, я счел своим долгом взять на себя труд редактирования оставшегося от автора текста. К сожалению, при всем старании довести работу до высшего уровня издательских требований оказалось затруднительно. Рукопись осталась, все-таки, незаконченной. Не случайно в ней нет заключения. Да и последняя глава обрывается резко, не образуя органичного завершения. Разную степень законченности имеют и некоторые другие главы. Если бы автору довелось продолжить работу над рукописью, скорее всего, иным было бы количество глав и тематических сюжетов книги. Все это, разумеется, после смерти автора книги никто уже не в состоянии и не вправе изменить.

Наиболее существенным в редактировании данной книги была организация структуры текста, разбивка на главы с некоторой коррекцией их названий. Ответственность за название книги также лежит на авторе этих строк. У М.А. Агларова в незавершенной рукописи название имело вид: «Очерки этнокультуры Хиндалала». Поскольку аварское «*хьиндалал*» (горно-долинные обитатели) не географическое, а субэтническое наименование, то предлагаемое новое название, как представляется, точнее отражает форму предмета исследования, не меняя сути, вкладывавшейся автором.

Не самой важной, но необходимой при работе с рукописью была работа по выявлению и устранению повторов, встречавшихся порой в виде блоков, а также, требовавшая большого терпения, стилистическая правка текста. Несмотря на то, что этому было уделено много внимания, желаемого совершенства, к сожалению, достигнуто не было. Можно надеяться, что возможные здесь недочеты не будут отражаться на содержании разделов, к которым они относятся.

Х.А. Амирханов

ВВЕДЕНИЕ

«Хиндалал» – общее название населения, традиционно и преимущественно занимавшегося садоводством в долинах нижнего и среднего течения Андийского и Аварского Койсу и после их слияния – реки Сулак до ее выхода на равнину. Это ярко выраженная в орографическом, климатическом и хозяйственном отношении горно-долинная зона, которую аварцы называют Хиндалал (Хиндалла). В пределах этой названной зоны Горного Дагестана было садоводческим оазисом и составляло специфическую этнокультурную область. Здесь сформировался особый хозяйственно-культурный тип. Этнокультура Хиндалала интересна тем, что в этих долинах, как ни в одной другой области Большого Кавказа, выражен феномен активного воздействия человека на ландшафт долин до почти полного преобразования их естественного рельефа, а также изменения характера почв, состава растительного и животного мира.

Долина во многих пунктах, особенно в местах впадения притоков, образует расширения, превращавшиеся трудом человека в масштабные садовые угодья. Помимо этого, в пространстве данного хозяйственно-культурного типа отмечаются свои особенности материальной культуры, отражающиеся в хозяйстве, поселениях, типе жилища, одежде, пище, производственном инвентаре. Немало специфических предметных регламентаций общественной жизни и экономической деятельности. Мы сталкиваемся здесь с уникальными распорядительными функциями общин в функционировании всего оазиса и практикуемых в нем оросительных порядков. Этнокультура древних садоводов опи-

сываемой зоны, максимально выразительна, как в плане преобразований в природе, осуществляемых человеком, так и обратного воздействия «культурного» ландшафта на самих создателей и носителей этой культуры.

Исследования этнокультуры обитателей горных долин, полагаю, будут продуктивны для освещения проблем этноэкологии и, вместе тем, проблем экологии самых культур, образовавших инфраструктуру долин. Привлекательность для указанных целей долин районов Хиндалала состоит еще и в том, что мы имеем здесь высокую демографическую насыщенность – более ста человек на один квадратный километр полезной площади (если не намного больше). Задача освоения долины в древности была под силу обществу оседлых земледельцев, обладавших не только навыками аграрного орошения, но, что более важно, способностью организовывать оросительные процедуры и технологии, приспособив для орошения паводковые и селевые потоки, превращая потенциально разрушительную силу последних в полезный, созидательный фактор.

В данной работе приводятся археологические свидетельства тому, что земледельческое освоение гор Дагестана в первобытности шло не из долин в высокогорья, как это характерно для Большого Кавказа в целом, а, наоборот, с нагорий в долины. Эта особенность была отражением своеобразия культурного развития Восточного Кавказа в момент распространения здесь куроараксской археологической культуры эпохи ранней бронзы.

Значимость объекта исследования заключается, помимо прочего, в раскрытии и научном осмыслении тысячелетнего опыта освоения человеком горных долин, особенно опыта нескончаемой борьбы со стихией разрушительных паводковых разливов четырех Койсу и их притоков. Здесь можно видеть то, что Майкл Манн называет эффектом застоя (“caging” *effect*). Функционирование сложившейся системы в рассматриваемой зоне было настолько неизменным, что оно завело самых творцов местной инфраструктуры в ловушку вечного занятия одним и тем же на

одном и том же месте, то есть к формированию локальной цивилизации¹.

Из опыта исследований по хозяйственному освоению Хиндалала можно заключить, что горно-долинная зона в начале ее освоения была экстремальной из-за отсутствия пастбищ для скотоводства и жаркого климата. Переход к орошению видоизменяет картину – долины Хиндалала превращаются в плотно населенный оазис со специализированной отраслью агрокультуры в форме садоводства. Можно уверенно сказать, что на всем Кавказе нет области, которая была бы более интенсивно освоена под садоводческо-земледельческий уклад культуры, чем зона Хиндалала. Садоводство здесь настолько развито, что производит на поэтическое воображение путников такое же впечатление, как и оазисы в пустыне.

Сады в долинах, с их воздухом, настоящим на ароматах спелых фруктов, с пением птиц и журчанием ручьев поэты называют раем на земле. Отдельные аулы Дагестана, как например, Кубачи, Ичичали и др., специализировались в отдельных ремеслах и, добившись высокого художественного уровня, сделали их основой своей экономики. Точно так же обитатели долин Хиндалала сделали садоводство своим ремеслом и основным промыслом. В 60–х годах XX века около половины всех фруктов, произраставших в Дагестане, приходилось на горные долины. При том, что в советское время, «колхозное садоводство» стало планомерно практиковаться и на Прикаспийской равнине. В старину равнинные районы, так же как среднегорные и высокогорные, вообще или почти не знали садоводства. Фрукты здесь всегда были товаром, поступающим из долин. По преданию, Тарковский шамхал попросил вырастить ему фруктовые деревья на поле своего кунака в долине Ирганая. Когда сельчане узнали, чьи это деревья, они вырубали их, говоря, что, если шамхал здесь вырастит сад, то они не смогут сбывать свой

---

¹ *Mann, Michael.* The Sources of Social Power. Vol. I. Cambridge University Press, 1986. – 560 p.

товар при его же дворе. Это, конечно, только предание, но оно красноречиво отражает ситуацию.

Обитатели Ирганайской долины, как минимум, во втором тысячелетии до нашей эры уже разводили сады, о чем свидетельствуют археологические исследования². В разные годы автор этих строк исследовал ирригационные каналы всей этой долины, замерял их и фиксировал названия, описывал общинные порядки водопользования, ухода и ремонта каналов.

Этнографическое изучение ложа и нижней части склонов Ирганайской долины, как геоморфологической структуры, претерпевшей в ходе ее хозяйственной эксплуатации полную антропогенную трансформацию, было осуществлено мной в 2004 году. Здесь пригодился опыт, приобретенный в экспедиции 1989 года в Вади Хадрамаут – крупнейшей долины Южной Аравии, и сделанных там наблюдений способа аккумуляции лессовых почв в верховьях Вади Амд³. После этого пришло понимание процесса формирования возделываемых участков Ирганайской долины. Исследование разрезов напластований убеждает, что мы имеем здесь дело не просто с аллювиальными выносами, а наносами, образовавшимися в результате долговременной ирригационной деятельности. Эта деятельность, длившаяся последние четыре тысячелетия, способствовала возникновению современной земледельческой округи, где само накопление и регулярное обновление плодородного почвенного слоя было следствием целенаправленной ирригационно-агротехнической активности обитателей долины.

---

2 Атаев Д.М., Погребова М.Н. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукельского района (предварительное сообщение). МАД. Т. 3. С. 28–35.

3 Агларов М.А. Хиджли верховий Вади Хадрамаута (к изучению гуманитарного аспекта селевой ирригации в Южной Аравии) // История взаимодействия общества и природы. Факты и концепции. М., 1990. С. 90–91.

Рис. 1. Ирганайское поселение 1.
На заднем плане разрез ирригационного наноса.
Фото автора. 2004 г.

Принципы задержания и аккумуляции лессовых почв в верховьях южноаравийских вад и в днищах крупных горных рек оказались одинаковыми. Различны лишь их масштабы и средства достижения цели. Главное в обоих случаях было то, что поля в днищах долин устроены на почвах, нанесенных в результате ирригации. Закреплялись наносы благодаря каменным ограждениям намеченных участков, а также садовым и другим древесным насаждениям. Без культурной деятельности человека эти долины выглядели бы не оазисами, а голыми ущельями, заваленными валунами и речной галькой, с небольшими островками случайно закрепившихся почв, как это мы видим в неосвоенных местах. Таким образом, Ирганайская долина общей площадью около 800 га явилась своеобразным памятником паводковой и селевой ирригации, навыки которой возникли здесь несколько тысячелетий назад. В наши дни долина целиком затоплена водохранилищем

Ирганайской ГЭС и, очевидно, кроме наших описаний, от этого феномена, от выдающегося памятника истории земледельческой культуры ничего не осталось. Возможно, в будущем как уникальный садовый оазис и объект туризма он приносил бы больший экономический (а в экологическом смысле и моральный) эффект, чем третий агрегат упомянутой ГЭС. Слабым утешением служит то, что в других частях долины имеется несколько расширений, значительно уступающих Ирганайскому.

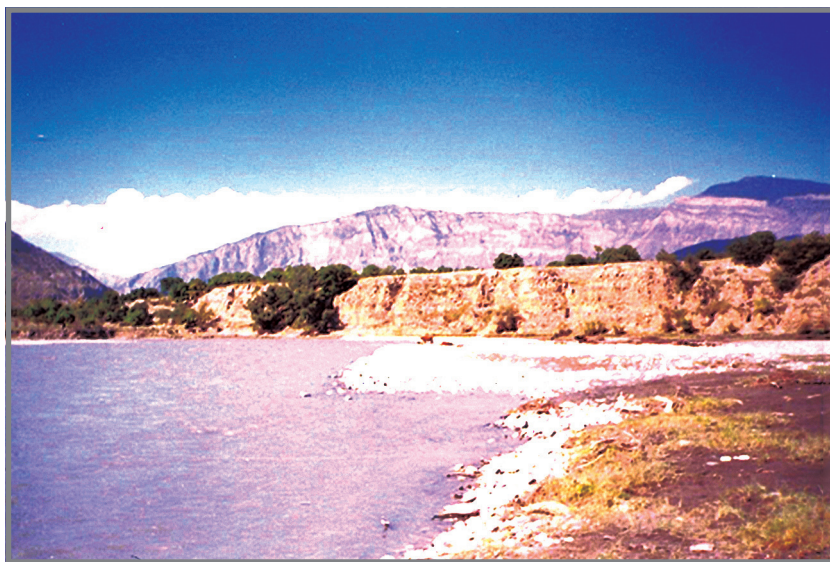

Рис. 2. Разрез ирригационного выноса у р. Койсу.
Высота выноса около 10 м.
Фото автора. 2004 г.

Практическая значимость исследования, хочется думать, состоит в систематизации этнокультурного (включая этноэкономику) и экологического опыта населения определенной хозяйственно-культурной зоны для возможного использования этого опыта в устойчивом развитии региона, сохранении неповторимых культур вместе с традиционными технологиями горцев. Возможно, новые исследования этноэкологов и экономистов покажут

преимущества сохранения этой долинной зоны Дагестана и смогут повлиять на сознание и планы гидроэнергетиков в их перспективных планах развития гидроэнергетики в рассматриваемой зоне.

В соответствующих разделах дано изложение истории наиболее представительных сел этих долин с интересными добавлениями из публикаций краеведов⁴, газетных статей, воспоминаний и магнитофонных записей М. Нурмагомедова – известного дагестанского арабиста.

Читатель может учесть фольклорный характер этих источников, которые автор дает больше в документальной форме, сохраняя стиль и подробности устного рассказа или письменного источника, насколько это возможно при переводе с языка на язык. Исторические предания об Арагани, Ирданае, Кудутле, Гергемиле, Харачи, Игали, Кирона и других селах сочетают данные полевого опроса с газетными и литературными публикациями. Широко использованы исключительно ценные материалы, касающиеся судьбы садоводства в советское время, из замечательно го издания Саиди Джухьяев М.М.

Ряд набросков посвящены рассмотрению специфики поселенческой культуры Хиндалала – специфики, вызванной малоземельем и специализированным садоводством. Эти особенности сказались в архитектуре, структуре поселений, дизайне интерьеров, функциональном назначении помещений в доме, детализации пространства жилого и хозяйственного назначения.

Особенности общественного устройства читаются менее четко, что объясняется единым форматом самоорганизации горских обществ и едиными этапами его трансформации в течение последних двух столетий. В хозяйственной деятельности (даже

4 Мухаммад Габдулгизов. Къудукъа Мусалав. МахIачхъала, 2008.

5 Нурмагомедов М.Г. (1909–2004) родился в с. Арагани Аварского округа (ныне Унцукульский р-н). Его предками были видные и известные в Дагестане ученые Абу-бакар Аймакинский и Саид Араканский.

6 Яхъяев М.М., Магомедов И.И. Горно-долинное садоводство: резервы интенсификаций. Махачкала, 1994. – 272 с.

индивидуальной и семейной) отмечаются более жесткие регламентации общественной жизни, режима эксплуатации сельскохозяйственных угодий, чем у жителей среднегорий и высокогорий зоны Центрального и Западного Дагестана, т.е. горцев (*маарулал*).

Возделываемой частью территории жизнеобеспечения (экономической территорией) здесь является садоводческая округа поселения (*ах*). Она, как правило, состоит из совокупности отдельных участков и обозначается словом мегъ (*мегъ*), которым аварцы, обитающие выше ложа горных долин, называют комплекс прилегающих к селу пашен и сенокосов.

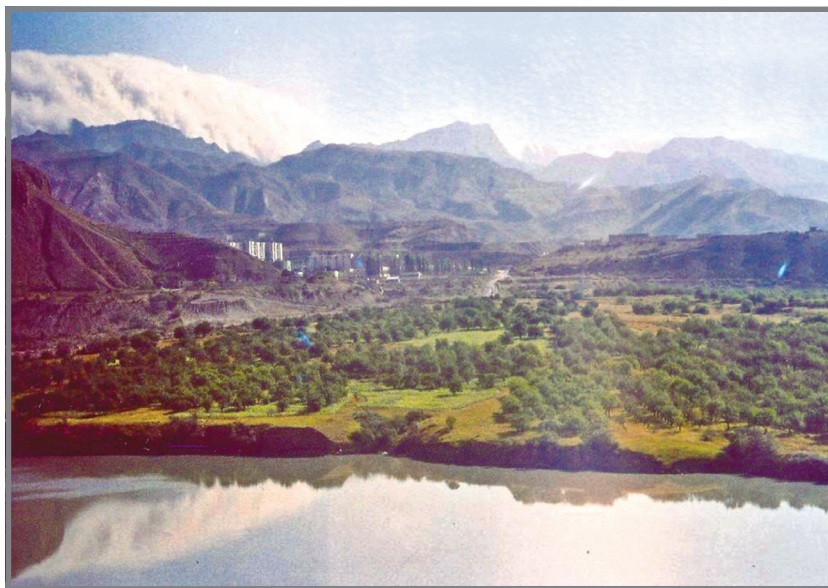

Рис. 3. Ирригационный вынос в районе пос. Шамилькала.
Фото автора. 2004 г.

ГЛАВА 1

Основные водные артерии, долины и горно-долинные поселения Центрального и Западного Дагестана

«В этих горах есть долины, ущелья и лоцины, населенные народами, не имеющими между собой сношения по причине суровости местности, недоступные горы которой теряются в облаках и благодаря густым и непроходимым лесам и бурным истокам, низвергающимся с высот, и громадам утесов».

Аль-Масуди

«Луга золота и рудники драгоценных камней».

По естественно-климатическому районированию внутригорная зона Дагестана входит в V район горно-лугово-степной зоны. Для нее характерны резкие изменения климатических условий – от полупустынных по долинам рек до степных и влажных горно-луговых на плато и склонах гор. Вегетационный период составляет от 120 до 250 дней. В почвенном покрове преобладают горно-луговые светло-каштановые разновидности почв и черноземы по склонам. Растительность – альпийские и субальпийские луга, в полупустыне – злаково-полынные степи. В данной зоне выделяются округа: 1) Хунзахско-Даргинский горно-лугово-степной, 2) Уркарах-Курахский горно-лугово-сухостепной, 3) Аваро-Андийский горно-луговой округ, 4) Верхнесамурский горно-лугово-степной округ.

По агроклиматическому районированию во Внутригорной зоне объединены два района (III, IV). Из них третий – умеренно-теплый (сумма температуры 3000°), тянется по долинам рек, коррелирует с областью распространения сухостепной расти-

тельности⁷. А последнее имеет отношение к области Хиндалала. Четвертый характеризуется прохладным климатом на плато. Сумма температур здесь составляет 2000–2500°⁸.

При сравнении с Северным и Северо-Западным Кавказом особую важность для хозяйственной жизни имело то обстоятельство, что наличие вертикальной зональности расширяло возможности хозяйственного освоения горных областей. Некоторые котловины зоны Хиндалала, особенно склоны южной экспозиции, настолько интенсивно аккумулируют тепло, что обеспечивают возможность возделывания теплолюбивых культур на достаточно больших абсолютных высотах. Другая особенность внутригорной зоны – существование резко очерченных микроклиматических и экологических ниш в виде котловин и плато, чередующихся друг с другом или расположенных бессистемно. Эта черта замечена исследователями растительного мира Дагестана. «Одни и те же пояса в различных частях Дагестана располагаются не вполне на одинаковых высотах и выражены не одинаково полно, границы каждого пояса идут ступенчато и пояса заходят один за другой»⁹.

Непосредственная близость одинаковых микроклиматических ниш, благоприятствовала хозяйственной специализации микрорайонов и торговому обмену между населением. Отметим разницы климатических режимов по пунктам близкорасположенных, но принадлежащих к разным микроклиматическим нишам. Они весьма показательны для охарактеризованной климатической чернополосицы или тому, как растительные пояса «заходят друг за друга». Так, продолжительность безморозного периода в ботлихской котловине (равно как и в Голотле, что у подножия Хунзахского плато) составляет 201 день. На Хунзахском плато – 157 дней¹⁰. Глубина промерзания почв на Хунзахском плато равна

---

7 Чиликина Л.Н., Шифферс Е.В. Карта растительности Дагестанской АССР. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 95 стр.

8 Агроклиматический справочник по Дагестанской АССР. Л., 1963. Карта 3. С. 12.

9 Шифферс Е.В. Природная кормовая растительность горного Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. М.-Л.: Наука, 1946. С. 178–211.

10 Агроклиматический справочник, 1963. Таблица № 5. С. 27.

45 см, в Голотле и в Ботлихе – 6 см. От Хунзаха до Голотля всего около 3 км, и между ними такая разница, тогда как условия Голотля воспроизведены в Ботлихе, на расстоянии более 70–80 км.

Также разнятся в различных зонах сроки наступления заморозков и продолжительность безморозного периода. Местные условия в замкнутых долинах и котловинах глубиной от 50 до 100 м на весенние и осенние заморозки влияют в 4–5 раз интенсивнее, чем обычно. Такие особенности микроклиматических ниш привели, в частности, к возникновению той самой активно освоенной в хозяйственном отношении горно-долинной зоны, называемой у аварцев *Хьиндаллы*¹¹, или в принятой русской транскрипции – Хиндалтли.

Внутригорная зона, таким образом, имеет ряд характеристик, отличающих ее от обычной горной вертикальной зональности. Тот или иной регион данной зоны, очерченный фигурально конкретной позицией гор и ущелий, представляет собой довольно законченный почвенно-климатический микромир. Также важно подчеркнуть, что речь идет не об обычной разнице условий, неизбежной с переменной мест, тем более в условиях гор, а своего рода почвенно-климатической мозаике, послужившей особо благоприятной основой для сложившегося в этой зоне горно-долинного хозяйственного уклада.

Вдоль течения Андийского Койсу зона Хиндалтли и, соответственно, пространство обитания «хиндалал» (*хьиндалал*) с точки зрения горцев достигает от устья названной реки до современного села Ортаколо¹², что расположено ниже Ботлихской котловины. Реально же сама долина с тем же самым укладом горно-долинного типа хозяйствования (орошаемое земледелие и садоводство), начинается у Алакского хребта (примерно на гра-

---

11 Этимологически это понятие сводится к значению «местность, прилегающая к воде».

12 Г. Цадаса отмечает селение Ортаколо стихотворной строчкой как жаркое, словно печка (горящий тандыр) место: «*Боркьараб кор Гадаб ПортАколосо, квачан ятиларо роол глужльидал*». См.: Гамзат Цадаса. Стихотворение «Чухтлу» // Избранное / перевод с аварского Н. Гребнева, Д. Голубкова, А. Глобы. М.: Художественная литература, 1977. – 404 с.

нице современных Цумадинского и Ботлихского районов). Она включает в себя Ботлихскую котловину, Мунинский «оазис» и всю остальную часть вдоль течения Андийского Койсу вплоть до его устья. Если говорить о долине Аварского Койсу, то здесь зона Хиндалтли распространена от устья реки до с. Заиб близ границы современных Хунзахского и Шамильского районов. После слияния Аварского и Андийского Койсу ниже с. Гимры ныне затопленны. В долине Сулака введены в сельское хозяйство и использованы. Входящие в Саятавское общество села Чиркей, Зубутль, Миатли ныне перенесены на приморскую равнину.

Эта область – оазис Муни – артерия Аварского и Андийского Койсу и из других земель в последующий период в долине артериям Центрального и Западного Дагестана (по Сулаку: Миатли – Зубутль – Чиркей – Ишкарты; по Андийскому Койсу: Гимры – Ашильта – Чирката, Игали – Инхо – Тлох – Муни – Ботлих – Миарсо; по Аварскому Койсу: Гимры – Унцукуль, Ирганай – Аракани, Зирани – Кикун).

Глубокие долины и котловины эрозионного и тектонического происхождения, суживающиеся в отдельных местах до нескольких метров, открываются плоскими днищами и впадинами. Наиболее крупные из них: Ботлихская, Гимринская, Гергебильская, Ирганайская, Хиндахская, которые достигают 3–4 км в ширину и имеют относительно плоское террасированное дно. В нижней части последнее окаймлено пологими склонами, «изборозженными балками и рытвинами, и покрытыми глыбовыми осадками»¹³

Андийское Койсу называется у аварцев *Ганди-Дор* (Андийская река). Андийцы называют ее *Лъенсо* или *Тенгиз*, т.е. «море». Река образуется слиянием рек Тушетская Алазань и Пирики-тельская Алазань, берущих начало в Горной Тушетии. Заканчивается она в месте ее слияния с Аварским Койсу. Общая длина реки составляет 144 км. В своем верхнем течении (до устья реки Кила), река протекает в глубоком и узком ущелье. Клинообразное

¹³ Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959. С. 42.

ущелье верховий по днищу настолько узкое (20–25 м), что большей частью занято самой речкой и лишь в местах поворотов ущелье расширяется до 40–80 м. Крутые лесистые или обнаженные склоны сложены из темных сланцев, участвующих в почвообразовательном процессе в среднем течении, т.е. зоны Хиндалала.

Выше с. Ботлих, вступая в зону известняков, река прорезает ряд скалистых хребтов, образуя то узкие ущелья и теснины, то котловинообразные расширения на участках выходов глинистых сланцев и песчано-глинистых пород. Последние податливы к размыву и способствуют образованию обширных котловин, пригодных для сельскохозяйственной эксплуатации. Наиболее значительные из таких расширений (до 500–700 м) приурочены к селам: Ботлих, Муни, Ортаколо¹⁴.

Помимо расширений долин географы отмечают и такие резкие (и эффектные – *прим. Х.А.*) сужения, когда река с грохотом несет свои бурлящие воды по узкому скальному руслу шириной от 5 до 15 м.

По преданию, при бегстве от неприятеля одно из таких ущелий шириной 4,5 м преодолел прыжком имам Шамиль с малолетним сыном на плечах. Глубина реки в таких местах достигает до 40 м. Около урочища Сагри, примерно в 100 метрах от слияния с Аварским Койсу, скальная теснина, по которой течет бурлящая река настолько узка, что ее можно просто перешагнуть. В местах расширений dna долины река меандрирует, разбиваясь на блуждающие рукава и образуя небольшие острова и каменистые берега.

Аварское Койсу (аварские названия – *Глор, АваргЛор, КЛудияб гЛор*) берет свое начало у горы Гутон на Главном Кавказском хребте и заканчивается в месте слияния с Андийским Койсу. Длина реки составляет 178 км.

В целом река похожа на Андийское Койсу. Наибольшее сужение реки приурочено к Карадахскому ущелью. Наибольшее расширение (до 500–800 м) приходится на Ирганайскую долину,

---

14 Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Указ. соч. С. 162.

где русло разветвляется на множество рукавов. На отрезке своих последних 25 км река снова ограничена скальной тесниной.

В бассейне реки Аварское Койсу зона Хиндалала начинается по течению из Голотля – Заиба и завершается садами Ирганая, Унцукуля и Гимры. В районе Ирганая левый берег представлен почти вертикальной скальной стеной из прочных песчаников и доломитов. Ирганайская долина в связи с проблемой горно-долинного типа хозяйствования заслуживает особого внимания. С точки зрения изученности, в том числе усилиями автора, она также находится в выгодном положении.

Казикумухское Койсу имеет своим истоком склоны г. Дюльты-даг на высоте 3200 метров над уровнем моря. Длина реки – 81 км. У с. Гергебиль река впадает в Кара-Койсу. В 4-х км выше с. Цудахар она образует узкий коридор протяженностью 100 м и шириной 7–10 м (Цудахарские ворота). Особенно экзотично река врезается в песчаник у с. Ташкапур, где местами ее можно перешагнуть с одного берега на другой. За мостом «Зайзай-кибе» река вдруг исчезает, врезаясь глубоко в скалу и образуя настолько узкую щель, что можно стоять одновременно на ее обоих берегах. Можно представить впечатление, которое произвела теснина на известного исследователя Я. Костенецкого, который в 1837 году был здесь: «Наконец я увидел одно из так называемых чудес природы – Хаджал-Махинский водопад. Большая, страшная река Койсу, как Терек в Дарьяле, несетя среди грозного ущелья и на четверть верст падение ее делается так круто, что взбитые рекою волны не льются, а прыгают одна через другую, отделяясь от поверхности воды и несясь в воздухе, как испуганное стадо баранов, стремглав бегущих с горы, и вдруг эти крутящиеся и яростные волны останавливаются, вздымаются, кружатся и несколькими потоками со всех сторон падают в каменный, саженей четырех в диаметре, глубокий бассейн – и, можно вообразить, что делает такая страшная сила в таком тесном пространстве. Вода кипит и клокочет, как в котле, крупные брызги лучами мечутся в разные стороны, разбиваются в пары, шум оглушает уши, скалы дрожат под ногами. Но вот вода вырывается из этого

мутного заключения и многими узкими водопадами низвергается еще саженей на четыре и исчезает! ... таким образом, саженей на сорок вся река проходит глубоко под землю или скалою и потом опять вырывается на свободу и несется по ущелью»¹⁵. Многие ли изменилось с тех пор здесь? «Пожалуй, ничего», – комментирует географ М. Эльдаров в своей книге о природных памятниках¹⁶.

Этимологические заметки

Долина Хиндалала (Хьиндаллъи – прим. ав.) является, как уже говорилось, отдельной подзоной Внутригорной зоны Дагестана. Название Хьиндаллъи обозначает одновременно геоморфологическую и культурно-хозяйственную характеристику. Жителей этой зоны, соответственно, называют хьиндалал. Данное название еще имеет синоним ЛъарагІлъи^{17*} Этимология слова «лъарагІлъи» как «равнина» весьма прозрачна, (если нет другой скрытой этимологии) это словосочетание от «лъар» (=река=) + «рагІал» (=берег=) + «лъи» (суффикс). Вместе с тем, за ярко выраженной горно-долинной зоной закрепилось не «ЛъарагІлъи» (берег речки), а другое название – «Хьиндаллъи», имеющее аналогичную этимологию, как «речная (водная) область» от «хьин», «лъьин» – вода¹⁸.

Существует и самая ранняя версия этимологии «хьиндаллъи» от аварского слова «хин», что значит «тепло»¹⁹. Все эти три этимологии нам дают образ долины, сочетающей в себе «равнину», «тепло», «воду». (В данном заключении этимологическая дилемма «тепло–вода» не существенна, коль скоро «вода» как «лъар» (река) включена в первую этимологию, читаемую как «берег реки»). В условиях горного ландшафта и довольно суро-

---

15 Костенецкий Я.И. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851. С. 33.

16 Эльдаров М.М. Памятники природы Дагестана. Махачкала, 1991. С. 14.

17 Точно также как аварцы именуют равнинную область Дагестана, соответственно ее жителей кумыков («лъарагІал» – кумыки, «лъарагІ мацІ» – кумыкский язык).

18 Сулейманов Я. Этимологические изыскания // УЗ ИИЯЛ. Т. 13. 1964. С. 414.

19 Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889. Отдел второй. С. 93, 199.

вого климата нагорий, впадины русел названных рек и представляют ландшафтно-климатический «оазис».

Существует предположение, согласно которому, наряду с хозяйственным освоением и «садоводческим оформлением» долин, наименование ее обитателей как хьиндалал, появилось в качестве антитезы названию МагIаруллги – «нагорье», соответствующее современному самоназванию аварцев «магIарулал», «жителей нагорий» или «горцев». Возникновение понятия «горцы» в качестве этнического самоназвания, явление для Кавказа редкое, если не исключительное (известно еще название этнографической группы Грузии – мтиулы, переводимое с грузинского как «горцы», что, в общем, не меняет картину). Если иметь в виду еще и то обстоятельство, что внутри Аварии, как во всем Дагестане, многочисленные этнические группы щедро наделены различающими их между собой названиями, неопределенное, собирательное «горцы», стоит вне общих законов формирования этнонимов. Возникший как оппозиция к «хьиндалал», термин «магIарулал», а вслед за этим и обозначение аварского языка в целом как «магIарул мацI», все больше обретал значение самоназвания всего авароязычного населения. Тем не менее, субэтноним «хьиндалал» остается в нише конкретного обозначения обществ и населения долины среднего и нижнего течений Аварского и Андийского Койсу.²⁰

Очень интересны гидронимы. «ГIор (ор)» – аварское название реки как-будто бы присутствует в большинстве гидронимов Кавказа: река «Ордон» (Осетия), традиционно этимологизируемая как «ор» – бурная, «дон» – река, а на самом деле состоит из двух компонентов «река + река» (Ор + дон), где название на аварском (эндосубстрат) и второе «дон» – на осетинском (иронском). Такое же сочетание мы видим в гидрониме «лъенсо» – андийского названия реки. Первая часть на андийском: «лъен» – «вода» + «со» (су) – «вода» (тюркск.). Название реки «гIор» ассоциируется также с названием границы на аварском – «гIорхьи», где

---

²⁰ Агларов М. К изучению аварских этнонимов // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 129–134.

«хь» – локатив [ГЮр (Юр) как было сказано, присутствует почти во всех крупных гидронимах Кавказа: Кура, Аракс, Ордон, Самур, Кодори, Риони (Орион), Ингури, Иори. «Юр» – односложная форма, потому, отдавая себе полный отчет в возможной (даже неизбежной) случайности совпадений, обращаю внимание на плотность и системность встреч на Кавказе и особенно на то, что за пределами Кавказа эта закономерность исчезает, а также и на то, что в аварском «ГЮр» означает «река», а «ГЮрхьи» – граница, т.е. дает вполне четкое семантическое гнездо. Риторическим был бы вопрос, почему, собственно, на аварском, среди множества языков Кавказа «ГЮр» – значит «река». Весь смысл данного ряда сводится к сложению двух корневых лексем из разных языков, но обозначающих «вода» или «река». Так как система или, как это называют, этимологический ряд реально обозначен, свободно читается и «Койсу», названия основных горных рек Дагестана.

Идущая еще от Аль-Масуди и используемая во всех научных работах этимология гидронима «Койсу» с кумыкского «кьой-су» – «овечья река» («кьой» – овца, «су» – вода) не удовлетворительна. Более того, опираясь на уже проведенный опыт распознавания компонентов кавказских гидронимов, можно, подойти к этимологии гидронима «Койсу», долины которого являются объектом данного исследования. Сочетание «вода-вода» мы видим в гидрониме «Льенсо» (анд.) – названия Андийского Койсу. Первая часть «льен» – «вода» (анд.). Вторая часть гидронима «су» – «вода, река» (тюркск.). Похоже, и первая часть гидронима Кьой-су, то есть «кьой», то же что «ГЮр» или «юр» – «река». По сложности произношения с аварского «ГЮр» в тюркоязычной среде трансформируется в понятное для кумыка «кьой» (овца). Вторая часть гидронима «су», без сомнения, «вода, река». Так как система или, как это называют, этимологический ряд, реально обозначена, опираясь на нее свободно читается и «Кьойсу» то есть «река + река», в понятное «кьой-су» – Койсу, то есть что ложится в общекавказский ряд образования гидронимов.

ГЛАВА 2

Горно-долинные поселения Центрального и Западного Дагестана

С точки зрения населенности долина Хиндалала имеет наибольшую плотность. Здесь расположены крупные населенные пункты, и если взять во внимание, что большая часть долин – это скальные теснины, то с рассматриваемой точки зрения долина Хиндалала занимает первое место даже в густонаселенном Дагестане.

Таблица №1

Реестр на 1900 год сел Ирганайской долины и прилегающих к ней территорий

	Населенный пункт	Количество хозяйств
1.	Аракани	357
2.	Шуракатль	3
3.	Ашильта	120
4.	Балаханы	283
5.	Шулатлуга	18
6.	Бетлитль	168
7.	Гимры	273
8.	Зираны	48
9.	Кунзах	3
10.	Глантлари	3
11.	Инколита	37
12.	Ирганай	217
13.	Иштибури	48
14.	Иштибури коло	70
15.	Кахаб Росо	100
16.	Анжук	1
17.	Кудутль	199

Поселения Хиндалала типичны для общегорской поселенческой культуры. Тип застройки села представляет собой как бы единое многоступенчатое строение, где крыша одного дома служила двором для другого. Остановимся ниже на описании некоторых из исторически значимых сел Хиндалала.

Поселения горно-долинной части Дагестана относятся к сгущенному террасообразному типу²¹. Историко-этнографические исследования, проведенные в шестидесятых годах XX в., с документальной достоверностью показали, что все крупные поселения сложились в результате слияния окрестных мелких поселений в одно крупное в целях лучшей обороны²² и рационализации земельных угодий для их использования на принципах общеджамаатской кооперации²³. Крупные населенные пункты составляли общины-джамааты с высоким, частью полным суверенитетом (политической автаркией) на самоуправление и владение территориями, повторяя по этой схеме полисный строй античного времени. Особенный колорит Дагестану придают горные террасообразные поселения, число домов некоторых из них доходит до 1500–2000 (Телетль, Губден). Дагестанские горные террасообразные поселения, искусно вписанные в террасированный ландшафт, производили на наблюдателей неизгладимое впечатление. Известный исследователь дагестанской архитектуры Г.Я. Мовчан пишет: «То, что мне посчастливилось увидеть в Дагестане, поистине способно потрясти воображение любого человека, способного воспринять величие. Древние домостроения, огромные аулы, представляющие собой едва ли не единые строения – это сложные структуры, плод изощренного пространственного мышления»²⁴.

---

21 *Османов М.-З.* Поселения // Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 98-99; *Исламмагомедов А.И.* Поселения // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 112–131.

22 *Османов М.-З.О.* Там же; *Исламмагомедов А.И.* Там же.

23 *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане. М.: Наука, 1988. С. 34–71.

24 *Мовчан Г.Я.* Социологическая характеристика старого аварского жилища // Кавказский этнографический сборник. № 5. М., 1972. С. 149.

Поселения в Дагестане – это крупные образования по схеме небольших средневековых городков, имеющие соответственную планировку. В каждом поселении обязательна центральная площадь с мечетью: *годекан*, *ким* (лезг.) и т.д. Имеется разделение на кварталы, со своими квартальными *годеканами* и мечетями. Водосборники, как общественные поилки для скота, являются элементом топографии поселений.

Наблюдатели времен Кавказской войны отмечали, что каждый аул был крепостью, в который можно было войти только через одни ворота, запиравшиеся на ночь. В течение последних 40–50 лет наблюдается процесс постепенного выхода домовладельцев из исторической части аула. Стали строить дома усадебного типа с огородом. Отдельные аулы целиком переместились на бывшие пахотные земли (с. Гоор, Хебда, Карата и др.).

Село Муни (*Меннур*). Согласно мунинским преданиям, здесь некогда существовало обширное государство, во главе которого стоял Джугьут-хан. Его земли простирались до Хунзахского плато в горы и до плоскости ниже по течению Дангъиза (Андийского Койсу. – прим. А.М.) и до Харачоя. Верхнеандийские села тогда подчинялись Джугьут-хану. Он мог собрать войско в 1000 всадников на белых конях. Башня, что ныне высится напротив села, построена Джугьут-ханом. Это предание заимствовано моими информаторами из какой-то местной хроники, увезенной из Муни в свое время Шамхаловым Абдулатипом. Такую легенду мунинцы рассказывали в 1946 году Е.М. Шиллингу, который пишет: «В Муни были два брата, оба имели по одной башне по обе стороны мунинского ущелья. Вся земля направо от Дангъиза была наша, мунинская, а по ту сторону – Суракатовская. Муни могли выставить триста воинов на белых конях и триста на вороных. Оба брата враждовали между собой. Они владели всей областью и отсюда посылали охранников на север, чтобы там жили и не пускали врагов. Ими был послан Йолук на «Буцрал», они также основали с. Анди. Этим двум братьям с. Зило платило дань за землепользование. От одной башни шел крытый ход в другую

башню, ... один брат убил другого, забрал людей и башню разрушил. Когда пришел в Муни шейх Абу Муслим, он заставил людей принять ислам, распределил землю. Мунинцы уступили свои земли зиловцам и андийцам»²⁵. Согласно преданию, на северо-востоке земля мунинцев граничила с чиркеевской. Во время земельного конфликта, случившегося между ними и чиркеевцами, хунзахский хан землю присудил чиркеевцам, а мунинцам присудил лес, «что напротив села, по ту сторону Дангиза»²⁶. Любопытно, что эта легенда существует у жителей, отличающихся своим миролюбием и безземельем, благодаря доминированию верхнеандийских обществ. Муни, по тому же преданию, выжило благодаря искусству садоводства, который им обладает и до сих пор.

Согласно преданиям с. Муни вначале было рассредоточено в трех небольших поселениях, которые назывались: «*Къамалили*», «*Ималили*» («*има*» – отец, предок + «*лили*» – локатив), «*Тулуби*» (от анд. «*тIулу-бил*» – крутая гора). Затем эти поселения объединились в одно большое селение – Муни. («*Беннур*», основа «Бен» – имеет ли «Бен» отношение к евреям, с каковыми сравнивают мунинцев?). В старину село, по словам информатора, стабильно состояло из 350–400 домов. Кварталы в Муни это обычно называемые в Аварии *авалы* и их в селении три: *Инхи-авал*, *Корччи-авал*, *Рохъи-авал*. Названия переводятся: «авал на потоке», «авал на канале», «авал- *Корччи*». (Последнее название совпадает с названием араканского авала *Карри* в прошлом – еврейским.) Ныне в Муни более 1000 домохозяйств. Селение расположено на гигантской скальной плите (наклонной на 10–20°), ориентированной на юг, на месте выхода речки *Унсальен* из мунинского ущелья к Андийскому Койсу. В старину село было надежно защищено сверху указанной скалой, с юга село ограждено сплошной застройкой. Единственный вход был через запиравшиеся на ночь ворота, которые еще сохранились.

---

25 Шиллинг Е.М. Очерки по этнографии андийцев. 1948 // Архив Института этнологии и антропологии. Д. 7629. Л. 100.

26 Информатор: Набиев Магомед. С. Муни, август 2005 г.

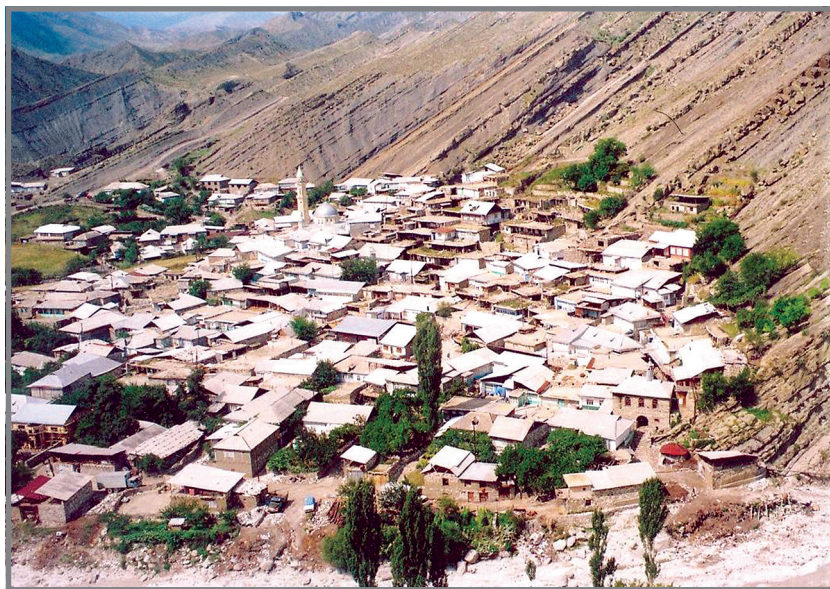

Рис. 4. Муни. Вид сверху. Фото автора. 2005 г.

Строительные остатки указывают, что в прошлом верхняя часть села базировалась на более высокой отметке скалы, откуда начинается село. Ныне поселение увеличилось, «расползлось» на 1,5 км к Андийскому Койсу. Дома в новой части построены на современный лад отдельными усадьбами, но достаточно компактно. Правобережная сторона целиком застроена. Каждый мунинец, прежде чем женить сына, строит ему дом в наследственном саду, выделенном им в собственность сыну по случаю женитьбы, и тем отделяет его в самостоятельное «хозяйство». Дома строят в современном стиле: скатная железная крыша, отдельная кухня, интерьер с мягкой мебелью, без камина, место которого занимает телевизор иногда с «антенной-тарелкой». Вместе с тем сохраняется этажность. Веранды (*локъу*) гораздо обширные и глубоко заходящие в тело строения. В Инхо их называют *паж*. Левобережная часть *мегъа* пока еще не застраивается и используется как

единый комплекс с общинной регуляцией работ на нем, особенно ирригации, как это делалось в старину. Даже в колхозное время, не говоря о досоветских временах, выход стройкой за пределы поселения в с. Муни, как и во всем горном Дагестане, был запрещен традицией и специальными постановлениями общины. Здесь привлекает внимание старая часть поселения, которое, по-моему, по виртуозной организации и «владению» пространством – явление неординарное. Вначале заметим, что в Дагестане плотная застройка поселений является их характерной особенностью, на что исследователи, затрагивая эту тему, указывают в первую очередь²⁷. В Муни же эта особенность экстраординарна и заслуживает особого рассмотрения.

От былой планировки ныне остались лишь фрагменты. Новые, перестраиваемые дома покрываются скатными железными или шиферными перекрытиями. Это самым нелепым образом разрушает и уничтожает пространство, которое ранее архитектурно организовывалось с удивительной рациональностью и непередаваемым уютом.

Аул расчленен двумя крытыми, как они называют «темными» улицами (*бот* *Юл къват* *Ибол*), идущими параллельно друг к другу от начала до его конца (рис. 30). Крыша одной «темной» улицы служила единым двором для вышестоящего ряда из двадцати домов, который назывался *реххун*. Ряд прерывался поперечной улочкой, соединяющей параллельные улицы. Все село, на удивление, представляло собой единое строение. Мой информатор (без «наводящего» на эту тему вопроса, в общем рассказе об образовании села) говорил: «Село было построено так, что если разрушить один дом, то мог развалиться весь аул («*ил* *Лу-*

---

27 Никольская З.А. Из истории аварского жилища // СЭ. 1947. № 2. С. 155; Исламмагомедов А.И. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX–XX веках // УЗ ИИЯЛ. Т. 14 (серия историческая). Махачкала, 1965. С. 257; Гаджиева С.Ш., Пашиева А.Г., Османов М.-З.О. Поселения // Материальная культура даргинцев. Махачкала. 1967. С. 85–87; Исламмагомедов А.И. Поселения // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, С. 110–119; Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин в XIX – нач. XX в. М.: Наука, 1978. – 303 с.

гу гьонсугу, себ хозяйства бокьукку бухиду реси биклоссу)»²⁸. Дословно с андийского можно перевести: «Невозможно было «вынуть» (отторгнуть) из аула одно отдельное хозяйство; только целиком весь аул»). Он еще добавил, что, «если разрушить каменные стены, аул бы не рухнул, так как «темные» улицы и дома стоят на деревянных конструкциях».

Рис. 5. Часть крытой улицы в с. Муни.
На переднем плане фрагмент оросительного канала.
Фото автора. 2005 г.

С минарета квартальной мечети нам удалось сфотографировать лишь один ряд некрытых шифером крыш домов, примыкающих друг к другу. *Будун* мечети, который стоял рядом во время съемок, назвал имена хозяев каждого дома с крышами, образующими один ряд, но различаемых по валикам выступающих

---

28 ПМА. Набиев Магомед, 70 лет. Магнитофонная запись, 2005 г. Кассета № 2.

смежных стен²⁹. Эти валики – верхи разделительных камер стен. «Дом» – это камера. Стены, разделяющие камеры, общие, как в современном крупнопанельном доме. Но дальше – сложнее. Эти камеры имеют вертикальную конструкцию, в 2–3 этажа, где крыша одного служит полом для другого.

Информатор назвал имена владельцев каждой камеры, и выяснилось, что последние все связаны друг другу родственниками. Однако каждая камера юридически была полной собственностью малой семьи. Не ради удобства, фактически, она была вполне отторгаема в юридическом смысле. Сохранился лишь фрагмент из шести домов-камер. Два ряда домов в ряд, как отмечалось, называют *реххун*, что на андийском языке обозначает квартал. Но в мунинском диалекте так именуется лишь указанные ряды домов-камер, которые прерывались поперечными уличными сообщениями.

Особенность дагестанских горно-долинных поселений изучена в деталях современными исследователями³⁰. Посетив разрушенный Гоцатль в мае 1837 года, Я. Костенецкий писал: «...Дворы в ней также были между собой застроены, что не узнаешь, где оканчивается и где начинается другой дом. Так как деревня расположена на крутом косогорье, то сакли стоят почти одна над другой, и, войдя снизу в одну, вы увидите в середине ее, вверху, маленькую дверь, которая ведет в другую, вышестоящую саклю, а из этой еще выше, в третью. Таково внутреннее устройство почти всех горских аулов, и так как дома прилеплены один к другому, то в случае нападения неприятеля, жители проламывают стены, и таким образом весь аул делается как бы одним домом, в котором бесчисленное множество темных переходов, закоул-

---

29 По очереди, начиная с квартальной мечети: ближайшая к мечети крыша дома принадлежит Шарудиловой Айшат, следующая – Рамазанову Магоме, третья – Магомедову Лабазан Гаджи, четвертая – Габиджановой Загре, пятая – Магомедову Муъмину, и шестая – Умарову Абдулхалиму.

30 Османов М.-З.О. Поселение // Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 65–98; Исламмагомедов А.И. Поселения // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 96–131; Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин в XIX – нач. XX вв. М., 1978. – 303 с.

ков»³¹ (рис. 6.). Данное описание в наибольшей степени подходит с. Муни (рис. 7). Устойчивая и характерная для всех аулов форма – это их террасообразность. Уместно к описанию Костенецкого присовокупить описание еще одного автора о форме поселений горцев Дагестана: Ф. Байерн пишет, что «плоская крыша одного дома служит здесь двором для другого, построенного выше него, так что подобная деревня издали имеет вид каменной гигантской лестницы»³².

Рис. 6. Лестничный марш с этажа на этаж.
Характерный каскад жилых построек в Муни.
Фото автора. 2005 г.

---

31 Костенецкий Я.И. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851. С. 48.

32 Байерн В.Ф. О древних сооружениях на Кавказе // ССКГ. Тифлис, 1871. С. 125.

Рис. 7. Многоэтажные структуры («вертикаль»). Муни.
Фото автора. 2005 г.

Террасообразный облик имеют селения: Муни, Кванхидатль, расположенные в жарких долинах рек. Основной отраслью хозяйств жителей этих сел было (да и остается), как уже говорилось, садоводство, сочетавшееся с высокоорганизованным интенсивным, но незначительным (из-за малоземелья) земледелием. Скотоводство здесь, в силу месторасположения сел, было развито крайне незначительно. Поселения террасообразной формы были следствием их предельного приспособления именно к этой земледельческо-садоводческой направленности хозяйства. На крутом склоне путем такого расположения жилищ жители добились максимальной, ровной и солнечной свободной площади. При необходимости сушить фрукты и зерно, перекрывались улицы и улочки (например, в селениях Муни и Ботлих).

Село Инхо (Инхо). Расположено у выхода речки из гор к Андийскому Койсу. Селение делится на Нижнее Инхо и Верхнее Инхо (*Гъоркъ Инхо, Тлад Инхо*), каждое из них имеет статус отдельного административного образования. Сейчас оба селения разрослись и пространственно соединились. Оба селения жили за счет садоводства.

В Верхнем Инхо говорят: «*Гладамал ракъаль хыхъула, нижеца ракъ хыхъула*», что значит: «Земля выхаживает (кормит) людей, мы же обхаживаем землю». Нижнеинховцы относятся к тем, кого «кормит земля». Они говорят, что у них никогда не было голода и что к ним на местожительство приезжали горцы (*магIарулал*). Верхнеинховцы живут на правом склоне ущелья речки Инхи, где, пресловутое малоземелье, и потому они на крутых склонах прилагали несравненно большие усилия террасостроительству, содержанию садов и в целом *мегъа*.

Рис. 8. Садовые террасы *магълъал*. Верхнее Инхо.
Фото автора. 2005 г.

Нижнее Инхо и их *мегъ* расположены в обширной долине Андийского Койсу. Равнинное дно и использование в оросительных целях паводковых вод дают иную, более благоприятную для земледелия и садоводства экологическую картину. В Нижнем Инхо имелось сословное деление. *Уздени* занимали южную, левобережную часть, *лаги* и *апараги* – правобережную часть. Сейчас такой тип расселения практически не соблюдается.

В Верхнем Инхо не было сословия лагов и пришлого населения без статуса членов джамаата.

Старая часть села была плотно застроена, как и другие села зоны Хиндалала. Пожалуй, можно сказать, что долинные поселения с темными улицами – отдельный подтип горно-дагестанских поселений. Плотность и структура поселения здесь особенно ярко выражены, как в с. Муни. Старые части с. Инхо обнаруживают те же черты исключительной скученности построек. Последнее проявляется и в наличии протяженных «темных» улиц.

Ближайшего соседа здесь называют «рукъ цурав, къед цояв мадугьал»³³, что значит: «сосед из дома впритык и с общей стеной».

Рис. 9. Верхнее Инхо. Годекан. Фото автора. 2005 г.

Дома на краю аула, выстроенные плотно друг к другу и имеющие смежные стены, преграждали свободный вход в село. В планировке с. Инхо, также, как и в с. Муни и Ботлих, наряду с доминантой темных улиц, важное место занимала организация поселения «по вертикали», т.е. по принципу многоэтажности. Здесь мне показали развалины старого трехэтажного дома и рассказывали, что, когда хозяин первого этажа стал восстанавливать свое строение, хозяин бывшего второго этажа заявил свои права и решил построиться над первым. Тот не захотел. Развалины так и стоят. Права разных лиц на первый и на следующие этажи

---

³³ Выражение приводится из текста рассказов об Алигаджи из Инхо. См.: *Инхоса Гали-Хлажи*. Асарал. Гали-хлажиясул асарал данде ракларана Инхоса Гусман-хлажи Мухамадовас. Махачкала, 2013. С. 250.

выражены в краткой формулировке: «*Чабар дир, гьава дур*», что переводится: «Пол мой – воздух твой». Смысл в том, что крыша моя, а то, что возвышается над нею – твое. В с. Муни по поводу «вертикальных» прав имеется другое выражение: «*Лом диб, их-тяр дуб*»; перевод: «Крыша моя, права [на пользование крышей] твои». Смысл этих выражений един.

Село Кудутль (*Къудукь*). Селение расположено у подножья горы Катлудж, в долине Иргана. До современного административного деления относится к Гергебитскому району. На землях нынешнего с. Кудутль по преданию было четыре села: *Клазиниб*, *Ташамаб*, *Тухуниб* и *Кларшаб*. Позднее поселения Тухуниб сохранились только в виде могил, а ныне жители называют «*капурхабалаби*» (кладбище неверных), а на месте поселения *Кларшаб* по сей день стоит каменный крест – свидетельство распространения в этом крае христианства в доисламский период.

Кудутль – родина знаменитого средневекового ученого Мусы Мухаммада б. Муса Кудутлинского (XVI–XVII вв.). Подготовка здесь ученых-арабистов стала давней традицией этого села.

Согласно преданию, село раньше было расположено в местности *Цантакваритли* (*Цантакваритлы*; ныне *Накклиме-джер*), расположенное недалеко от нынешнего Ирганая. Село входило в состав политического образования *Иргъан* (подлинность преданий об *Иргъане*, как о политическом образовании в долине реки Аварское Койсу подлежит еще подтверждению источника). Село Кудутль тогда состояло из 80 домовладений. В общую казну Иргъана кудутлинцы должны были давать четыре барана ежегодно. В самом же городе Иргъан было 9900 домовладений. В этот город входило 7 окрестных поселений – Карщаб (*Кларщаб*; 35 домовладений), Казиниб (*Клазиниб*), Азали (*Пазали*), Магмиз (*Магмиз*) и другие. В те времена, говорят, не было таких крупных селений как Аракани, Унцукуль, Гимры и др.

Говорят, ниже Кудутля было селение Каскар (переименованное в Гелбах). Есть предание, что люди, обосновавшие селение, были жителями Каскара. Согласно преданию, однажды село

Цантакваритли (*ЦантIакъварилъи*) было погребено под оползнем. Все жители погибли, в живых осталось 6 человек, которые были в отлучке в городе Иргъан. Эти шестеро, оставшиеся в живых обосновались в лесу с. Чорчер. Там был густой лес, много дичи, место подходило для жизни, как раз над этим местом возвышалась скала Куду (*Къуду*), откуда и происходит ойконим Кудутль (*Къудукъ*). Ныне эту скалу называют Катлул тлуру (*Къальул къуру*). Первопоселенцы обосновались на покрытой лесом макушке этой горы.

В село вели две дороги: с востока и с запада. С этих концов село запиралось двумя воротами; после закрытия ворот село превращалось в крепость (рис. 10.). По словам информатора, *«къаси росолъе киналниги жанир руссараб мехалда, шула гъарун рахалел рукIун руго гъел къаркъадерица, росулъе жанире тушбаби лъугъинчIого рукIине»*, то есть ворота каждый раз запирались на ночь, чтобы враги не зашли в село³⁴.

Рис. 10. Кудутль – аул-крепость. Фото автора. 2008 г.

---

34 ПМА. Абдулазизов Магомед, запись 11.10.2008 г.

Через смежные стены между жилыми домами были устроены проемы, по которым, не выходя на улицу, можно было перемещаться внутри аула-крепости (рис. 11.). По словам информатора, такая конструкция нужна была для защиты от нападений соседних обществ, чтобы «сохранить себя и свое имущество». Этот момент отмечал еще Я. Костенецкий. Горцы, обороняющие цепи жилых домов, неожиданно появлялись то в одном, то в другом конце аула, пользуясь внутренними переходами³⁵. Архитектор Н.Б. Бакланов в описании с. Малый Гочатль дает ремарку, где указывает на слитность построек: «Здание, то есть непрерывающееся сооружение, представляет собой в лучшем случае целый квартал, а иногда весь аул может быть включен в это понятие»³⁶. О том же пишет А. Исламмагомедов, приводя воспоминание Карнаилова о Гергебиле: «Пройдя шагов сто по сплошным земляным крышам, мы встали против дома, из которого вышла невеста»³⁷.

Рис. 11. Заложенный камнями проем в соседнее помещение.
Кудутль. Фото автора. 2008 г.

35 *Костенецкий Я.И.* Записки об аварской экспедиции 1839 г. СПб., 1851. С. 48.

36 *Бакланов Н.Б.* Художественная культура Дагестана // *Новый Восток.* № 5. 1924. С. 257–258.

37 *Карнаилов О.* Бытовые адаты и песня аварцев // РФ ИЯЛИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 99.

А.И. Исламмагомедов – лучший исследователь аварских поселений, добавляет: «Дома, тесно примыкая один к другому, тянутся на всю длину улицы, иногда прерываемые переулками, образуя сплошную застройку ряда, где свободно можно было переходить от одного дома к другому по крышам»³⁸.

Этой специфики горно-долинных поселений коснулся позднее Г.Я. Мовчан, бросив попутно упрек в адрес дагестанских этнографов, в том, что они не заметили эту выдающуюся особенность. Зарисовки предшественников на данную тему и собственные наблюдения им были обобщены в социологической характеристике старого аварского жилища³⁹.

Рис. 12. Крытая улица в Кудутле. Используется как помещение для хранения (лестница на стене, карниз с досками на потолке). Фото автора. 2008 г.

38 *Исламмагомедов А.И.* Поселения // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 133.

39 *Мовчан Г.Я.* Социологическая характеристика старого аварского жилища // Кавказский этнографический сборник. № 5. – М., 1972. – С. 149.

Село Аракани (*ГъаракӀуни*). Название содержит корень *арк* – «крепость» (перс.), как и *Аркас*, *Акаро* (гора над Хунзахом с раннесредневековой крепостью на вершине). Это одно из типичных крупных селений, сложившееся вследствие объединения рассредоточенных в прошлом мелких поселений.

Аракани – родина Саида Араканского и Нурмагомедова Магомед, известных ученых-просветителей. Привожу ниже записанный мною на магнитофонную ленту рассказ М. Нурмагомедова о с. Аракани.

«У нас, у Абдурахмановых, хранится книга на арабском языке, копию с которой снял Инквачилов Магомед, когда он приезжал к нам. Эта книга имеется и у меня. Там написано, что на земле араканцев (*ГъаракӀуни*) было семь поселений.

В начале упоминается поселение Казиниб (*Клазиниб*), там еще сохранилось кладбище, на котором есть могила шейха, говорят ансалтинского. По преданию, он родственник шейха Абу Муслима и родственник шейха Мусы, который похоронен в Гельбахе. Там, в с. Казиниб, говорят, была маленькая мечеть, которая сейчас в руинах. Место, где располагалось это поселение, находится рядом с местностью, называемой сейчас «Площадка». Перед мечетью был каменный истукан (*ГанчӀул МахӀу*), отесанный и вытесанный, ставленный

Второе поселение – Аракани. Его называли также *ГъатабкӀуни* (или *ГъабзакӀуни*) – трудно разобрать по записи. – *М.А.*) Село так называлось потому, что в него вела только одна дорога, а кругом была крепостная стена. О характере укреплённости этого села говорит такое предание. Надир-шах в своих завоевательных походах из Дербента пришел в наши края и стоял на горе Шишилик. Говорят, туда ему доставляли горячую еду в специальных сосудах, сохраняющих тепло. Шах послал человека осмотреть село, и когда он рассказал, как надежно укреплено село, то Надир-шах сказал: «Легче наполнить телами убитых долину Хиндалала, чем взять это село». Так рассказывают в Аракани.

По преданию, в Аракани жили евреи, пока не пришли аварцы. Было в авале *Каш* 35 еврейских хозяйств и одна большая синагога. Она разрушена и на ее месте построено два-три дома.

На этом месте есть некоторые арабские названия и находили арабские деньги (монета), на которых написана формула единобожия «Ла илагъа Илла Ллагъ». Деньги остались у женщины по имени Фирдоус. Видимо, монета сюда попала после завоевания края арабами.

Третье селение находилось вблизи майдана Шишилика, на краю скалы. Видимо *мегъ* Шишилика, луга и лес принадлежали этому селу.

Там над *МагИнизом* на майдане имеется место, где было большое городище. Рассказывают, что там были люди Ирана (Игърана?), огнепоклонники. Правил ими Арип-хан. У этого хана была арба, и он зимой спускался в Ирганай, летом в Бухра-Гадари и сам он был оттуда. Так рассказывают (*бицен буго гьадинаб*).

Четвертое – *Арцари Габурлъи*. Оттуда с тех времен имеется тропинка через лес вниз в *Бухра-Гъадари*. Я показал тропу и поселение в свое время Атаеву Дибиру, две тысячи лет тому назад там должно было быть село (судя по керамике), как сказал покойный Дибир, да простит Аллагъ его пригрешения.

Пятое селение – это *Хъерехъун*. Оно было расположено вблизи с. Ирганай, когда оттуда идешь вверх (*эххеде унеб мехаль*), там имеется кладбище мусульманское, есть горка, на которой было село. В той книге написано, что в Аракани было семь кварталов, в которых поселились жители указанных с. Причина их объединения – войны и эпидемии, часто случалась чума».

Рис. 13. *Боклон* – место заседания старейшин в Аракани. Фото автора. 2002 г.

На вопрос, что примечательно в Аракани в отличие от других сел Хиндалала, рассказчик ответил: «У нас свадьба длится семь дней». Об этой традиции также сообщает журналист и краевед Саадулаев Магомед в своем замечательном очерке о селах Унцукульского района⁴⁰.

Свадьба протекала так.

В первый день пекли свадебные хлеба.

Во второй день все женщины, участницы свадьбы, в 2 часа ночи отправлялись за невестой. Родители невесты дарили им особой выпечки в собственной печи – *коре* хлеб с халвой (*бахъухъ*).

На третий день все мужчины, участники свадьбы, приглашали невесту на танец и одаривали ее подарками, иногда деньгами.

Четвертый день посвящался (помимо танцев) играм и шуткам (*рухъун жо гъабулеб къо*). Это был самый зрелищный этап

---

40 Саадулаев М. Ансадерил сверабазда. Махачкала, 1994. С. 345.

свадьбы. Как известно, у части даргинских этнических групп, у кайтагов, на свадьбах сажали ряженого – «шаха». Здесь же ряженный был в образе русского полковника, на нем был старый полковничий мундир, он давал импровизированные, уместные, а чаще неуместные, распоряжения, которые, для увеселения участников свадьбы, выполнялись. Особенно старался переводчик «полковника», озвучивая самые нелепые распоряжения и т. д.

На пятый день родители жениха приглашали к себе молодую и всех ее родных.

На шестой день родители невесты приглашали молодых и всю родню молодого.

На седьмой день все девушки со стороны невесты вместе с нею отправлялись к сельскому, но самому дальнему роднику, раздавая всем встречным сладости. На обратном пути парни и молодые мужчины преграждали им путь, протянув веревку поперек дороги. Подруги молодой откупались от них водкой.

В каждом селении свадебные обряды имели свои особенности.

Село Ирганай (*Рихьуни*). Одно из типичных горских поселений, планировка которого соответствовала, той, что обрисовал Я. Костенецкий. Поселение было расположено на крутом косогоре с ориентацией на юг. В ауле проходили три дороги: верхняя, средняя и нижняя. Ими же село делилось на кварталы, с теми же названиями. Аул состоял из множества домовладений и представлял собой единое строение, разбитое названными улицами вдоль, и тремя проходами снизу-вверх и поперек. Соответственно, каждое строение состояло из девяти блоков, каждый из которых представлял цельное строение на смежных стенах вдоль и террасообразно по вертикали. Об Ирганае существуют насыщенные исторические предания и хроники. Здесь я привожу рассказ краеведа и знатока местных преданий Шихабудинова Магомед, записанный на магнитофонную ленту.

«В VII веке на территории Дагестана было около 13 политических образований (княжеств): Лакз, Табасаран, Гумик, Джидан, Шандан, Серир, Филан и другие. Исторические исследования

говорят о том, что одним из дагестанских княжеств – Филан в действительности был Ирган (Ирганай). Ирган – это город-государство, которое существовало в раннефеодальное время недалеко от нынешнего селения Рихуни (*Рихъуни*) Унцукульского района Дагестанской АССР.

В результате археологических разведок около с. Ирганай были найдены памятники большого исторического значения: остатки больших крепостей, широкие дороги и др.⁴¹. По-видимому, здесь было политическое образование типа государства. В раннефеодальный период Ирган назывался Аграном. Арган – это нынешняя благодатная Ирганайская долина.

Границы: с севера – отвесные кручи Гимринского хребта, с юга – теснина Аварского Койсу, т.е. долина между Красными и Унцукульскими мостами. На востоке земля Ирганая простиралась до Аймаки, Апши и Гергебиля. В Ирганае было 11 поселений: Кушмата, Занта, Кавудал-Бакда (здесь до переселения жили кудутлинцы), Шугиб, Хереху, Нижний Урчаиб, Арчалиб, Араканы, Кудутль, Мамиз (здесь и поныне сохранились развалины селения Рихуни).

Когда-то ирганайский хан Арип избрал это неприступное гнездо своей летней резиденцией, зимней же служил нынешний Ирганай. Жители селения Казиниб, Хонжрах, Какитль (*Рахъикъ*) платили дань хану Арипу. Ирган был центром. 1300–1400 лет тому назад в Дагестане правил Хаган-шах⁴². Территория его ханства простиралась от Дербента до низовьев Волги. Ирганайский хан Арип был старшим братом хана Хаган-шаха. Хаган-шах почти по всем вопросам правления государством советовался со своим старшим братом.

Из всех поселений, подчиненных Арип-хану, самым большим было селение на горе Мамиз – Рихуни (*Рихъуни*). Из современного Ирганая туда была проложена широкая дорога через лес

---

41 Информатор имеет в виду археологические исследования Д. Атаева и М. Погребовой на Ирганайском поселении эпохи бронзы и склепов той же эпохи в 1959–60 гг.

42 *Каган* – правитель Хазарии.

Каранкаш. Теперь ирганайцы этот лес называют Араканским березовым лесом. Арип-ханом была проложена дорога из Мамиза (*Рихуни*) в Кадар. Бахли-Кадар подчинился Ирганайскому хану Арипу. К концу ханства Арип-хана из-за трудных условий жизни жители высокогорного с. Ирганай переселились в долину реки Аварское Койсу и образовали теперешние селения Ирганай, Араканы, Кудутль.

В VII веке арабская знать, используя новое религиозное учение – ислам, объединила многочисленные племена в одно могущественное государство – Халифат. После разгрома государства Сасанидов (персов) и покорения Закавказья 727–734 гг. под предводительством полководца Джарраха арабские войска вторглись на территорию Дагестана. Арабские захватчики устанавливали здесь свое господство огнем и мечом. Дагестанские горцы с самого начала оказывали арабам упорное сопротивление. В борьбе с чужеземцами принимали участие войска Ирганая. Последний бой их с арабами произошел у Бахли-Кадара. После захвата Бахли-Кадара арабами войска Ирганая отступили и заняли крепость в Аркасе. Археологи в 1965–66 гг. раскопали здесь остатки этой крепости.

Арабы смогли захватить и эту крепость. Несмотря на это, войска Ирганая вернулись на Родину. Богатая верхушка Ирганая настаивала на том, чтобы ирганайцы выступили против превосходящих сил арабов. Они организовали убийство своих командиров ханского происхождения, пошли на встречу арабам и после упорной битвы на перевале Бухна (*БухИна*) с арабами было заключено перемирие. Потомки ирганайцев и сейчас находятся в Чиркее. Ирганайцы восстали во время правления Газимагомеда и Шамиля против войска русского царя. В 1838 году Ирганай – центр ханства – был сожжен русскими войсками».

ГЛАВА 3

Особенности этноэкономики Хиндалала

Интенсивное выращивание на террасированных орошаемых землях плодовых, как форма жизнеобеспечения обитателей долины, наложило особый отпечаток на психологию и культуру хиндалальцев. Недаром генерал Граббе вырубал сады Хиндалала, подавляя сопротивление горцев ужиманием их основных средств существования. Вместе с тем он не скрывал своего удивления и восхищения изумительными и даже садами. «Лезгины, – писал Граббе, – имеют весьма мало пашен и лугов и поэтому почти не занимаются хлебопашеством и скотоводством. Главное занятие их в самом быту состоит в обрабатывании садов, которые не что иное, как бесчисленное множество узких террас, обложенных каменными стенами и расположенных таким образом, чтобы удобно было их орошать посредством водопроводов из ближайших ручьев. Террасы эти обрабатывают весьма тщательно: по бокам они обсажены фруктовыми деревьями и виноградниками, а середина засеяна кукурузой, которой у них заменяют другие хлебные растения, так что сад здешнего лезгина дает ему достаточно хлеба и прекрасные плоды и потому составляет его главное богатство. Нельзя не удивиться этой гигантской работе многих поколений, которые своими трудами превратили огромные голые скалы в пашни и сады»⁴³.

⁴³ Записная книжка графа Павла Христофоровича Граббе // Русский архив. М., 1888 г. Вып. 4. С. 120.

Рис. 14. Садовые террасы с. Игали. Фото автора. 2005 г.

Урожай плодов продавался на внутреннем и внешнем рынках. Караваны ослов, нагруженных фруктами в специальных корзинах *гьегь* (мн.ч.: *гьагьал*), по горным тропам направлялись на местные базары в Хунзахе, Анди, Казикумухе, Акуша. Они спускались в Темир-Хан-Шуру, выходили на внешние рынки, куда вывозили сушеные фрукты: «*бакъвараб курак*» (курага) – сушеный абрикос всех сортов, сушеную грушу, хурму, изюм и пр. Вывозили фрукты на продажу и в более дальние районы.

Показательно, что плоскость, населенная оседлыми земледельцами, не обладала богатством фруктовых сортов, ввозимых сюда из горных долин. Причин этому несколько, но основная заключается в хозяйственном традиционализме, который подкреплялся непревзойденным качеством и конкурентоспособностью фруктов, произрастающих в горных долинах. Ведь и сейчас современные садоводческие хозяйства, и дачники не в состоянии на приморской равнине культивировать горные сорта фруктов, сохраняя неизменным их качество (к примеру, абрикосы *Шиндахлан* или выращивать здесь такие сорта, как *Хонобах*, *Ахбазан*).

Жители Хиндалала владели садоводческими навыками в течение тысячелетий. Ими было выработано сортовое разнообразие некоторых видов фруктов, равное которому трудно обнаружить не только на Кавказе, но и за его пределами. Селекционный опыт долины Хиндалала и идентичных областей Дагестана дали также прекрасные сорта яблок, как *Мигинц*, *Омаровское*, *Махалходжинское*; груши – *Гимринская*, *Идрис-кар*; сливы – *Хаджалмахинская желтая*; персиков – *Хаскиль*, *Хадуссамат*, раннего абрикоса – *Шиндахлан*, *Ахбазан*, *Хонобах*, *Чамастаг*, *Мусса* и др.; винограда – *Гимра*, *Чолбер*, *Жулхалат*, *Шабатил цибил*, *Хатал баар*, *Маллахусейнил цибил* и многие другие⁴⁴.

После присоединения Дагестана к России, особенно в 90-х годах XIX столетия и в первые десятилетия XX века, как и во всей России, где наблюдался экономический подъем, садоводство в Дагестане, в том числе и в Хиндалале, заметно расширилось и интенсифицировалось. В с. Хаджал-Махи Даргинского округа в 1891 году (за один год) от продажи фруктов получили 6 тысяч рублей. В литературе упоминается крупный Хаджалмахинский садовод ротмистр Мусаев. Он имел сад в 7 десятин, отличавшийся лучшими сортами фруктов⁴⁵. В 1891 г. только в Хиндалале (Аварский округ) было собрано 470.312 пудов плодов, из них продано 15.829 пудов на 9239 руб.

Благодаря расширению рынка и улучшению возможности транспортировки садоводство начало превращаться в доходную отрасль. В некоторых селениях сформировались частные плодopитомники. По свидетельству Н.И. Воронцова-Дашкова население Дагестана высаживало до 100–150 тысяч плодовых деревьев, и таким образом возникали новые плодовые сады на площади 300–500 десятин⁴⁶. В конце XIX века определились зоны промышленного плодopводства, которые почти соответствовали ныне существующим зонам.

---

44 См. в соответствующем разделе запись названий и сортов по селам.

45 Яхьяев М.М., Магомедов И.И. Горно-долинное садоводство: резервы интенсификаций. Махачкала, 1994. С. 13.

46 Воронцов-Дашков Н.И. Всеподданнейший отчет за пятилетие. СПб., 1910. С. 432.

Зона Хиндалала была объединена как Гимринская, в нее были включены сады Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского округов общей площадью 715 десятин, как указано в Обзоре Дагестанской области⁴⁷.

Мы отметили, что первые десятилетия (до начала Гражданской войны в Дагестане) XX века были особенно благоприятными для экономики садоводства. Согласно данным «Обзора Дагестанской области»⁴⁸, в начале XX века в Дагестане резко увеличились площади, занятые под садоводство. Это иллюстрирует приводимая ниже таблица.

Таблица №2

Динамика роста садов в Дагестане в 1904–1914 гг.⁴⁹

Округ	1904 г.	1914 г.
Хасавюртовский	382,6	874,0
Темирханшуринский	928,2	1056,4
Даргинский	96,1	596,2
Аварский	162,5	622,5
Андийский	58,9	264,6
Гунибский	25,1	431,0
Кайтаго-Табасаранский	1265,3	1124,3
Кюринский	457,7	825,3
Самурский	284,5	391,5
Кизлярский	109,0	109,9

По существующим данным за 14 лет в Даргинском округе, куда входили Хаджалмахи и Цудахар, площадь под садами увеличилась в 6,2 раза, в Аварском – 3,83 раза, в Андийском – 4,49 раз, в Гунибском – 1,7 раза⁵⁰.

На одном из предприятий Темир-Хан-Шуры по изготовлению овощно-фруктовых пюре и фруктовых консервов, принадлежавших Хизри Гаджиеву, в 1902 году было выпущено 20 тыс. пудов консервов и 18 тысяч пудов пюре из абрикосов и сливы.

47 Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900.

48 Там же.

49 ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 27. Л. 31 (по Яхьяеву М.)

50 Рассчитано по Обзору Дагестанской области за 1890 г. Темир-Хан-Шура, 1900 г.

Также он был владельцем двух заводов: в селении Аракани Аварского округа и в Хаджалмахи Даргинского округа. Эти заводы давали 800 пудов консервов пюре на сумму около 50 тысяч рублей⁵¹. Уже в 1914 году в Хиндалале были основаны 45 мелких кустарных заводов, которые выпускали до 500 т продукции. В дореволюционном Дагестане количество сухофруктов доходило до 980 т (сухофрукты – в первую очередь имеются в виду 50 % сушеного абрикоса-кураги и 15 % сливы). «Экспортируемая из Дагестана продукция, особенно сухофрукты, консервы, пюре попадали в Нижегородскую губернию, оттуда в Манчжурию, Китай, где успешно конкурировала с консервами калифорнийской выработки», – отмечает М.М. Яхьяев⁵². Полвека понадобилось для того, чтобы достичь уровня тех лет. Но эти достижения были одновременно связаны с очень серьезными потерями, связанными с непредусмотрительной реконструкцией садов. В советский период в Хиндалале вновь повысились доходы от садоводства до 60–70 %. Цифра для сравнения не выразительная, поскольку многие колхозы, получив прикутаные земли, прибавили в зачет общих доходов значительную долю доходов от животноводства и зерноводства. Таким образом, в самой зоне Хиндалала, если вычесть долю доходов от прикутанного хозяйства, доля доходов от плодоводства была намного выше.

Однако уже к 1947 году ряд районов снова восстановили удельный вес фруктов как основной доходной отрасли.

Таблица №3

**Динамика роста площадей садов
в Дагестане в 1904–1914 гг.⁵³**

Округа	1904 г. (в га)	1914 г. (в га)
Хасавюртовский	382,6	874,0
Темирханшуринский	928,2	1056,4

51 ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 27. Л. 31.

52 Яхьяев М.М. Экономическая эффективность горно-долинного садоводства Дагестана. Махачкала, 1974. С. 17.

53 ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 27. Л. 31 (по Яхьяеву М.).

Даргинский	96,1	596,2
Аварский	162,5	622,5
Андийский	58,9	264,6
Гунибский	25,1	431,0
Кайтаго-Табасаранский	1265,3	1124,3
Кюринский	457,7	825,3
Самурский	284,5	391,5
Кизлярский	109,0	109,9

Так, в Гергебильском районе в 1947 году прибыль от садоводства составила 60 % всех доходов от земледелия. Особенно возросла площадь садов в 1954–1955 гг. в Цудахарском, Ботлихском, Гергебильском районах, где выручка от реализации продукции садоводства составляла 70–80 % от общих денежных поступлений.

К концу 70-х годов в Гергебильском районе сады занимали 60 % пахотных земель, Левашинском – 39,5 (цифра, видимо, целиком относится к Хаджал-Махи и Куппа), Ботлихском – 32 % (цифра целиком относится к Ботлиху, Миарсо, Муни, Кванхидатлю), в Унцукульском – 28 % (цифры относятся к Гимры, Ашильте, Унцукулю, Аракани, Зирани, Ирганаю). За этот период в Дагестане было создано 7 специализированных плодопитомниковых совхозов, самым известным из которых стал Гергебильский. В зоне Хиндалала развивалась консервная промышленность, особенно по консервации абрикоса и персика. Но, несмотря на увеличение площадей и валовых сборов урожая, качественная сторона производства оставалась низкой.

Специалисты видят причину в недостатке общей грамотности хозяйственных организаций, «районированиях», штурмовщине и прочих болезнях коллективизации садов в Хиндалале. Большое количество привезенного из других областей и республик посадочного материала, посаженного «без учета местных условий» данной культуры создавало еще большую пестроту в породно-сортовом составе местных культур. В большинстве своем это были «малоценные сорта» летнего и осеннего созревания⁵⁴.

⁵⁴ Яхъяев М.М., Магомедов И.И. Горно-долинное садоводство: резервы интенсификаций. Махачкала, 1994. С. 24.

Отчуждение садового хозяйства от собственников и создание крупных садоводческих колхозов привело к деградации садоводческой культуры. Если из-за огромного напряжения сил и средств Хаджалмахинский и Гергебильский совхозы были на подъеме, то сады Аракани, Гимры и Ашильгты приходили в упадок. Внедрение агротехнических достижений шло в порядке реконструкции садов по методикам, выработанным не в дагестанских условиях. В 80-х годах в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН «интенсификация» садоводства стало очевидным. Интенсификация экономики не способствовала поддержанию садоводческой культуры.

Агрономы и историки со временем дадут квалифицированную оценку не только преобразованиям в садоводстве, но и всему сельскому хозяйству Дагестана (упадок которого, кажется, связан именно с «интенсификацией» и несобоснованным внедрением современной агротехники). Модернизация сельского хозяйства была неизбежна, но она должна была быть дозировано, получив всестороннее научное и практическое обоснование. Садоводство в долинах Дагестана по сравнению с другими областями сельского хозяйства все же пострадало меньше. Экономика садоводства получила промышленную компенсацию в виде виноградарства на плоскости и т.д., но здесь речь идет о формах реконструкции и интенсификации садоводства в зоне Хиндалала.

Как уже говорилось, в 80-х годах стали очевидными результаты «районирования» и реконструкций в садах Хиндалала. Сторонники сплошных реконструкций садов Хиндалала указывают на многосортность, как на помеху эффективности садоводства. Вместе с тем многосортность, выработанная в результате тысячелетнего садоводческого опыта горных долин, была помехой лишь при промышленной экономике, особенно колхозно-совхозной. Стремление к монокультурам в ущерб качества и экологии почв было общим веянием индустриальной и постиндустриальной экономики, особенно социалистической. Горно-долинного садоводства Хиндалала это коснулось меньше, чем других отраслей сельского хозяйства Дагестана. Тем не менее, многосортность

все время упоминалась как фактор, отрицательно сказывающийся на эффективности производства. В планах реконструкций тех лет констатировалось, что многосортность затрудняет уход за насаждениями, особенно сбор и реализацию продукции. Также в экономической литературе подчеркивалось, что сортовая агротехника возможна только при наличии в посадках ограниченного количества сортов. Наступление на сортовое разнообразие в целях эффективности привело к сужению генетического фонда плодовых. Горно-долинная культура садоводства понесла и несет наибольшие потери из-за борьбы с сортовым разнообразием. Экономисты-садоводы приходят к грустным наблюдениям относительно результатов массовой интенсификации садоводческой экономики, необдуманного внедрения и районирования десятков новых сортов, урожайность которых не превышает 20–25 ц/га⁵⁵.

Так называемая «интенсификация» садов через реконструкцию, по сути, была экстенсивной формой хозяйства: общеваловые доходы достигались за счет расширения площадей под сады, а не из-за высоких стабильных урожаев. Районирование карликовых садов только на первый взгляд оказалось эффективным, так как при всех видимых его преимуществах, недолгая продолжительность жизни карликового дерева и необходимость систематических смен таких посадок, в общем итоге делали их нерентабельными.

Колхозы и совхозы, где более ответственно и продуманно подошли к реконструкции и интенсификации, включая и экстенсивное разведение на новых местах, достигли известных успехов.

К 70-м годам наметился новый подъем садоводства, карликовые сады не привились, реконструкция, несмотря на компанейщину ее проведения, в конечном итоге стала давать результаты. К концу 1970 г. площади под садами республики превысили 5 тысяч га.

---

55 Загиров Н.Г., Казбеков Б.И., Мурсалов М.М. Теоретические и прикладные проблемы садоводства Республики Дагестан // Проблемы развития АПК региона. Т. 1. № 1. 2010. С. 26–32; Загиров Н.Г., Нефтялиев М.Д., Буржалиева З.Н. Экономическая эффективность адаптивного возделывания плодовых культур в Дагестане // Плодоводство и ягодоводство России. Т. XXXVIII. № 1. 2014. С. 164–168.

Садоводство в Хиндалале стало подниматься главным образом за счет освоения новых площадей, чему способствовала техника (нарезка террас, устройство насосов для подъема и подачи воды на поля, проведение качественных дорог и т.п.).

В Гергебильском районе сады в этот период стали занимать 60 % пахотных земель, в Левашинском – 39,5 %, в Ботлихском – 32 %, в Унцукульском – 28 %.

К 80-м годам промахи прежних реконструкций были учтены. После реконструкции на месте старых бессистемных садов возникли молодые сады. Речь идет о крупном совхозном хозяйстве. Характерно, что на частных полях также происходила реконструкция, однако с полным учетом малых размеров садовых участков, выгоды и рентабельности. Частники свои старые сады не пускали под топор и убирали только старые деревья, отслужившие свой срок.

Поэтому реконструкция в частном секторе как бы вживалась в традиционную культуру, подчиняясь законам совершенствования. Частники еще ощущали, что сады для них не только экономика и выгода, но и их экология. Занятие садоводством способствовало формированию особой культуры, которая передавалась из поколения в поколение. Она проявлялась в особой эстетике садов частного сектора. Гергебильский совхоз экспериментально обновил сады сплошняком. В Ботлихском, Унцукульском, в Хиндалале и в Касумкентском, Ахтынском районах республики подошли к реконструкции с опаской.

За время социалистического строительства, точнее, за колхозно-совхозный период, в целях экономической эффективности ставка была сделана на ниже приведенных сортах фруктов, что привело к сокращению сортового многообразия. Немало сортов вообще исчезло. Тем не менее, садоводческая отрасль пострадала меньше, чем зерновые или породы животных, где местные породы практически оказались уничтоженными.

Уже говорилось, что Хиндала изобилует фруктовыми садами, выращивание которых является ведущей отраслью в общей экономике зоны. Если иметь в виду не только микроклиматические

особенности долин, но и находки косточек фруктов на Ирганайском поселении эпохи бронзы (II тысячелетие до н.э.), то вполне очевидна древность садоводства в данной зоне. Но садоводство в Хиндалале, в отличие от других горных районов Кавказа, отличается не только своим масштабом, но и сосредоточенностью здесь большого разнообразия сортов фруктов. Например, в одном только селении Гергебиль абрикосовые сады занимают около 100 га орошаемой и террасированной земли. Абрикосы типа *ахбазан* здесь имеет свою разновидность: *чIахIияб ахбазан* или *ишндахлан*, редко выращивавшийся в XIX веке и распространенный ныне. А с начала XX века здесь выращивают *Бухари ахбазан* (*краснощекий*) и *курак* – более холодоустойчивый и наиболее надежный сорт, который уступает другим по урожайности, но не вкусовыми качествами.

Эндемичный сорт абрикосов *хонобах* культивируют лишь методом прививок. По преданию абрикос *хонобах* «*Гергебиль*» происходит от занесенной разливом реки косточки. Деревья этого сорта на берегу реки нашел Муса Мухаметов. В последующем прививками этот сорт был распространен в Гергебеле и в других районах.

Народная селекция выделяет в качестве предпочтительных деревья кураги (*курак*⁵⁶ – мелкий и жизнестойкий сорт абрикоса), для прививок к ним более нежных сортов. Следует отметить, что

---

56 В качестве ремарки редактора замечу, что само слово «*курага*» имеет дагестанское происхождение. Оно относится к древности, возможно, не меньшей, чем время бытования центрально-дагестанского языкового единства, т.е. не позднее 3-го тысячелетия до н.э. Исходная форма слова – *кьурчи* (*анд.* – абрикос; *дагг. цудах. диал.* – персик). Трансформации *кь* - *к* и *ч* - *к* по данным исторической и, особенно, сравнительной фонологии, обычны для дагестанских языков. Исходя из этого, основу *кьрч* правомерно рассматривать, как лексический эквивалент *крк*. Причем, *р* является здесь инфиксом, представляющим собой окаменелый классный маркер. На это указывает то, что в муниском диалекте андийского языка данное слово, лишенное классного показателя, имеет форму «*кьучи*». Соответственно, здесь фонетические переходы будут выглядеть, как: *кьч* = *кк*. В этой связи обращает на себя внимание то, что в чамалинском языке название абрикоса звучит, как *кокон*. Корневой основой здесь будет *кк*, что является соответствие тому самому мунискому *кьч*. Интересно, что в аварском *кокон* означает «слива». Поскольку в развитии языка возникновение более общих, родовых лексических единиц предшествует появлению разнообразия их частных обозначений, возникает мысль о том, что на уровне, предшествующем времени аваро-андийского языкового единства (когда, конечно, еще не было садоводства) словом близким по корню с *кк* называлась группа косточковых фруктов (*прим.* – *Х.А. Амирханова*).

прививка практиковалась очень широко по всей зоне. Прививали способом среза (*хъухъан бацццц*) к стволу 10–15-летнего возраста, диаметр среза которого достигает до 15 см. Прививали лишь весной, в период соковыделения. Особенно на дикорастущих, как наиболее жизнестойких.

Несмотря на общую благоприятность условий для выращивания нежных субтропических фруктов, таких как хурма, инжир и гранаты, поздние заморозки, случавшиеся после цветения, приводили к гибели урожая. Поэтому в садах разводили костры, создавая дымовые завесы, чем очень часто спасали цветение. Вслед за *хонобах* в начале XX в. в Гергебиле методом народной селекции был выведен хороший сорт абрикоса, названный *хЛук-мат ахбазан*. Плод этого сорта крупнее *хонобаха*, круглый, очень сочный и слаще *шиндахлана*. По сравнению с другими сортами абрикоса, он устойчив к болезням и вредителям. По качеству консервирования и сушки он уступает лишь *хонобаху*. Выведен он посредством чередования посадок *хонобаха* и *чЛахЛияб ахбазан*.

В прошлом в Гергебиле, как и везде в Хиндалале абрикосы консервировали, главным образом, подвергая естественной сушке с удаленными косточками. Сушили на солнце, используя каждую свободную площадку: в садах, в окрестностях садов, в ауле. Для сушки абрикоса, в районах, где имеются кустарники, существуют плетенные из прутьев подносы (*хъури*). В садах сооружали специальные навесы, куда могли убирать абрикосы во время дождей. По всей зоне плоские крыши домов и хозяйственных сооружений использовались для сушки абрикосов. В этих же целях перекрывали целые улицы (Муни, Ботлих, Игали).

Весной перед вспашкой абрикосовое дерево окапывают и удобряют (два мешка удобрения на дерево), поливают минимум три раза за лето, распространена прививка (абрикосовое дерево к абрикосовому). Имеются случаи прививок персиков к абрикосам. В Гимры зафиксировано приспособление «*бемлапо*», для сбора абрикосов (Рис. 15). Это длинная палка, конец которой конструирован в виде зубцов, у основания которых укреплен войлок. Инструмент позволяет сорвать абрикос, не повредив плод. Инстру-

мент распространен по *Хьиндаллџи* у койсубулинцев. Обычным же способом сбора абрикоса является *гьурџи*, т.е. встряхивание ветвей деревьев со спелыми плодами.

Рис. 15. *БетIаро* – приспособление для сбора фруктов.
Гимры. Фото автора. 2005 г.

В Гимры зафиксировано 14 сортов винограда. Здесь также практиковали искусственную селекцию не только методами близких посадок и прививок, но и путем переноса пыльцы. Делалась эта тонкая операция в безветренную погоду при помощи специальной деревянной лопаточки, обитой заячьей шкурой. Такой же способ опыления винограда зафиксирован и в с. Зубутль.

Во время прививок учитывали время года, тепло и влажность почвы под виноградником, определяли время начала соковыделения «*цолбол чоло лъараб заманаяль*» – т.е. буквально, когда можно «распознать жилку» виноградных посадок.

В виноградных рощах типа *Маллахусенил цлцлбил* сажают несколько кустов винограда сорта *Гудяцилал* и в целях опыления проводят рукой, слегка трясут куст. Упомянутые сорта, особенно первый, наиболее устойчивый, легкий и может храниться до весны. С килограмма этого сорта можно добыть до 800 гр сока, поэтому большей частью он идет на вино. Вкусовые качества отличны, растет на южных солнечных склонах. В Гимры говорят, что ему больше подходит «мерка солнца» и «четверть влаги». Земельная теснота привела здесь к многоярусному садоводству, примером чего может служить эндемичный сорт *къараб хьопол цлцлбил*, называемый еще *рагдукъ барц*, что значит «созревающий в тени». Он растет в садах под деревьями, почти без солнца, имеет плотную кисть. Еще один любопытный самоопыляющийся сорт – *Гудяцилал* – отличается экстенсивностью, т.е. может расти в любом месте вне виноградников.

Во время Кавказской войны виноградники в Хиндалале систематически истреблялись, одновременно запрещалось и виноделие. Тем не менее, виноград являлся повсеместно единственным фруктом, сбор которого до назначения общиной для всеобщего сбора карался наказанием (возили по аулу на осле, замазав сажей лицо и т.д.). Можно подумать, что это какой-то пережиток былых общинных форм собственности, но более вероятным представляется, что данный порядок был введен общинным законодательством в связи с особым значением и ценностью вино-

града и его продуктов (изюм, вино) для обмена на продукты земледелия и скотоводства. При доступности виноградного куста и чересполосицы расположения виноградников хозяева опасались, что каждому соседский виноград покажется «более вкусным и полезным». Потому сбор винограда проводили лишь в объявленные дни, т.е. под общественным контролем. Еще одна версия запрета на поедание винограда до открытия сезона может указывать на культовое значение винограда и вина, характерное для древних цивилизаций.

Виноград, как, впрочем, и другие плоды, собирали в садах в различные плетеные корзины. В ходу была *сумало* – небольшая ручная корзиночка трапециевидной формы, высотой 55 см, вмещающая до 10 кг. Также использовалась корзина *гъегъ*, плетеная из лозняка, снабженная ручкой для носки на весу, с плоским или сплюснутым дном для носки фруктов на спине или на ослах, трапециевидной формы, высотой 75 см, дно в длину до 50 см, объемом до 20–30 кг. Плетеные корзины *гъагъал* чуть ли не в каждом обществе имели свои отличительные черты при принципиальном единстве их конструкции.

Виноградный сок выжимали в специальные глубокие деревянные корыта *раса* (1,75 м × 0,5 м) через молщовую ткань.

В советское время виноградарство в зоне Хиндалал было несколько запущено, тогда как садоводство в целом процветало, благодаря постройке консервных заводов (Глохский, Гочатлинский) и приемосдаточных пунктов, обеспечивавших закупку и перевозку фруктов на заводы. Под сады осваивались новые площади, включая участки, где раньше были зимне-осенние пастбища. Последнее стало возможным благодаря обеспечению скота осенне-зимними пастбищами на равнине. Кроме того, применение техники давало возможность увеличивать площади орошения и облегчало переброску воды в сложном рельефе. Так, в Чиркее удалось перебросить по трубам воду с левого берега Сулакского каньона на правый берег и посредством орошения разработать под сады значительные площади в районе поселка

«Дружба». К сожалению, эти и другие садовые площади ныне затоплены водохранилищами ГЭС.

Новое Чиркеевское водохранилище дало возможность оросить несравненно большие площади плодородной земли. За последние 40 лет, благодаря новым инвестициям и применению современных технических средств, все правобережье реки в районе Гергебиля занято садами.

Зона Хиндалала является также зоной развитого огородничества: здесь издавна выращивают чеснок, лук, морковь, сахарную свеклу.

Рассматриваемая горно-долинная область в целом выступает наиболее выразительным образцом так называемого многоярусного земледелия, о чем писал еще Е.М. Шиллинг. В «Обзоре Дагестанской области за 1911 г.» отмечалось, что «виноградные лозы (в Гимры – прим. А.М.) большей частью окружают со всех сторон террасу <...>. Середина террасы из года в год отводится под посевы кукурузы, главного и почти единственного хлеба населения этого района. Между кукурузой сеют тыкву, бобы и прочее. Таким образом, занимают собой в одно и то же время и виноградники, и плодовый сад, и пашню, и огород»⁵⁷.

Сортовое разнообразие и время культивирования фруктов иллюстрируют нижеследующие (неполные) данные, полученные в Гергебиле.

Таблица №4

Сорта яблони, распространенные в зоне Хиндалала

№	Наименование	Характеристика сорта	Время появления
1	<i>Хасало глеч</i> (зимнее яблоко)	Зимний сорт. Мелкий, жесткий, созревает поздней осенью, морозоустойчивый. Хранится несколько лет.	Традиционный
2.	<i>ГьереКдирил баГлараб</i> (араканское красное)	Близкий к «Хасало глеч»	Традиционный
3.	<i>Ццлер глеч</i> (яблоко-лед)	Крупный, белый, с высокими вкусовыми качествами. Позднеспелый, лежкий.	Традиционный. Главным образом в XIX в.

57 Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура, 1912.

4.	<i>Бағлараб глеч</i> (Канделсина)	Урожайный, не лежкий.	С 1930-х годов
5.	<i>Хоноглеч</i> (Розмари)	Ценный сорт, отличается урожайностью и консервными качествами.	С 1930-х годов
6.	<i>Хъабахъ глеч</i> (яблоко-тыква)	Крупный и нежный плод.	Традиционный
7.	<i>Хъиндалазул глеч</i> (яблоко хиндаляльцев)	Средней величины, с лучшими качествами чем « <i>хасало глеч</i> », но не так лежкий.	Традиционный
8.	<i>Гуждал глеч</i> или <i>Ражабил глеч</i> (яблоко-мишень или яблоко Раджаба)	Возможно название происходит от старинных соревнований стрельбы из лука.	Издавна культивируемый в Кудутле. В Гергебиле с 1962 г.

Таблица №5

Сорта сливы, распространенные в зоне Хиндалала

№	Наименование	Характеристика сорта	Время появления
1.	<i>Губилаб кокен</i> (желтая слива)	Крупная, яйцевидной формы, желтая, вкусная.	Традиционная, из Хаджалмахи
2.	<i>Бағлараб кокен</i> (красная слива)	Раннеспелая, крупная кислосладкая.	Привозная, XX в.
3.	<i>Чамчло</i>	Желто-бурого цвета, продолговатой формы, очень сочная, сладкая.	Традиционная
4.	<i>Камит кокан</i>	«Репкланд колхозная»	С 1940-х годов

Таблица №6

Сорта черешни, распространенные в зоне Хиндалала

№	Наименование	Характеристика сорта	Время появления
1.	<i>Умумузул бағли</i> (черешня предков).	Дерево среднего размера, долговечное, сорт урожайный светло-красного цвета, плод крупный.	Традиционная.
2.	<i>Хъахлаб бағли</i> (белая черешня)	«Фергана желтая»	1930-е годы, из Ферганы.

Таблица №7

Сорта груши, распространенные в зоне Хиндалала

№	Наименование	Характеристика сорта	Время появления
1.	<i>Чахляб гени</i> (крупная груша или «Армут»)	Дерево крупное, урожайное, плод крупный, кожица твердая, форма обычная, созревает поздно осенью. Хранится недолго. Идет на сушку и консерванты. Сочный и вкусный.	Традиционный.
2.	<i>Шагбанил гени</i> (груша Шахбана)	Круглый, сладкий, желтого цвета (<i>глубилаб</i>)	Начало XX в.
3.	<i>Охцегени</i> (груша-огурец)	Тех же качеств, более продолговатой формы.	XIX–XX вв.
4.	<i>Эрбегыл гени</i> (груша Ибрагима)	Похожа на « <i>Охцер-гени</i> ».	Конец XIX в.
5.	<i>Лабазан гени</i> (груша Лабазана)	Назван в честь народного селекционера.	Выведен в с. МагIли в нач. XX в.
6.	<i>Хъатушка гени</i> (груша-картошка)	Жесткий, лежкий.	Традиционный.
7.	<i>Гисин гени</i> (мелкая груша)	Мелкий, лежкий, вкусный, его еще называют кикунгени, что значит кикунинский.	Традиционный.
8.	<i>Хамагъанкъ</i> (осел поперхнулся)	Мелкий, полудикий, дерево большое, урожайное, устойчивое, жесткий очень вязкий плод.	Традиционный.
9.	ХIукмат гени		XX в.
10.	Кюре		XX в.
11.	Лесная красавица		XX в.

Таблица №8

Сорта абрикоса, распространенные в зоне Хиндалала

№	Наименование	Характеристика сорта	Время появления
1.	<i>Ахбазан</i>		
2.	<i>Шиндахлан</i>		Из Хаджалмахи.
3.	<i>Макъиушан</i>	Похож на <i>ахбазан</i> . Урожайный, распространен в гимринских садах, обычный, в XX в. встречается не часто.	Традиционный.

4.	<i>Инхвадирил курак</i> (инховский абрикос)	Его еще называют <i>цудун бариц</i> за раннеспелость. Сорт выведен в Инхо.	Традиционный.
5.	<i>Гъазил курак</i> (абрикос Гази)	Крупный, желтоватый	Конец XIX в.
6.	<i>Ханапил курак</i> (абрикос Ханапи)	Назван по имени селекционера.	
7.	<i>Чамастаг</i> (финик)	Сладкий, водянистый, даже когда зеленый, с гладкой кожицей.	Традиционный.
8.	<i>Хонобах</i>	Круглый, по величине промежуточный между <i>ахбаном</i> и <i>мелким абрикосом</i> . Сладкий, сочный, ценный.	Гергебильский, XIX в.
9.	<i>Гисин курак</i> (мелкая курага)	Мелкий, полудикий сорт абрикоса с горькой косточкой. Русским известен как курага	Древний, возможно, древнейший.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА 4

Мег («мегъ») – земледельческо-садоводческая округа горно-долинных поселений

Мег («мегъ»): структура и планировка

Мегъ – это единый комплекс пашен, садов, сенокосов, ирригационных сетей и летних времянок, составляющий вторую часть территории, следующую непосредственно за поселением⁵⁸. Аварское слово *мегъ* близко к андийскому *мигъи*, оно имеет то же значение и семантически связано с андийским названием нижней части туловища – *мигъа*, то есть «производящей», «родящей» части тела. На даргинском *мегъ* называется *урккуби* от *уркка*, что значит «общий», «серединный». Обе семантики весьма красноречиво указывают на биологическую и социальную функцию объекта.

Территория «мегъ» разделена на части естественными (обрывы, ручейки) или искусственными (главные дороги, ирригационные каналы, небольшие сенокосы, специальные нетронутые рощи и т.д.) рубежами. Все части «мегъ», сколько-нибудь составляющие пространственно-ландшафтную целостность, имеют микропонимику. «Мегъ» с. Игали делится на много частей с названиями, среди которых есть «*Буцрахъ*», известная своими укрепленными полями⁵⁹.

Нельзя сказать, что в топографии сельскохозяйственных угодий возделанную часть обязательно выделяли специальным

---

58 *Агларов М.А.* Земледельческая округа «мегъ» в Аварии в XVIII–XIX в. // Быт сельского населения Дагестана в XIX – начале XX вв. Махачкала, 1981. С. 5–15.

59 *Агларов М.А.* Террасная система земледелия в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала, 1979. С. 16.

названием. Такого названия нет у ряда народов Дагестана, например, лезгин. У них название склона, поля и груди совпадают: *хур*, что соответствует у аварцев, андийцев, даргинцев и лакцев – названию пашни (*хур*, *хъу*). Однако «*мегъ*» выходит из ряда по концентрированному смыслу, который вкладывается в понятие, как отдельный комплекс, единый объект и т.д. В вади Хадрамаут (Южная Аравия) такой комплекс также обозначен отдельным термином *хИиджл*.

В горно-долинной зоне Дагестана *мегъ* большей частью, называют «*ах*», что значит «сад». То есть понятие сад (*ах*) распространяется на весь комплекс, освоенный под земледелие и садоводство пространства, а фрагменты этого пространства, вычлененные ирригационными каналами, называют *мегъ*. *Мегъ* у долинных обитателей состоит из множества размежеванных между собой полей-садов. Каждый блок *мегъа* имел свое название.

В Унцукуле *мегъ* делится на блоки, имеющие названия: *ШалабатIа мегъ*, *ЧалухлъараIальуб*, *МугъитIа*, *КушматIа*, *Мака*, *Гебергалиль*, *Сивухъ*, *ГъацIаль*, *Колоб*, *Миккаль*, *Ругъукъ*, *ЛъаратIа*.

Араканский «*мегъ*» делился на крупные части: *Хъашихъим*, *Таса къварилъи*, *Гъоркъа къварилъи*, *Таса мегъ*, *КибахIаб*, *Салда гохIохъ*, *Гъоркъа лъарахъ*, *Гваламалъ*, *ХъахIаб нухтIа*, *Мочох*, *Росда гъоркъ*, *Этенил гъабихъ*, *Бакъда магъиль*, *ЧчугIил лъетIа*, *Гъагъандиб*, *Гъаби лъетIа*, *КIазиниб*, *Квешал Iаразда* и др. При этом каждая из названных частей имеет свою внутреннюю микропонимику, еще более дробную, а та, в свою очередь, уточняется названиями каждого конкретного поля или садового участка. В результате, местоположение какой-либо части «*мегъ*», даже самой маленькой, легко определялось с помощью топонимических ориентиров, как это делалось в завещаниях или купчих, касавшихся земли. Приведем фрагмент завещания, хранящийся в архиве Нурмагомедова Магомед Араканского, где точным воспроизведением микропонимов завещатель указывает поля и сенокосы, которые он оставляет наследникам: «...Еще поле в

местности *Квешал ругІрал*. Площадь поля для посева одной четверти мерки кукурузы. Спереди (ниже по склону. – прим. М.А.) граница – оросительный канал, с востока – оросительный канал, сзади (верхняя граница поля – прим. М.А.) – поле Гитинова Магомед, сына Хасана. Еще поле в местности *Гъаби лъетІа*. Площадь для посева – на полмерки кукурузы. Спереди граница с полем Магомед Мирзы Магомы, на востоке – оросительный канал, на западе (поле, принадлежащее) – Абакар Магомед...» (Сообщение М. Нурмагомедова). В завещании таким описанием обозначены еще шесть объектов, расположенных в самых различных точках араканского *мегъ*.

Террасированный *мегъ* с ирригационными каналами, акведуками, искусственными водохранилищами, дорогами, проложенными на каждую пашню-террасу, являлся застройкой с единой структурой, обеспечивавшей этому преобразованному ландшафту цельность. Такое впечатление создается еще и потому, что размещение и взаиморасположение всех названных компонентов были оптимальными, а ирригация централизованной и легко управляемой.

Отдельные участки *мегъ* связывала между собой сеть тропинок. Известны случаи, когда тропы прокладывались поверх линии пролегания подземных арыков (селения Игали, Чиркей и др.). Не пренебрегали даже таким малым результатом в стремлении к экономии земли.

Не только террасирование, но и целенаправленная борьба за землю в «архитектонике», в самой террасной структуре *мегъ*, составляет впечатление от строительства как от заранее запланированного⁶⁰. На самом же деле, мы знаем, что архитектоника аулов, как и *мегъ*, слагалась исторически, вследствие постоянных застроек и перестроек в заданных рамках пространства. Борьба за пространство была изощренной. Случалось, что владельцы

---

60 Заранее продуманными и запланированными представляются подобные искусственные земледельческие ландшафты в других мировых центрах террасного земледелия. См.: *Wheatley P. Agricultural terracing. Pacific Viewpoint. Vol. 6. 1965. P. 123–144.*

высаживали садовые насаждения по краям террас таким образом, чтобы, например, дерево росло не вертикально, а было слегка наклонено в сторону поля соседа, а тот, в свою очередь, сажал деревья с наклоном в противоположную сторону или в сторону поля другого соседа. Действительно, нередко можно видеть старые фруктовые деревья, растущие не вертикально, а с легким наклоном в сторону соседнего поля – это результат борьбы за солнечный свет и воздух. В аналогичной ситуации византийский закон требовал: «Если на сад падает тень от соседского дерева, то пусть обрубит его ветки хозяин его»⁶¹.

Споры возникали не только за каждую пядь земли, право на которую не было доказано, но и за, так сказать, воздушное пространство (разбирали способ посадки деревьев или постройку стены «не с тем наклоном»). Хасанилав Гимринский описывает случай убийства на этой почве в с. Гимры. Частые столкновения на этой почве приводили к драматическому исходу, что побуждало джамаат принимать специальные решения, по которым компенсации за нанесенный ущерб завышались до трудновыполнимого уровня. Вот одно из характерных решений: «Если кто возведет вокруг своей земли стену, а другой предъявит иск и заявит, что эта стена ему мешает или вредит, то старейшины пошлют двух справедливых людей на место, чтобы проверить, действительно ли эта стена вредит истцу. Если они установят, что стена действительно вредит истцу, то пока стена не будет снята, за каждый день с ответчика взыскивается штраф по одной овце»⁶². Эта конкретная мера по охране прав владельцев земли в общем контексте отражает то, насколько плотно все строение *мегь* сбивалось в единую систему, как уплотнялись частные секции (поля-террасы) в ассоциацию.

При террасировании лишь в крайне необходимых случаях допускалось прокладывание дорог, вьючных и пеших троп между

---

61 Византийский земельный закон. Текст, иссл., комм. Е.Э. Липшиц, И.П. Медведев, Е.К. Пиотровская / Под ред. И.П. Медведева. Л., 1984. – 109 с.

62 Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: архивные материалы / Сост., предисл. и прим. Х.-М. Хашаева. Отв. ред. Г.-А. Даниялов. М.: Наука, 1965. С. 82.

пашнями; как правило, ограничивались несколькими главными трассами, имевшими общее коммуникационное значение. Перемещение на конкретное поле происходило по бровкам соседних террасных полей и настолько аккуратно, что тропа не образовывалась. Тот же принцип сохранения пахотной площади соблюдался при орошении поля, по которому не рылись постоянные каналы, а прокладывались только временные, тут же уничтожаемые и превращаемые в обычную поверхность поля.

Привод рабочего скота на поля и осуществление перевозок по *мегъ* до главных дорог в летний период, когда *мегъ* был закрыт, не допускались. Единовременный выход населения на начало полевых работ и сбор урожая обеспечивал провод тяглового и вьючного скота на участок по полям соседей без специально проложенных дорог, тем самым экономилась драгоценная земля, которая в противном случае была бы поглощена дорогами. В с. Аракани, например, за пять дней до наступления дня сбора винограда глашатай объявлял: «Те, по чьему полю-саду имеется (проход) на чужое поле, пусть уберут кукурузу!» («*Чияе нух бугеб ахикья цлоросароль нахъе босе!*»). Не убравшие урожай не могли предъявить претензии за уничтожение и потраву посевов, находившихся на дороге, т. е. на собственном же поле.

Иногда ступенчатые террасы были устроены таким образом, что образовывали как бы единую ломаную линию лестничного марша, что облегчало коммуникацию и циркулирование влаги⁶³. Большие дороги, членившие *мегъ* на части и имевшие общественное значение, были отделены от полей специально построенными по обеим сторонам дороги стенами, образовывавшими коридор между полями, по которому за пределы *мегъ* пастух водил часть молочного скота, оставленного на летнее время в ауле по решению джамаата (Рис. 16). Эти дороги использовались для редких надобностей, потому что в период «закрытого *мегъ*» запрещался вывоз с полей продуктов, фруктов, «хотя бы с

---

63 *Thoumin, Richard Lodois, Géographie humaine de la Syrie centrale. Paris, Librairie Ernest Leroux, 1936. P. 116.*

оломинки» сена. Проведение общих дорог и создание сложных ирригационных сооружений были делом всего джамаата. Пахотные террасированные поля находились в частной собственности с правом полного распоряжения в пределах джамаата, и это обстоятельство сказалось на том, что ни жители квартала, ни члены тухума не имели обязательного соседства полей. Соседство по *мегъ* считалось так же, как и соседство по кварталу, т.е. хозяева, чьи поля и сады были расположены в прямом соседстве друг от друга, образовывали ассоциации соседского типа. Доброжелательность, взаимопомощь, скрытое соперничество, иногда и вражда были характерны для них точно так же, как и для соседства в ауле.

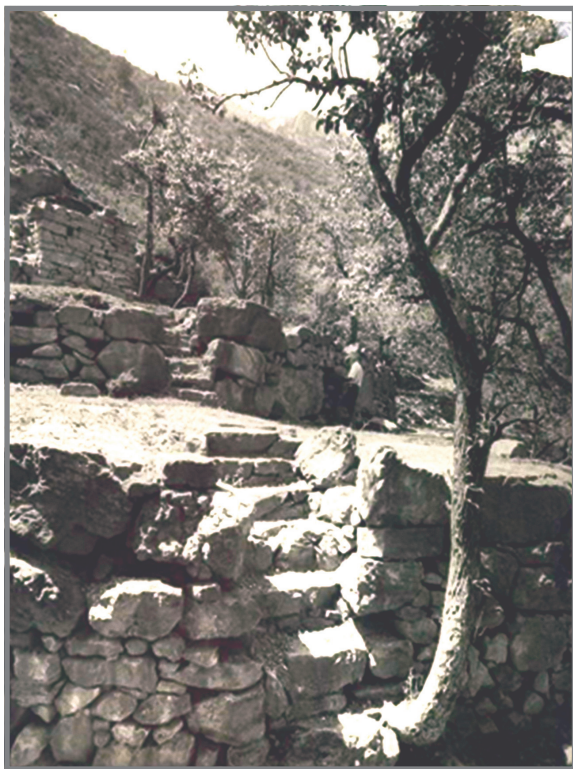

Рис. 16. Проходы между полями. Игали. Фото автора. 1966 г.

Известно, что во многих аулах с террасообразной планировкой, крыша одного дома служит двором для другого. Крышей нижнего дома пользуется сосед сверху для всех хозяйственных надобностей (у дидойцев даже для обмолота урожая), а крыша его дома, в свою очередь, служит двором для следующего, расположенного выше. И так до самого верха аула. Такое пользование крышами привело к тому, что уход, ремонт т.п. за крышей осуществлялись не непосредственным хозяином дома, а верхним соседом. Точно так же *мегъ* на склонах представляет собой нечто вроде гигантской лестницы, состоящей из полей, как с межевými полосами, так и ограниченных подпорными стенами. Межи (*ссанал*) – откосы, особенно в орошаемой части или на западных склонах, представляли собой первоклассные сенокосы. Хозяин террасы пользовался не откосом собственной террасы, а тем, который служил «экраном» его поля, т.е. межевым откосом верхней террасы, принадлежавшей уже другому хозяину. Забота о подпорных стенах террасы, выходящих как на «соседа сверху», так и на «соседа снизу», была делом той группы владельцев, которая имела к ним отношение, а иногда и отдельных землевладельцев, ибо ливневые прорывы на одних участках угрожали и расположенным далеко внизу полям⁶⁴. Террасированные участки, расположенные в местах возможного ливневого прорыва, устраивали особенно прочно, порой на циклопической кладке. В окрестностях с. Игали мной обмерены и сфотографированы террасы, стены которых построены из огромных многотонных каменных глыб, уложенных друг на друга. Подобные сооружения требуют усилий многих людей, каковыми являлись не только владельцы участков, расположенных ниже, но и все общество (Рис. 17). Экономическое благосостояние каждого из членов общины было важным фактором жизнеспособности общины в целом, оно поддерживалось общиной, если не строилось в ущерб обще-

---

64 Родионов М.А. Террасное земледелие в Ливане (к проблеме хозяйственно-культурной типологии) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 175.

ственным или частным интересам. Поэтому участие общества в любом строительстве индивидуального назначения и принадлежности рассматривалось как дело всей общины.

Рис. 17. Циклопическая кладка. Игали. Фото автора. 1966 г.

Топография полей, их характер и взаиморасположение диктовались двумя важными факторами. Эти факторы схожи с теми, которые определяли складывание всей территории общины: формирование полей и их взаиморасположение шло одновременно и пропорционально формированию самого поселения. Сложившийся *мегъ* был, как и весь *джамаат*, сложной субструкцией, хотя и одновременно скомпонованной. Шло отдельные части «мегъ» создавались единовременно, но, в рамках продуманного плана: каждому члену *джамаата* выделялся надел; после жеребьевки начиналось освоение наделов под сады, пашни и сенокосы, но выход за пределы намеченной *джамаатом* границы не допускался. Так, в с. *Игали* в начале XIX в. по решению *джамаата* был отведен под террасные поля склон протяженностью около трех километров и высотой до 100 метров. Ниже дороги и главного

оросительного канала на всю длину склона было проложено до 70 ровных горизонтальных террасных лент. Их прокладывали по заранее продуманному плану и строили при полной кооперации труда. Подобные случаи отвода новых значительных частей пустошей, пастбищ и сенокосов под сады встречались не так уж редко (с. Аракани, Чох – местность, ныне носящая название «Коммуна»), некоторые участки *мегъ* в с. Муни, местность Буцрах в с. Игали).

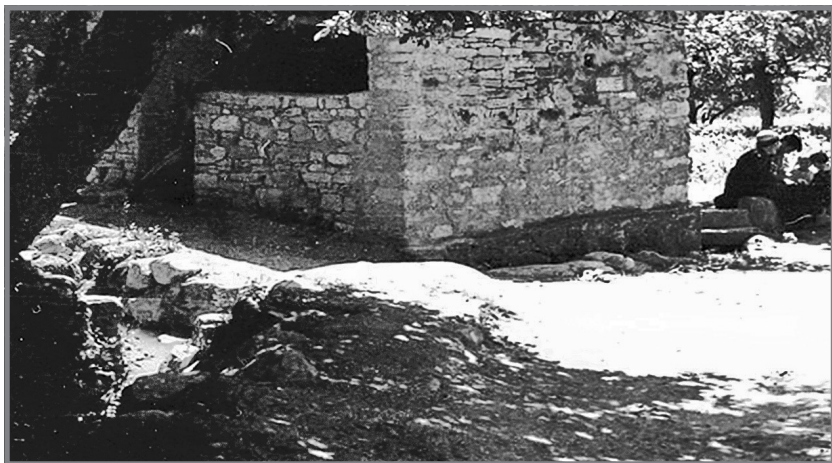

Рис. 18. *Магъил Калтлу* – ворота *мегъа*. Гергебиль. Фото автора. 1968 г.

Случалось и наоборот – отведение бывших полей на целые столетия под пастбища (так называемые заброшенные террасы). Забрасывались поля, окружавшие раннесредневековые поселения, при их слиянии в большие джамааты (рис. 19). Средневековые поселения, влившиеся в с. Чиркей или покинутые населением в связи с усилением Чиркеевского общества, по сей день окружены заброшенными полями, ныне превратившимися в пастбища. Такова картина окрестностей множества крупных обществ. Северный склон горы Азал представляет собой террасированный луг, гораздо лучше прорастаемый, чем обычный склон,

благодаря конденсации здесь влаги. Процессы превращения лугов, пустошей и бедлендов в террасированный *мегъ* и наоборот были динамичными и неоднократно протекавшими, но всегда касались лишь части общего пространства *мегъ*.

Рис. 19. Заброшенные виноградные террасы в с. Читль. Фото автора. 2005 г.

О том, как простое расширение *мегъ* по инициативе частных землевладельцев в целях увеличения своих пахотных угодий пресекалось, свидетельствует следующее постановление: «Кто распахал хотя бы одну дорогу или одну борозду (имеется в виду ширина в 40–50 см – прим. М.А.) общественной земли на солнечной стороне, с того взыскивается в пользу джамаата 2 овцы, а кто вспашет *харим* с теневой стороны на полсаха (приблизительно 1,5 кг – М.А.) посева зерна, с того взыскивается в пользу общества одна овца»⁶⁵. Но расширение *мегъ* при острой необходимости было возможно с согласия общества. Старейшины указывали

⁶⁵ Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: архивные материалы / Сост., предисл. и прим. Х.-М. Хашиева. Отв. ред. Г.-А. Даниялов. М.: Наука, 1965. С. 96.

место и условия, на которых наделенный землей член джамаата мог обрабатывать себе участок. Очень часто джамаат дарил тому или иному своему члену надел сенокоса или земли при известных его заслугах перед джамаатом.

Закон мегъ (магъил гIадлу) – *земледельческие календарные регламентации*

«Уборка сена и хлеба должны были заканчиваться к определенному сроку, – писал Х.-М.О. Хашаев, – после чего на убранные площади пускали стада овец, принадлежащие членам сельхозобщины. Кто нарушал регламент, тот подвергался штрафу по адату. Этот порядок был установлен, по всей вероятности, во избежание хищений, порчи и т.д.»⁶⁶.

Регламентация начиналась с объявления первого дня выхода плуга (весенний праздник *оцбай*). Затем регулировалось все, начиная с внесения удобрений и весеннего орошения и кончая сбором последних урожаев на полях и в садах. На мелкие работы, разумеется, люди допускались индивидуально, но наступал период, когда в *мегъ* вообще никого не пускали или идущим с *мегъ* запрещали что-либо иметь с собой, будь то трава, овощи или фрукты. В целом *мегъ* оберегался как таковой, что избавляло хозяев от необходимости оберегать каждому свой участок.

Единовременный выход на весенние работы в поле имел не только календарное значение: на полях, которые одновременно засеяны, в целом и одновременно вызревал урожай, что давало возможность для массовой уборки *мегъ*, что, в свою очередь, было важно для «открытия *мегъ*» (*мегъ рагъизе*), т. е. предоставления *мегъ* для пастьбы стадам аула, которые к осени спускались с высокогорных пастбищ к окрестностям селений и хуторов, расположенных по внешней границе *мегъ*.

Проиллюстрируем этапы освобождения *мегъ* от посевов (урожая) и отвод его под пастьбу на примере порядков, которые были приняты в с. Аракани. В августе глашатай объявлял, чтобы

---

66 Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 154.

освобождали от посевов *Шураб кІкІал* (верхние части араканского *мегъ*).

По завершению сбора урожая местность *Шураб кІкІал* тут же предоставлялась воловьему стаду, которое содержалось летом в урочище *КІудияб рохъоб*. Затем глашатай объявлял, чтобы жители поднялись в горные угодья для сенокосения (это происходило в сентябре). После того, как сено было скошено, сенокосы отводили под пастьбу находившемуся поблизости стаду телок и яловых коров.

В середине октября глашатай объявлял, чтобы никто из селения никуда не уезжал, а тех, кто находится в отъезде, пригласили домой, и чтобы каждый убирал на своем поле культуры (главным образом кукурузу) в местах, по которым пролегают дороги на соседние, чужие участки. Глашатай также объявлял: «*Ах биххана*», т.е. доступ в сады открыт. В этот день начинался коллективный сбор винограда. По окончании сбора винограда глашатай объявлял: «Освободите от посевов *Аса къварилъи* – Верхние теснины. Сюда после сбора урожая на пастьбу пригоняли стадо волков. Через 3–4 дня глашатай объявлял: «Освободите от посевов *Гъоркъа къварилъи* – Нижние теснины». Эта местность сразу же отдавалась под пастьбу. Дней через десять глашатай объявлял: «Все поля выше мельницы Этена освободите от посевов!». Соответственно, освобожденная часть отдавалась под пастьбу. И, наконец, глашатай объявлял: «Уберите все посевы до большой реки!». В итоге все пашни и сенокосы после уборки урожая и сена отдавались для выпаса стад.

Мегъ, таким образом, являлся не только комплексом пашен и сенокосов, но и осенне-зимним пастбищем. Утилизация *мегъ*, как пастбища, была связана с планомерным освобождением его от посевов. Естественно, община была заинтересована в единовременном созревании злаков, условием чего является единовременный сев. Отсюда закрытие *мегъ* (*мегъ къай*), т.е. начало работ (пахота), и открытие *мегъ* (*мегъ рагы*), т.е. окончание уборки урожая и отдача *мегъ* под пастьбу, были едва ли не важнейшими организационно-хозяйственными функциями общины.

Хозяйственный рационализм в интересах всего джамаата ограничивал частное право свободного распоряжения временем работ членов общины на своих полях и в летнее время. Более того, с полей домой нельзя было носить овощи и фрукты без специального дозволения. Одновременные начало и окончание полевых работ были необходимы и в целях нормальной коммуникации. Регламентацию земледельческих и садоводческих работ называли «законом *мегъа*» (*мегъил гIадлу*).

Пятнадцатый день осени, когда разрешали уборку винограда в садоводческих обществах, превращался в праздник. Его считали настолько важным, что глашатай за пять дней объявлял, чтобы никто из селения не уезжал, и чтобы убрали посевы, находящиеся на пути к полям соседей. Когда наступал назначенный день, первую заповедь — не трогать в садах виноград до дня объявления сбора винограда — преступала женщина. Вернее, женщине предоставлялось право обрывать первые гроздья винограда. На рассвете женщины (ама — представительницы от семей) уходили группами в *мидъ* на свои поля с пением песен. Они брали с собой *члеп* — особый тип плетеной из прутьев небольшой корзины для фруктов. Наполнив эти корзины самыми крупными и вкусными виноградными гроздьями, женщины возвращались домой. В это время в домах готовилось блюдо *цIурачадал* — тонкие творожные пироги, больше известные в Дагестане под названием «чулу», которые засыпались прижаренным виноградом. Затем все, кто был в состоянии идти, направлялись к полям для сбора урожая. Впереди они гнали ослов, которых навьючивали крупными плетеными корзинами (*гъагъал*) для фруктов и ягод.

Толпы празднично настроенных людей, идущих на сбор винограда со своих полей, создавали особую атмосферу. На дороге со всевозможной тарой, а иногда постелив прямо около дороги подстилки, сидели обучавшиеся в медресе местные студенты (мутаалимы), перед которыми женщины на обратном пути клали кисти винограда. Одаривали виноградом и бедных

пришлых (не членов джамаата) и тех жителей аула, кто не имел виноградного сада.

Имеются и документальные подтверждения особого внимания ко дню открытия садов и снятия запрета есть виноград. Имеется письмо, в котором общество (какое именно, прочесть не удалось) просит наиба Мухаммада о том, чтобы он разрешил им сбор урожая винограда за три дня до наступления месяца рамадан⁶⁷. Смысл прошения в том, что на этот раз день праздника винограда приходился на месяц поста Рамадан, что нарушало традиционный праздник. Поедание винограда в запретные дни, по поверью, еще и сокращало жизнь нарушителя. Это было аргументом жизненной необходимости строгой регламентации сельскохозяйственных работ.

Трудно себе представить ведение обширного сельскохозяйственного, садоводческого и скотоводческого хозяйства при ярко выраженном частном начале без регламентации; альтернативой могли быть либо монополия отдельных хозяйств, либо первобытный примитивизм со свойственным ему хозяйственным коллективизмом. Существует точка зрения, согласно которой описанные нами порядки отражают былой хозяйственный коллективизм. Но я попытался показать не их пережиточность, а то, что регламентации составляли одну из важнейших сторон организации хозяйственной жизни сельских обществ.

Итак, дано описание двойного процесса становления *мегъ*: стихийный, постепенный, но доминирующий, который условно я называю «историческим», и запланированное заранее строительство полей на определенных участках. И в том, и в другом случае процесс складывания *мегъ* целиком и полностью был регулируемым общиной.

---

⁶⁷ Агларов М.А. Законы Драконта в долинах Хиндалала // МавраевЪ. 2014. № 2 (3). С. 31.

ГЛАВА 5

Террасные поля и традиционные аграрные орудия

Террасирование склонов – одна из наиболее древних, широкомасштабных и мощных форм антропогенного морфогенеза. Географы отводят ей второе место после строительства и разработки полезных ископаемых по интенсивности воздействия на среду. Согласно другим оценкам, террасирование полей – фактор, более превосходящий по воздействию на ландшафт планеты, чем все разработки ископаемых. По словам Спенсера, агрокультурное террасирование оставило на земной поверхности след более масштабный, чем все другие виды искусственного воздействия на землю, включая дороги и города⁶⁸.

Террасная культура Дагестана является одной из ветвей этой великой системы.

Господствующим типом в горно-долинной зоне Хиндалала являются поля на подпорных стенах. Этот тип распространен по Андийскому Койсу до его верхнего течения (последний пункт с. Цумада), по Аварскому Койсу до районов Гидатля и Келеба, по Казикумухскому Койсу до Цудахара, по Кара-Койсу до Гилица (со значительными перерывами между Гунибом и Цурибом; по Сулаку сосредоточены до Миатля и (единично) Бавтугая. Они взбираются в горы достаточно высоко и по притокам указанных рек. Большею частью эти террасы орошаемы и заняты под горно-долинными садами. В первой половине XIX века Ф. Боденштедт, имея в виду долинную зону Дагестана, писал: «... но как вечно не дремлющий человеческий дух стремится к тому, что для него трудно досягаемо, так и лезгины своим искусством, терпе-

---

68 *Spencer J.E., Hale G.A.* The origin, nature, and distribution of agricultural terracing // Pacific Viewpoint. 1965. № 1. PP. 1–39.

нием и упорством сумели добиться богатств у своей неплодородной земли, богатств, которые она прячет под кажущейся непроницаемой корой скал и камнями... эти террасы обрабатываются как нельзя более заботливо и прилежно, их края обнесены фруктовыми деревьями и виноградом. Действительно, можно лишь удивляться искусству, с которым этот народ сумел превратить неприветливые скалы своей страны в цветущие сады»⁶⁹.

Аналогичное впечатление получил член-корреспондент Венгерской Академии наук Морис фон Дечи, спустившись в 1885 г. из Анди в Ботлих: «В противоположность скалистому окружению сам Ботлих лежит среди цветущих фруктовых садов, полей и лугов, затененный стройными липами, настоящий оазис среди каменного ландшафта Северного Дагестана»⁷⁰. Академик Н.И. Вавилов, упоминая Ботлих, дает такую характеристику горному земледелию в Дагестане: «В Перу, в Боливии и у нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. В Дагестане, около Ботлиха, можно видеть изумительное террасное земледелие ... Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Дагестане»⁷¹.

Из многочисленных отзывов об этой системе в Дагестане здесь приведены те, которые наиболее точно, на наш взгляд, отражают картину земледельческого освоения горных долин. Однако, кажется, наиболее выразительно свое впечатление от этих ландшафтов, преобразенных из каменистых полупустынь в сплошные сады, оставил генерал Я. Костенецкий еще в 1837 году: «Везде скалы, утесы, дичь, глина, камни, нет даже земли. Природа здесь не производит ни одной былинки, а человек назло ей создал такую чудесную растительность, какую трудно иметь и

---

69 *Bodenstädt F.* Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Bd. 1. Berlin, 1885. – 614 p.

70 *Шихсаидов А.Р., Агларов М.А.* Семь путешествий Мора Дечи // «Советский Дагестан». 1970. № 5. С. 69.

71 *Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // «Природа». 1936. № 2. С. 80.

в самых плодороднейших местах... Мы удивляемся голландцам, которые из болота сделали обитаемую страну. Но там образованность, наука, искусство, коммерция, правительство. А загляните в эти горы, где не знают ни читать, ни писать, где нет железа; и вы действительно изумитесь, увидев среди этих диких и бесплодных гор прекрасные деревни, плодороднейшие и огромнейшие сады»⁷². Это была экспедиция через Левашу, Хаджалмахи, Гергебиль, и впечатление Я. Костенецкого адекватно. Единственное, он, видимо, не знал, что в те времена, как и раньше, люди в Дагестане и читали, и писали, складывали стихи, причем посвященные даже таким, казалось бы, прозаическим вещам, как свои оросительные каналы и сады. Примером могут служить сочинения поэта XIX века Алигаджи из Инхо.

*«Буџлхлун букIая ах, сабру гьабея, мискин,
Ах, мун џлакь къварилъуге къочол хIал бергьунилан,
Лъин бачIунеб Занала аздагьо къинлъун бугин...»⁷³*

*«Утихни, мой сад. Потерпи, горемыка.
Не печалься так сильно, что жаждой томим.
Аждаха, видать, зачала на дороге у ручья ...»⁷⁴.*

Поэт утешает свой сад, увядающий от засухи, и просит дожждаться своей очереди на полив.

Террасные поля на подпорных стенах в долинах Койсу представлены подтипами: узкополосные (обрабатываемые вручную) и широкополосные, т.е. с обширной полезной поверхностью, где применяют пахотное орудие.

Узкополосные террасные поля на подпорных стенах шириною не более двух-трех шагов и разнообразной длины приурочены, как правило, к крутым от 30 до 60–70° склонам долин больших рек и его притоков, а иногда к почти отвесным скальным обнажениям. Их создают рытьем склона горы обыкновенными

---

⁷² Костенецкий Я.И. Записки об аварской экспедиции. СПб., 1851. С. 31.

⁷³ Инхоса Гали-хIажи. Асарал (на авар. яз.). МахIачхъала, 1995. С. 50.

⁷⁴ Подстрочный перевод редактора.

кирками и лопатами, добывая попутно камень, который сразу же идет на строительство подпорных стен. Кладка стены сухая с использованием щебня и земли. Иногда встречается «циклопическая» кладка (с. Игали) с использованием огромных каменных глыб. Устраивают лестницы в стене, чтобы подниматься с поля на поле или специальные наружные выступы для той же цели.

При строительстве таких полей учитывают сложную систему водоподачи и строят с террасы на террасу облицованные отводы, а в стенах своеобразные каменные сифоны и водосливы. Промежуток между склоном и стеной заполняется землей, вырытой со склона, а поверхность в самом начале настиляется плодородной землей, занесенной со стороны и специально удобренной. Ею же заполняют ямы, вырытые для посадки фруктовых деревьев. Последующая аккумуляция почв происходит путем систематической тщательной обработки и удобрения (главным образом органических с зелеными удобрениями) и основную роль играет орошение, которое заносит на поле обновляющие почву частицы. Почвы на этих полях целиком антропогенны и резко отличаются по своим свойствам от естественных, зональных. Население Хиндалала среди этих узкополосных террас выделяет еще две разновидности: 1) *кьадал*, в которых ширина поверхности равна приблизительно высоте подпорной стены. Названий таких полей множество в диалектах, само название *кьадал* значит «стены», называют их еще «*персал*», что значит «скалы». В Ирганае этот же тип называют словом *кьирдул*. 2) Другой подвид узкополосных террас – это такие поля, когда поверхность поля очень узкая (не более одного-двух шагов в ширину) и значительно уступает высоте подпирающей эту поверхность стены. Их араканцы называют *чIваял*. В Унцукуле такие поля называются *магльа*. На таких полосках разводят большей частью виноградники, реже – другие садовые насаждения.

Второй вид полей на подпорных стенах называется у аварцев *хур*, у даргинцев *хъу*, у лезгин *хур*, у лакцев *хъу*. Эти поля, хотя и имеют одинаковую узкополосную конструкцию, различаются в технологии строительства. Поля расположены на более или менее плоской поверхности речной поймы и формируются

путем заграждения определенных участков от разливов самой реки (очень часто, впрочем, они уносятся во время бурных селевых потоков). Орошенная часть имеет тенденцию к довольно быстрому заполнению илом и почвами, наносимыми сюда с окрестностей и изредка разливами, но в основном ирригационными и дождевыми намывами. Поле становится максимально плодородным (ил), когда разливы до поля уже не доходят и почвенная поверхность стабилизирована. Ирганайская, Гергебильская и Ходжалмахинские долины и Ботлихская котловина дают наиболее классические примеры борьбы за землю в поймах.

Итак, обширные днища рек в районе Игали, Инхо, Муни и Ботлиха освоены методом предварительно подготовленных ячеек («оросительных единиц») или того или иного участка, подготовленного к орошению, почвами, наносимыми ирригационными водами. Ирригационные воды берутся или из основной реки (редко), или с притоков, из дождевых потоков, как это было описано, в связи с формированием Ирганайской равнины. При этом идет постоянное многовековое наступление *мегъа* на русло большой реки, суживая русло его могучих разливов. Если каменные ограды и ячейки оказываются не унесенными очередными ударами весеннего разлива реки или боковыми истоками, они непременно после залива оказываются заполненными землей и щебнем – отличная основа для почв, заносимых тщательно продуманной ирригацией методом ячеечного затопления. Стены этих полей, как межевые, еле возвышаются над поверхностью, но глубоко укоренены в наносную землю, а порою скрыты. На мунинских садовых полях, которые кажутся ровными, стены еле выступают над поверхностью. Основная их часть (до 2 м) находится в аллювиальном наносе ⁷⁵.

В основном рассматриваемый вид террас используется под всевозможные культуры и садовые насаждения. Интенсивная эксплуатация этих полей за короткое горное лето заключается в

---

⁷⁵ Этот способ освоения днищ плоскодонных долин в его полном выражении и гигантском масштабе, по основе которого сформировалась цивилизация Хадрамаута, мне посчастливилось исследовать в верховьях вади Амд. См.: *Агларов М.А.* Хиджли верховий Хадрамаута. Резюме доклада на конференции // История взаимодействия общества и природы. М., 1990. С. 9–10.

том, что на террасах практикуют двух-трехъярусное земледелие, смешанные посевы разнородных культур (просо, бобовые, кукуруза; кукуруза, фасоль, огородные и т.д.), дополненные фруктовыми деревьями по краям полей. Расположенные на склонах, эти поля получают намного больше солнечного света, чем на ровном месте, что и использовано земледельцами при практике многоярусных посевов.

Склоны гор, террасированные с помощью каменных, подпирающих поле, стен, производят незабываемое впечатление гигантских каменных лестниц – следствие огромного человеческого прилежания и труда. Садовые насаждения делают земледельческий пейзаж необыкновенным.

На конусообразном выносе игалинской речки свыше 100 га земли сплошь террасированы. Притом каждая небольшая группа полей обнесена сетью мощных (подобных оборонительным сооружениям) стен. Толщина стен от 1,5 до 3-х метров, сохранившаяся высота местами достигает до 2–3 метров. По обеим сторонам кладка сухая, панцирная, промежутки заполнены мелким камнем. Схематический план таков, что больше склоняет к мысли о едином плане строительства, хотя и не исключается случайное совмещение квадратов, обнесенных этими стенами, которые жители называют *буирал* (от андийского «*буиур*» – укрепление). Внутри каждого квадрата по 3-4 обычных террасных поля. Остатки этих стен обнаруживаются в самом с. Игали – это свидетельство о древности сооружений. Иного датирующего материала не найдено, но сооружения смело можно сопоставить с таковыми, которые были распространены в Дагестане в раннем средневековье. Подача воды с поля на поле сквозь стены тщательно продумана. Стены имеют небольшие ниши во внутренней стороне.

За внешней линией стен идут глубокие водостоки, напоминающие искусственные рвы. Если наше предположение о древности сооружений верно, то разбивка плана сооружений на небольшие участки свидетельствует о раздельном владении землей при очередном общинном водоиспользовании (система подземных каналов и водоподачи с поля сквозь укрепления). О функции указанных стен и их возникновении можно строить различные

догадки. Простейшее из предположений – место очень каменистое, и камень, добытый после расчистки, укладывали в стены. Так объясняют и сами игалинцы. Однако рядом существует ущелье, куда они могли бы сбросить камень, сэкономив чуть ли не половину земли, занятую стенами.

Рис. 20, 21. Барражи для осаждения почв от селевых потоков. Игалинский мегъ Буцрал. Фото автора. 1984 г.

Игалинские поля *буцрал*, вероятно будут изучены специально, ибо здесь зашифрована всевозможная информация, не только о земледелии в древности, но и производственных отношениях самих земледельцев. Так, например, ограждение друг от друга группы террасных полей – явное свидетельство раздельной собственности на землю в древности, что является характерным для древнего горного Дагестана⁷⁶. Так как мощные стены *буцрал* разбивают поле на квадраты, выполняли, очевидно, и межквартальные функции.

Укрепленные системы полей в окрестностях селения Игали весьма примечательны и уникальны. Они не имеют себе аналогий не только на Кавказе, но и в других мировых очагах террасного земледелия, во всяком случае там не приходилось видеть ни описания, ни фото.

Террасные поля на подпорных стенах занимают не более 15–20 % всей террасной системы и приурочены в основном к горно-долинам и балкам.

Террасные поля на подпорных стенах с обширной поверхностью. Это второй вид полей на подпорных стенах, называемый, как уже отмечалось выше, у аварцев *хур*, у даргинцев, лезгин и лакцев – *хъу*. Он преобладает в районах распространения полей на подпорных стенах и, кажется, более древний, хотя, если судить по формальным признакам и по ним строить эволюционную схему, то узкополосная терраса должна была бы предшествовать широкополосной⁷⁷.

76 См.: *Агларов М.А.* Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности на землю у аварцев (до XX). Уч. зап. ДФ АН СССР. Махачкала, 1964. Т. XIII. С. 180; *Агларов М.А.* Переход к террасному земледелию и особенности развития общественного строя ранних земледельцев-горцев // *Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности общественного строя* / Тез. докл. М., 1974. С. 62–64.

77 Так оно и логичней: сначала узкое поле-полоса, первый шаг в переходе к террасной системе земледелия, а потом шире и т.д., но это всего лишь логичней, не более. В действительности, первоначальные шаги перехода к террасной системе были сделаны в речных поймах и у подножий гор, во время манипуляций с оградами для задержки аллювиальных наносов и почв, что дает развитие более широкому полю, поскольку в упомянутых точках поверхность ровнее. Узкополосные террасы на крутых, а иногда и на очень крутых склонах гор – завоевание в технологическом отношении более высокого ранга. (Высказываемые предположения о генезисе террас относятся строго к рассматриваемому типу – к террасным полям на подпорных стенах). Подробнее см.: *Агларов М.А.* Еще раз о сельскохозяйственных террасах Дагестана // *Вестник Дагестанского научного центра.* 2016. № 62. С. 30–53.

Эти поля схожи с узкополосными по конструкции, но различаются в технологии строительства. Поля расположены на более или менее плоской поверхности речной поймы. Они формируются путем заграждения определенных участков от разливов самой реки, а также благодаря возведению межевых и оградных (от поправки скотом) каменных построек. Орошаемая часть подвержена периодическому затоплению и быстрому заилению, благодаря паводкам и разливам, но, в основном, ирригационным⁷⁸ намывам. Поле становится максимально плодородным, когда разливы до поля уже не доходят, и почвенная поверхность стабилизирована. Ирганайская, Гергебильская и Хаджалмахинские долины дают наиболее классические примеры успешного освоения земли на речных поймах.

Террасные поля этого же типа встречаются на конусообразных выносах рек и на пологих склонах. Они формировались на невысоких подпорных стенах с обширной поверхностью (порою до 1 га). Ведущую роль в формировании этого подвида имела антиэрозийная каменная кладка, которая укреплялась из сезона в сезон и строилась каждый раз чуть выше поверхности террасы. Противозероизийная кладка задерживала дождевые, ирригационные и механические перемещения почв при их обработке. Исследователи обратили внимание на то, что «все они (почвы) распределены на искусственных террасах, благодаря чему мощность их увеличивается вниз по склону, а в пределах одной террасы от начала к окончанию ее»⁷⁹. Такое постепенное перемещение почв было вследствие механических процессов, происходящих на поверхности поля во время земледельческих процедур. Почвы неразбираемых видов полей культурно-полевые, им характерна хрящеватость; они

---

78 В Пянджшерской долине (Афганистан) аналогичную технологию наблюдал академик Н.И. Вавилов. Там сначала устраивали искусственные каменные дамбы, которыми огораживали небольшие участки. Сюда направляли небольшой приток от реки. «С течением времени поток, вследствие перемены скоростей, заносит в бассейн наносы, и площадка уже используется для посева». См.: *Вавилов Н.И.* Избр. труды. Т. 1. М.-Л., 1959. С. 166.

79 Роль ирригационных дождевых наносов в формировании террасных полей отмечается исследователями для абиссинских террасных систем. См.: *Крылова Н.Л., Сванидзе И.А.* Сельское хозяйство народов Эфиопии. «Советская этнография» 1975 г. № 1. С. 36.

более каменисты и менее глинистые. Они были созданы руками человека «то переносом мелкоземистой массы на террасированные участки, то кольматажем отдельных участков, наконец, длительным окультуриванием бывших на таких местах естественных почв путем постоянного перемешивания с навозом и золой, аллювиальными наносами и выборкой камней».

Итак, обширные днища рек в районе Хаджалмахи, Гергебиля, Муни и Ботлиха освоены методом заполнения предварительно подготовленных ячеек («оросительных единиц») или того или иного участка, подготовленного к орошению, почвами, наносимыми ирригационными водами. Ирригационные воды берутся или из основной реки (редко), или с притоков, относительно и весьма эффективно от дождевых потоков (Ирганай). При этом идет постоянное вековое наступление *мегь* на русло большой реки, суживающее русло её могучих разливов. Если каменные ограды и ячейки оказываются не унесенными очередными ударами весеннего разлива реки или боковыми истоками, то после залива они непременно оказываются заполненными землей и щебнем. Стены этих полей еле возвышаются над поверхностью, но глубоко всажены в наносную землю, а порою вовсе скрыты. На мунинских садовых полях, которые кажутся ровными, стены еле выступают над поверхностью, они на высоту до 2-х и более метров погребены в мощных аллювиальных и почвенных образованиях. Информаторы говорили, что в мунинском *мегье* от стен на поверхность выступает лишь примерно одна седьмая часть. Стены впущены глубоко в грунт для надежной защиты плодородной толщи от бурных речных разливов и мощных селей. Такой способ освоения днищ плоскодонных долин в его завершенном виде и впечатляющем масштабе мне посчастливилось исследовать в верховьях вади Амд в Южной Аравии⁸⁰. Именно на таком типе земледелия сложилась и достигла своих высот древнеюжноаравийская цивилизация.

---

⁸⁰ *Агларов М.А.* Хиджли верховий Хадрамаута. Резюме доклада на конференции // История взаимодействия общества и природы. М., 1990; *Он же.* Селевое орошение в Хадрамауте // Тез. докл. Научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1988–1989 гг. (24–25 апреля 1990). Махачкала, 1990. С. 13.

Орудия обработки почвы

Лопата *бел* служила для рытья и чистки каналов, перекопки приствольных кругов деревьев в селах, рыхления почвы приусадебных участков. *Бел* изготовлялся местными кузнецами из листового железа или старых лемехов и по своей форме напоминает лемех сохи, но обычно длиннее и уже него. В верхней части лопаты имеется углубление в виде паза, суженного к низу, куда вставляется клинообразный конец ручки. Деревянная ручка имеет длину 1,20–1,30 м, изготовлялась из твердой породы дерева, обычно из ясеня, карагача, дуба. В зоне Хиндалала и в Центральном Дагестане лопаты кузнечной формы почти исчезли и практически не встречаются, будучи заменены фабричными. По сей день лишь в с. Муни Ботлихского района, где население продолжает обрабатывать свои сады-поля вручную, пользуются лопатой (*реххин*) своеобразной конструкции. Деревянная ручка у этого орудия слегка изогнута, сама лопата широколезвийная, но со значительным сужением к лезвию, чем у обычных шиферных лопат.

Единственным занятием мунинцев было и остается садоводство, каждый сад, как обычно в горных долинах, является садом-полем с многоярусными насаждениями. Скотоводство в Муни не получило развития вследствие исключительной ограниченности кормовой базы. Так вот мунинцы не употребляли пахотные орудия и вскапывали почву этими лопатами, самым тщательным образом разбивая комки и уничтожая корни сорных трав. Разбивку комьев производили женщины вслед за копателем с помощью специальных «короткоруких» широколезвийных ручных мотыг, имеющих распространение лишь по горно-долинной зоне Андийского Койсу. К мунинской лопате (*реххин*) мы еще вернемся.

Лопаты *бел* по названию и по конструкции совершенно одинаковы по всему Дагестану. Сходство названий «*бел*», «*бил*», «*бари*» говорит о том, что название, вероятно, восходит к языку – основному лексическому фонду дагестанских языков. Вместе с тем *бел* под схожим названием и той же конструкции

распространен и в Передней Азии. Под другими названиями, но сходной конструкции, орудия типа *бел* имеют огромное распространение как ныне, так и в прошлом, в огромном ареале земледельческой ойкумены Старого и Нового Света.

Единственным возможным генетическим предком рала П. Лезер считает именно лопату. Этнографические примеры таких орудий известны в Корее, Гималаях, Южной Аравии, Армении и др. Одно из существенных возражений против гипотезы П. Лезера заключается в том, что формы рала, происходящие по П. Лезеру от лопат, имеют значительный изгиб в нижней части, образующий зачаточный полоз, что совершенно чуждо лопате вообще⁸¹.

Мунинский *реххин* для вскапывания земли и проведения борозд отвечает требованиям, предъявленным теорией П. Лезера. Он имеет достаточно обозначенный изгиб рабочей части, а также ручки, чтобы в рабочем состоянии при употреблении постромков и тягловой силы лопата погружалась в землю под тем же углом, что и лемех. В таком виде данная лопата вполне способна выполнить функцию полоза. Единственный «недостаток» нашего экземпляра состоит в том, что он зафиксирован только в Мунинской долине и более нигде. Были ли подобного рода лопаты распространены в районах генезиса пахотных орудий, а потом исчезли? Возможно, они сохранились в Хиндалале потому что здесь пахотное орудие не было востребовано. Или мунинский *реххин* – поздний продукт, выработавшийся только здесь, т.е. орудие обычное, как для современности, так и для эпохи домашнего земледелия? Эти и другие вопросы возникают неизбежно из-за ограниченного ареала этого вида лопаты. Но по всей долине Андийского Койсу встречена двуручная лопата для вскапывания земли и проведения борозд, которая с не меньшим правом может претендовать на восполнение «недостающего» звена в развитии эволюции пахотных орудий от ручных.

---

⁸¹ Краснов Ю.А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.: Наука, 1975. С. 164–166.

Двурукояточная лопата. Двурукояточная лопата встречалась в горно-долинной зоне и ныне практически вытеснена фабричной лопатой. В 1973 году она была зафиксирована, как бытующее явление и обследована нами в с. Глох (Ботлихский район). Впервые рисунок такой лопаты опубликован в статье З.А. Никольской и Е.М. Шиллинга в 1952 году⁸². Один экземпляр хранится в Дагестанском краеведческом музее (инв. № 3454, паспорт не сохранился). По свидетельству сотрудника сектора востоковедения ИИЯЛ Даг. ФАН СССР М. Нурмагомедова, орудие это в 1940 году вывезено из с. Араканцы Шумуйского района тогдашней Дагестанской Области в г. Махачкалу и передано Махачкалинскому краеведческому музею. Орудие араканцы называют *маххиглуч* (букв.: «железная заостренная палка»). Игалинцы и тлохцы его называют *бухъартеб махх* (букв.: «сошник-копалка», притом *махх* с северного наречия аварского переводится одинаково: и как «железо», и как «сошник») (Рис. 22). По нашей информации, до второй половины XIX века широко бытовал по всей зоне Хиндзала. Орудие (музейный экземпляр) представляет собой согнутую в дугу палку, концы которой вставлены в горизонтальную перекладину. На самой вершине дуги сделано приспособление для укрепления лемехообразного железного наконечника. Наконечник похож на сплюснутый ромб длиной 16 см; общая высота орудия 74 см, общая длина горизонтальной перекладины 16 см. Концы дуги вставлены в перекладину на расстоянии 28 см друг от друга. Такое устройство делает орудие двуручным и ножным одновременно. Притом, место воздействия ногой находится прямо под сошником. Применяют это орудие исключительно на террасных полях, т.е. узких до одного метра, где современное крупное пахотное орудие абсолютно не применимо. Работают лопатой так: нажатием ноги наконечник погружают в землю, и когда пятка копателя коснется земли, опершись на орудие передней частью стопы и одновременно натягивая на себя

⁸² Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. СЭ. 1952. № 4. С. 4. Рис. 5.

обе ручки, переворачивают или вынимают захваченный лопатой пласт почвы. Это самое производительное копательное орудие из разновидности ручных. Ныне, как и отмечено выше, лопата *маххиГучI* полностью заменена фабричными железными изделиями, которые намного дешевле и проще в устройстве. В последний раз описываемый тип изделия, как функционирующее орудие, был зафиксирован в 1973 г. этнографической экспедицией в с. Тлох. Аналогии этому орудию мне пока не известны. Ю.А. Краснов высказал мнение, что отдельные знаки минойского письма являются изображением именно этого типа орудий⁸³. Как бы то ни было, глубокая древность рассмотренной конструкции орудия вряд ли может сколько-нибудь обоснованно оспариваться.

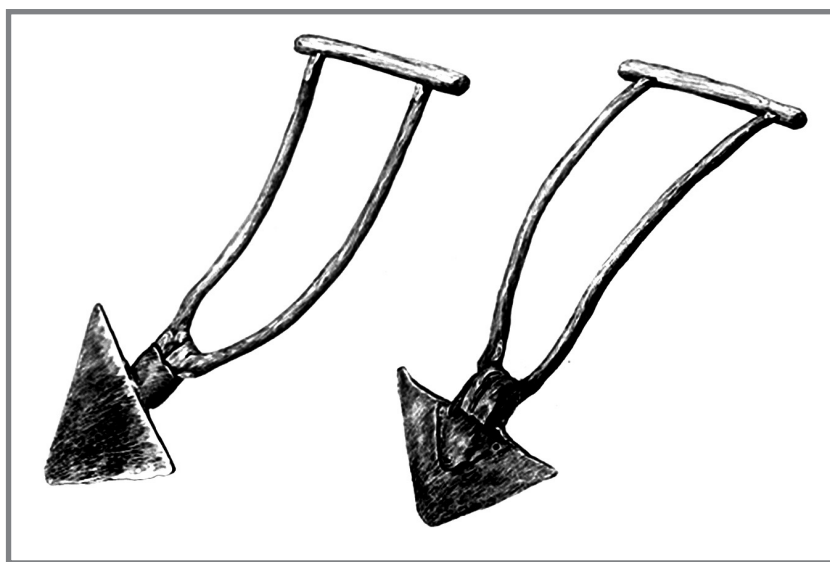

Рис. 22. Двуручная лопата *бухъарулеб махх.*
Тлох. Рисунок Анны Карамян. 1973 г.

83 Краснов Ю.А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.: Наука, 1975. С. 172.

Чрезвычайно любопытна для истории почвообрабатывающих орудий двурукая лопата. То, что *маххиглучI*, в том сложном виде, в каком мы его находим сегодня, безусловно, представляет собой специализированное орудие для узких террасных полей, не снимает возможность его более широкого применения до распространения пашенного земледелия вообще. Эта уверенность подкрепляется самой этимологией названия. Во-первых, само название *маххиглучI*, как уже говорилось, переводится как «железная палка», что не отвечает его настоящей конструкции, и могло в прошлом относиться к палке-копалке с железным наконечником, т.е. к орудью, безусловно, изначальному у земледельцев. Во-вторых, слово *магъ* (лезг.) означает «сошник».

Однако для сошника мы имеем в некоторых диалектах и языках еще одно название: *къоб*, *къобе*, *къеб*. От последнего происходит аварское *къебед*, т.е. «кузнец», что означает достаточно древнюю дифференциацию названий для сошника. Название сошника – *махх* у аварцев, как будто бы свидетельствует о том, что оно по своему распространению совпадает с районами применения двурукой мотыги *маххиглучI*, тогда как другое название лемеха *къе*, *къо* известно за пределами зоны Хиндалала. Таким образом, перед нами орудие уникальное по конструкции и, кажется более древнее, чем само пахотное орудие соха (*нуруц*). И еще одно обстоятельство, которое обращает на себя внимание – то орудие имеет конструкцию, принципиально повторяющую конструкцию бесподошвенных орудий типа русской сохи. Достаточно к *маххиглучI* прикрепить грядиль, чтобы мотыга превратилась в двурукий чертящий вид бесподошвенного пахотного орудия⁸⁴. Отсюда впечатление, что описываемый экземпляр не только древний, но и сохранивший архаичные конструкции пахотных орудий. Бесподошвенные орудия типа сохи возникли или появились там, где почвы недостаточно аккумулярены и требовали большую маневренность. А двурукоятность конструкции

---

⁸⁴ Агларов М.А. Этнографические очерки земледелия аварцев. 1970. РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 260. Л. 38–39.

объясняется необходимостью владения глубинно-неустойчивым бесподошвенным орудием.⁸⁵

Таким образом, перед нами ручные (и ножные одновременно) орудия, которые по своим формально-конструктивным признакам, возможно, отражают переходный этап от ручных к тягловым пахотным⁸⁶. Совершенно независимо к аналогичному выводу на основе изучения опубликованного З.А. Никольской и Е.М. Шиллингом рисунка двуручной лопаты в своей последней работе, посвященной древнейшим пахотным орудиям, пришел археолог Ю.А. Краснов⁸⁷.

Все три орудия, описанные нами здесь, имеют одну общую черту – это использование их в местах, где пахотное орудие не применимо или его сознательно не применяют (с. Муни)⁸⁸, и, соответственно, пахотное орудие заменено лопатами, лопатообразными орудиями для вспашки и мотыгами.

Ясно, что дифференцированное применение лопатовидных и мотыговидных диктуется условиями обработки земли. Очевидно, что такая дифференциация достаточно древна, хотя бы уж по одному соображению удобства применения лопаты на ровной части, а мотыги на склоне. Мотыга имеет лишь преимущество ударного инструмента, позволяющее освоение целины или тяжелых почв, и потому более универсальна. Схожие случаи эпизодичного употребления мотыги взамен пахотного орудия в альпийской зоне Дагестана имеются по горным районам Чечено-Ингушетии и у адыгов, живущих в горных районах.

---

85 Новиков Ю.Ф. Генезис плуга и этнография. СЭ. 1963. № 1. С. 98–111.

86 Асиятшилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX века). Махачкала. 1967.

87 Краснов Ю.А. Указ. соч. С. 171.

88 Мунинцы считают пахотное орудие грубым инструментом для обработки почвы. С их точки зрения, *реххин* гораздо культурнее и тщательнее обрабатывает поля-сады. Здесь следует иметь в виду два обстоятельства: в с. Муни на душу населения приходится сравнительно мало земли. Здесь нет полей в общепринятом понимании, повсюду сады и комбинированные поля-сады. В Муни практически не развито скотоводство (тягловая сила) из-за отсутствия пастбищ и сенокосов, и основной доход мунинцам приносит садоводство. Почвы на полях-садах мунинцев настолько ухожены (они целиком антропогенны) и обработаны (рассыпчатые, мягкие, нет камней и пр.), они по сей день подвергаются «ювелирной» обработке ручными орудиями.

Орудие для посадки семян и саженцев. При многоярусном земледелии Хиндалала, на террасных полях для посадки кукурузных семян, тыкв и для посадки винограда употребляли палку с железным наконечником, называемом *глуч* (Рис. 23.). Она широко употреблялась по всей горно-долинной зоне в XIX веке, а в настоящее время заменена простыми остроконечными стальными прутьями. Палка традиционной формы зафиксирована в с. Игали. Она имеет изогнутую ручку, как у посоха, и горизонтальный штырь (как у старинных лопат), вбитый у наконечника для нажатия ног. На конец палки надет втульчатый острый железный наконечник. Нажатием ноги в почве делалась дыра нужной глубины, куда и сажались семена. Ее применение давало возможность произвести многоярусные насаждения по плану, соблюдая нужные расстояния между посадками. Из злаков палкой сажали лишь кукурузу – если нужен был ее редкий посев среди других культур. По конструкции и функциям *глуч* напоминает палку-копалку древних земледельцев. Однако, применение «палки-копалки» строго специализировано и связано с таким интенсивным земледелием, как многоярусное или с посадкой бахчевых и садовых насаждений.

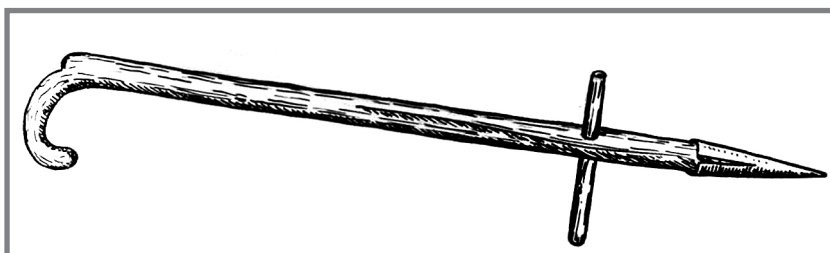

Рис. 23. *Глуч*. Тлох. Рисунок Анны Карамян. 1973 г.

Газа – ручные орудия для окучивания и прополки, подобны тяпкам на длинных (1,5 м), средних (до 1 м) и коротких (0,5 м) деревянных ручках (рис. 25). Орудие для прополки имеет нанизанную на деревянную ручку рабочую часть полусферической

формы, согнутую на 60–70 % к ручке и жестко укрепленную к рукояти. Лезвие мотыги имеет разную ширину и толщину, в зависимости от того, на каких почвах и в каких целях она применяется. На каменистых, тяжелых почвах и при прополке густых всходов кукурузы, фасоли или других огородно-бахчевых культур применяется мотыга с более узким лезвием.

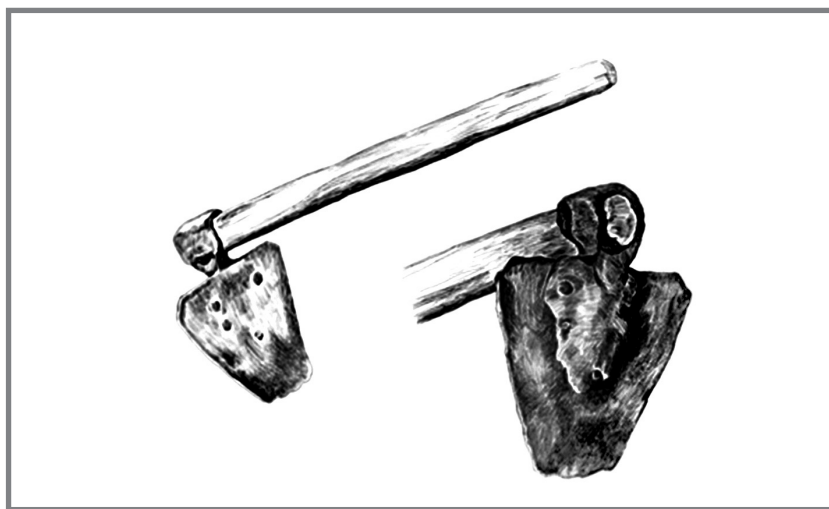

Рис. 24. *Газа* (тяпка) для первичной обработки поля и окучевания кукурузы. Ботлих. Рисунок Анны Карамян. 1973 г.

Для первой прополки кукурузы и других культур, а также для окучевания, применялась мотыга с более широким лезвием (Рис. 24). Лезвие узкой мотыги имеет клинообразную форму, расширяется книзу, принимая сферическую форму. Ручку для мотыги изготавливали из дерева, предварительно засушенного на солнце или закаленного на огне. Для ручки мотыги шли обычно липа, орешник и другие виды древесины. Лужка лезвия имела форму втулки или более узкого кольца с отверстиями для гвоздей, при помощи которых ручка закреплялась. Но известны и другие способы крепления, как, например, расщепление конца ручки и забивания туда деревянного клина из более прочной древесины.

Лезвие этого орудия имеет треугольную форму, узкая часть которого крепится на деревянную ручку с железным ободком. Из этого рода орудий выделяется мотыга с ножевидным лезвием. Она несколько усложненной конструкции, похожа на короткую косу, у которой плоскость лезвия стоит под углом (60–70°) к ручке. Вытянутое влево узкое лезвие имеет ширину до 25 см. Им производится подрезка корней сорняков с одновременным окучиванием растений, вскапывается лишь самый поверхностный слой почвы поля. Применяется такое орудие на легких сухих почвах террасного земледелия.

В горах Дагестана часто встречаются разновидности широколезвийных мотыг. Это и утяжеленные для каменистых почв, и киркообразные, где одна сторона в виде острия обычной фабричной кирки, а другая сторона – широкое мотыжное лезвие для прополки и окучивания, короткоручные и длинноручные, большие и малые. Среди малых встречаются миниатюрные, величиной со столовую ложку, насаженные на рукоять длиной 40–50 см. И таких же размеров лопаточки. Их употребляют для прополки и обработки густого посева чеснока, лука, моркови.

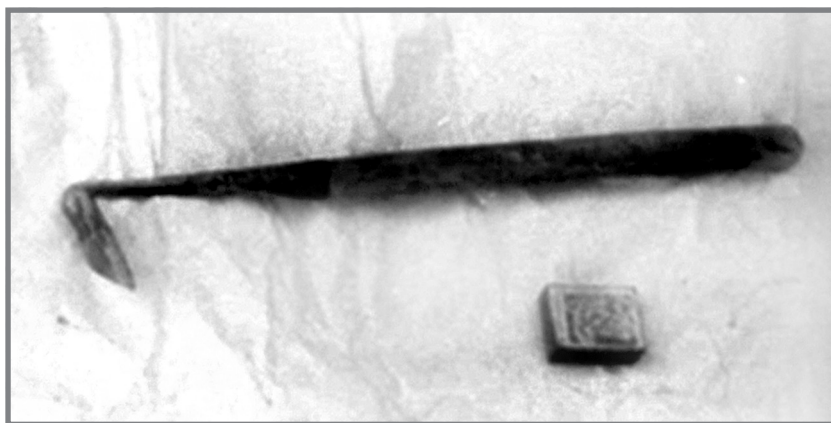

Рис. 25. Газа. Муни. Рисунок Анны Карамян. 1973 г.

Мотыга хъасерукI. Орудие специализировано и встречается только в горнодолинной зоне Хиндалала, имеет короткую ручку и широкое лезвие, форма лезвия четырехугольная, от которого с загибом, образующим угол между рабочей частью и рукояткой, идет черешок, на который насаживается рукоятка (Рис. 26.). Этой мотыгой, следуя за пахарем или за вскапывающим землю, женщины разбивают комья, выравнивают пахоту, устраивают там, где это принято, земляные валики, разбивая поле на квадраты для оросительных полей. Отличительная особенность мотыги – четырехугольность, широколезвийность и короткая рукоять (Рис. 27). Можно сказать, что мотыга *хъасерукI*, облегченная в конструкции для работы одной правой рукой, с широким лезвием и длинным черенком, на которую насажена короткая деревянная ручка – нигде более (ни в Дагестане, ни на Кавказе, ни в мире) не имеет аналогий. Условием для ее изобретения (формирования) послужили тщательно окультуренные, рассыпчатые, многократно вскапываемые и вспахиваемые почвы террас зоны Хиндалала. По уровню тщательности ухода равных им на Кавказе нет; аналогии можно найти в Передней Азии, в Китае, в Индии и т.д.

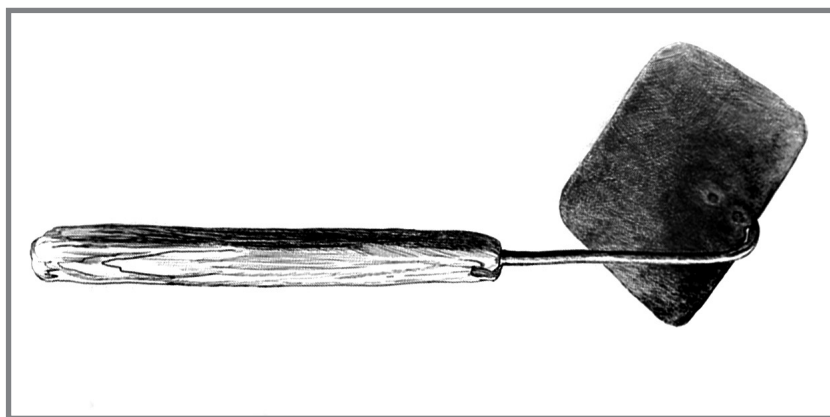

Рис. 26. Мотыга *хъасерукI*. Единственная используемая в зоне Хиндалала тятпка для садовых террас. Рисунок Анны Карамян. 1973.

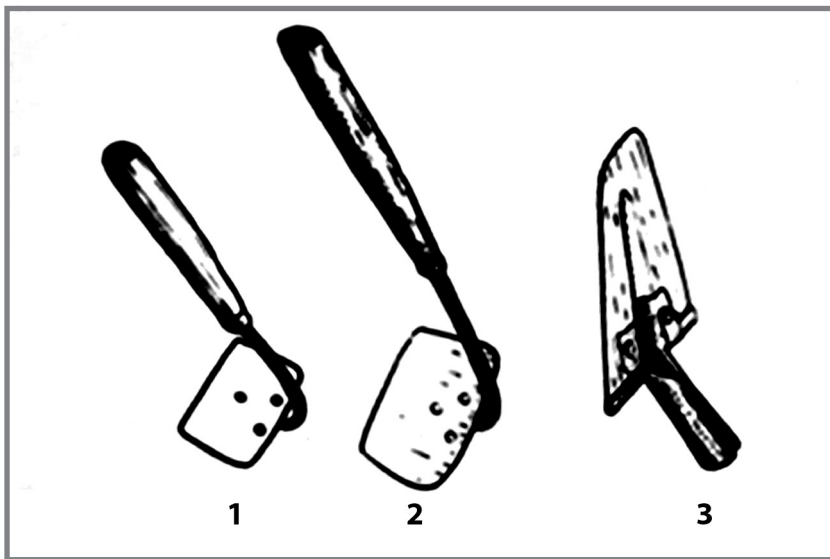

Рис. 27. Мотыга *хъасерукI* – широколезвийное, короткорукое орудие для обработки почв в садах Хиндалала.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА 6

Хозяйственное землеустройство и землепользование: практика, устои, регламентации орошения, оросительные системы

Селевое орошение было достаточно распространено в Хиндалале, более того, оно являлось главным или основным «агентом», благодаря которому сформировались новые земледельческие ландшафты, как, например, ныне ушедшая под воду Ирганайская равнина. В физической географии эта долина характеризуется как одна из самых обширных в Горном Дагестане⁸⁹. По предварительным данным ширина Ирганайской равнины равна от 500 до 800 м; протяженность – 7 км. Общая площадь полей, использовавшихся под сады, до 700 га. Равнина представляет собой гигантский вынос, который как бы настигает дно долины, простираясь от поселка Майданск до урочища Кошмата. В этой долине (как и в других долинах Койсу), борьба за землю с древнейших времен была сравнима с той, что велась в оазисах среди пустынь Азии и севера Африки. Ныне эта долина полностью затоплена водохранилищем Ирганайской ГЭС.

Правый берег долины, откуда наметы наносы, имеет множество ущелий. Из них в долину текут ручейки или даже селевые массы во время дождей на Гимринском хребте. Дожди же там бывают гораздо чаще, чем в самой долине. Эти паводковые воды использовались для орошения на протяжении нескольких тысячелетий и сыграли основную, если не единственную, роль

---

⁸⁹ Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959. С. 42.

в формировании Ирганайского оазиса. Каждое ущелье, по которым текли селевые воды, имеет свое название. Ряд их были нами записаны во время полевой работы. Приведем ниже их список.

1. *Кулалазул кІкІал*⁹⁰ – «долина хуторов».
2. *Гьуразул кІкІал* – означает «долина ветров», известно, как место лечебного источника. Такого типа микротопонимы частое явление на территории проживания аварцев и слово *гьурал* в их языке означает не только «ветра», но и «ревматизм».
3. *Чоххол кІкІал* – от названия мелкой галки, щебня (*чІмимх*).
5. *Угьуз кІкІал* – «ущелье огузов», важный след тюркского влияния в средневековье.
6. *РикІкІи кІкІал* – *РикІкІ* – растение, из которого готовят лекарственное снадобье.
7. *Цинльул кІкІал*
8. *Росдал кІкІал* – «ущелье села».
9. *Миккил кІкІал*. – «дубовое ущелье».
10. *Гебекил хІумил кІкІал* – «ущелье Мухумы сына Гебека».
11. *ГІумарил кІкІал* – «ущелье Омара», что, впрочем, не обязательно означало, что ущелье принадлежит Омару или другим лицам, именами которых они названы. Чаще название случалось по имени человека, чьи хутора были расположены поблизости.
12. *Хадаргояльул кІкІал* – ущелье Хадарго.
13. *Чолмол кІкІал* – ущелье Чолма.
14. *МачІамалъул кІкІал* – ущелье Мачама.
15. *ГІарчІиласул кІкІал* – *ГІарчІилав* это имя человека, но интересно своим доисламским звучанием, букв. Булавоносец.
16. *ХасулхІумил кІкІал* – ущелье Хасулмухума.
17. *ВатарухІумил кІкІал* – ущелье МухІаммада Найденного.
18. *КІуда кІкІал* – большое ущелье.
19. *БецІ кІкІал* – темное ущелье.
20. *АсхІабил кІкІал* – ущелье Асхаба.
21. *Моллачил кІкІал* – ущелье Моллачи.

---

90 Звук *кІкІ* – в русской транскрипции читается, как *кк*.

22. *Бесу кІкІал* – ущелье Бесу.

23. *Шамайил кІкІал* – ущелье Шамай. Шамай – женское имя, и это обращает на себя внимание в списке. Собственность женщин на землю была в Нагорном Дагестане весьма распространенной.

24. *Исубил кІкІал* – ущелье Исуба.

25. *Пенкселедул кІкІал* – ущелье, где растет кустарник *пенкс*.

26. *Гермагъалил кІкІал* – ущелье Эрмагала.

27. *ГатІудаб кІкІал* – широкое ущелье.

28. *ХамзагъотІол кІкІал* – долина дерева Хамзы.

29. *Камалил Башир хъуитІараб кІкІал* – Ущелье, где поскользнулся Камалил Башир. Если этот топоним имеет в виду легендарного Камалил Башира, то это было бы дополнительным указанием универсализации образа Камалил Башира.

30. *Квасиласул кІкІал* – ущелье Квасилава.

31. *Гисал Хамзатил кІкІал* – ущелье Хамзата сына Исы.

32. *БакІухъальул кІкІал* – ущелье Бакуха (женщина ?).

33. *ВидмухІумил кІкІал* – ущелье Видмухамы.

Все названные выше ущелья, большие и малые, являются поперечными к долине Койсу и произошли вследствие линейной эрозии мягких пород западного склона Гимринского хребта. Но одна особенность может остановить внимание наблюдателя – большая часть, то есть 22 из названных ущелий, вместо того, чтобы «выйти» к большой реке, т.е. к руслу Койсу, прекращают свое существование – они выходят к Ирганайской равнине, где много кукурузных полей и роскошных садов. Она приподнята над галечным руслом. Высота культурного слоя от 5–15 м (местами до 20 м). Нанос этот как бы заботливо уложен на каменистое, галечное днище и в этом наносе нет ожидаемого продолжения названных выше ущелий к Большой реке (Койсу), они заканчиваются у равнины, как если бы это были реки, втекающие в общее озеро.

Вся равнина является «полем-садом» ирганайцев, которую они больше называют садом (*ахал*), чем полями (*хурзал*), или

общим аварским термином для обозначения обработанной части территории понятием *мегъ*.

Хотелось бы обратить внимание на археологический объект, известный как Ирганайское поселение и расположенный у правобережного притока Койсу⁹¹. После того, как оно было заброшено, поселение оказалось погребенным под паводковыми и селевыми наносами.

Согласно Д.И. Абрамовичу, мощность древних селевых наносов достигала сотни и более метров, но его верно замечанию: «Ныне аккумуляция не происходит, так как весь материал уносится бурными потоками». Возникает вопрос, почему раньше этот материал не уносился? Раньше на этих наносах были разбиты сады и поля, то есть плодородный материал от ирригационных вод накапливался, сгнивал, уплотнялся и наращивался. В последние же десятилетия с прекращением селевого орошения селевые наносы, периодически идущие по названным выше оврагам, приняли катастрофический характер⁹². Однако, Д.И. Абрамович не отвечает на вопрос, который сам же поставил между строк. На него взглянув, ответ заключается в следующем: «Правый берег, как уже говорилось, состоит из 22 оврагов, основания которых не выходят к реке (Койсу), а «упираются» в гигантский Ирганайский майдан (равнину). На известной высоте поперек этих оврагов в древности был построен центральный сборный ирригационный канал – *Апарагазул рахъ*⁹³, который собирал селевые потоки из оврагов. Затем вода распределялась по верхней части полей, называемой *Тласамегъ*. На следующем этапе, более очищенные селевые воды поступали в параллельный водораспределительный канал *Бакьульа рахъ*, который проходил посередине Ирганайской равнины (рис. 28).

91 Атаев Д.М., Погребова М.Н. Ирганай Унцукульского района // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1973. Т. III. – 135 с.

92 Абрамович Д.И. Исследование наносов реки Сулак. Л., 1935. С. 73–74.

93 Там же. С. 73–74.

94 *Апарагазур рахъ* – канал апарагов. *Апараг* (мн.ч. «апарагал») – пришлая, не полноправная часть населения. Видимо, обслуживание канала была их повинностью.

Рис. 28. Вторичный (серединный), продольный канал «*Бакьульа рахъ*» для распределения селевых потоков. Не используется с 60-х гг. XX в.
Фото автора. 2004 г.

Канал подавал воду в сеть оросительных каналов на нижние блоки полей и садов называемых: *Гьоркья мегъ*, *Шиндахъ*, *Тларада байдан*, *Сугьат*, *Тласа глорохъ*, *Гьокья глорохъ*, *Цебемегъ*, *Догул хур*, *Наязул гох1*, *Тидур гох1*, *Эхедемегъ*, *Льарал аххада бак1*, *Нахьамегъ*, *Гьабахъ*, *Маг1ам*, *Нахъбайдан*, *Цюх1ул байдан*. Каждый из этих блоков *мегъа* содержал еще дробные деления, продиктованные системой вторичных каналов, что было важно при очищении каналов и водораспределении. Третичные каналы подводили воду на конкретные участки владельцев, которые назывались по имени их хозяев. Ниже я привожу информацию об этих каналах, полученную от краеведа Шихабудинова Магомеда. Согласно его информации, «существовал общеджамаатский, главный, самый глубокий и протяженный канал *Анарагазул рахъ*. Его выкопали сельские апараги⁹⁵. Он проходил по

---

⁹⁵ *Апараг* – пришелец, без статуса члена общины.

верхней линии равнины. Он обеспечивал поливной водой всю равнину. Ниже проходили два других канала. По блоку *мегъа Тласор* проходил канал *Къадахъ*. И другой канал по блоку *мегъа Цебемагъиль*. Так, по его словам, «ни один грамм» дождевых потоков «даром не пропадал». В настоящее время воду для орошения подают насосами из Койсу и, потому разрушаются сады. Иногда после сильных дождей каналы, которыми направлялась селевая вода в канал «*Рахъил бетлер*», разрушалась, и тогда глашатай объявлял, чтобы все вышли на ремонт и очистку основного канала. Тех, кто не вышел, штрафовали. Объявления глашатая назывались «*glakla axlu*», то есть, «объявление штрафа». И женщины, и мужчины выходили на работы, и каналы приводились в порядок».

После того, как каналы перестали функционировать, вследствие линейной эрозии разрушение садов приняло катастрофический характер. Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что «аллювиальные выносы» Хиндалала, на которых разбиты сады, являются не аллювиальными, а «ирригационными выносами». Согласно трактовке коллектива географов, шлейфы и равнины, о которых идет речь, являются следствием более могучих селевых потоков, что имело место в древности. Они пишут, что «в прошлом селевая деятельность в Дагестане достигала значительно больших размеров, о чем свидетельствуют конусы выноса по долинам рек Самур, Аварское Койсу»⁹⁶. Приводимые здесь материалы говорят, что в каждом случае подход должен быть индивидуальным. В данном случае, аллювиальная основа наблюдается только в редких случаях.

Временный поток дождевых вод прекращался в какой-то момент, чьи-то участки получали воду, чьи-то нет, но в таком случае учитывалось, где прервалось орошение до следующего потока. В Ирганае было 3 исполнителя, которые под началом *бегавула* (старосты) следили за очередями и справедливостью

---

⁹⁶ Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959. С. 144.

в получении воды. В каждом квартале (*авале*) избиралось по одному исполнителю (*зИел*). Если кто-то нарушал правила, тут же взимался штраф в размере одной мерки (12 кг) пшеницы, что считалось большим убытком. В Ирганае осталось предание об исполнителе Молла, который соблюдал адаты *мегъа* и распределял очереди во время орошения. Он отличался педантичностью, справедливостью и исполнительностью. Однажды Молла зарезал чьего-то козленка, бросил под ноги хозяину и сказал, что козы должны находиться на хуторах, а не в селе.

Суммируя все данные, можно сделать вывод, что Ирганайская равнина представляет собой во многом антропогенное образование и в этом смысле является незаурядным памятником и образцом орошаемого земледелия, практиковавшегося здесь непрерывно на протяжении более четырех тысяч лет.

Ручьевое орошение. В долине для орошения активно используются притоки Койсу. Если речка была многоводной, забор воды осуществлялся устройством «рукавов» для ее отвода в канал. В другом случае заграждали всю речку, и вода поступала в главный канал, от которого разветвлялись дополнительные вторичные и третичные каналы в соответствии с топографией полей. Количество ответвлений равнялось тому, каково было количество орошаемых участков.

Преграждение речки производилось устройством плотины из камней с щебнем и дерновой забутовкой. Прочных сооружений не строили, т.к. при первых же селевых потоках таковые, если не сносились, то затоплялись. Они были рассчитаны на достаточно короткое время. Если пользовались водами Койсу, то в некоторых местах устанавливали известное в аридной зоне водоподъемное колесо. Его устанавливали на берегу больших рек в долинной зоне. Такое колесо зафиксировано в 1962 году у с. Инхело на правом берегу Андийского Койсу. По рассказам старожилов водоподъемное колесо применяли русские офицеры и солдаты гарнизона крепости Преображенская (упразднена в 1863 г.) для полива огородов в окрестностях крепости. Возможно, так оно и было. Использование такого же колеса, как рассказывают, практиковалось и в с. Тлох.

Дамбы строили в случае, когда нужно было поднять уровень воды из узкого глубокого ущелья на желаемую высоту. В этом случае строили прочную стену, перекрывающую узкий каньон. Дно нарастало щебнем, заносившимся сюда речкой во время паводков. В результате получалось новое приподнятое дно реки. При значительных высотах, куда нужно поднять воду, строили целый каскад плотин. В с. Чиркей сохранился и функционировал каскад из шести плотин.

Еще до затопления Чиркея в 1965 году автором этих строк была сфотографирована последняя функционировавшая дамба-плотина, от которой отводилась вода в каналы. Чиркеевцы с помощью дамб-плотин поднимали воду из ущелья на высоту не менее, чем на 30 м и, благодаря этому, возделывали сады на сотнях гектаров орошаемой земли. Такая развитая каскадно-дамбовая система преграждения реки, кроме как в Чиркее, более нигде не зафиксирована, хотя в более простых вариантах она sporadически применялась по всей зоне Хиндалала.

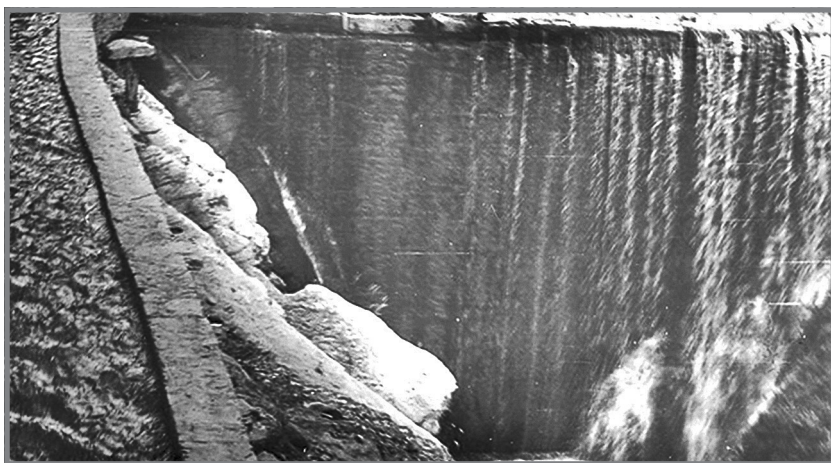

Рис. 29. Плотина для подачи воды в ирригационные каналы в Старом Чиркее, построенная на средства генерала Пазулава в XIX в.
Фото автора. 1965 г.

Рис. 30. Водораспределительные сооружения.
Старый Чиркей. Фото автора. 1965 г.

Головные оросительные каналы строились наиболее тщательно. Они обсаживались ивой, липой, тополями и прочими насаждениями, чтобы оттенить и предохранить воду от излишних испарений. Жители долины Хиндалала часто устраивали закрытые каналы (Рис.31). Там, где сильно дорожили землей, а также вообще хотели исключить потери земли и воды от испарения, строили подземные, крытые каналы. Такова почти вся оросительная система урочища *Буцрахъ*. Облицованные и крытые каналы проходили по улицам аулов, если аулы оказывались на пути проведения воды с источников на поля (с. Голотль) из-под жилых домов или прямо по жилой камере чьего-либо дома (с. Чиркей), что летом давало приятную прохладу (рис. 32). В домах чиркеевцев, они, естественно, также были крыты, но устраивались небольшие открывающиеся люки, вскрыв которых черкеевцы могли насладиться прохладой, красотой и шумом быстротечной воды. В Игали, в местности *Льенсори*, существует тоннель из-под горы, по которой вода переброшена в соседнее ущелье. Особое впечатление оставляет подземный, вернее, «внутрискальный» канал в Цудахарской долине на ташкапурские поля. Тоннель

протяженностью 500–600 м в рост человека пробит внутри скалы. Таков же канал в Чирката. Воду в горах перебрасывали самыми незатейливыми, но очень искусными каналами на скальной глади, или с помощью сточных деревянных желобов, которые легко разбирались. Выдолбленный деревянный желоб, устроенный на каменном или деревянном подпорном сооружении, обеспечивал горцам переброску воды порою в очень сложных условиях и на значительные расстояния. Классической конструкции акведуки можно было видеть единственно в Чиркее.

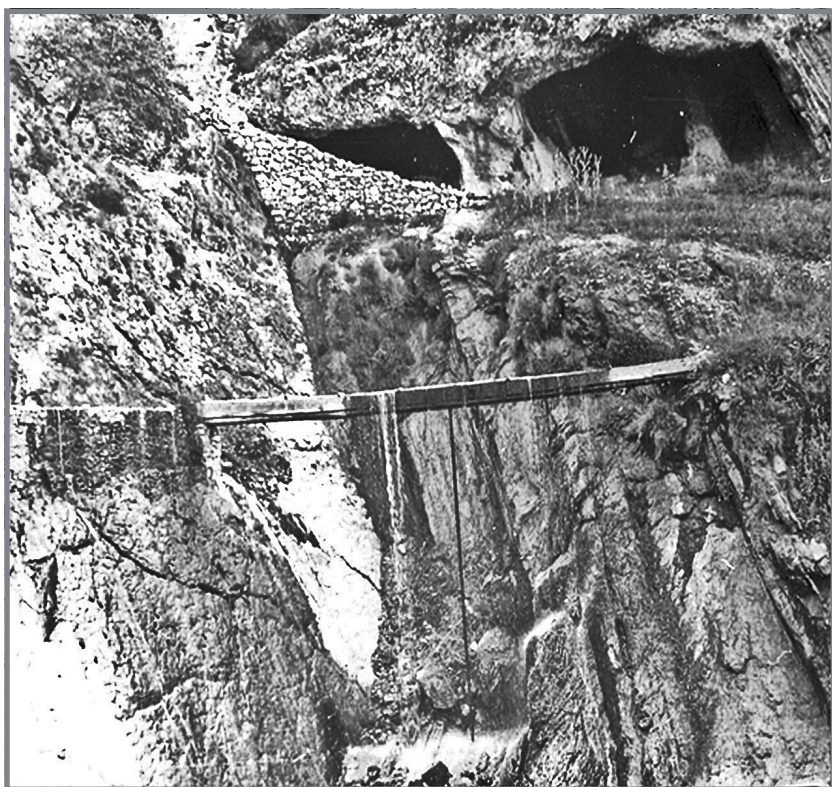

Рис. 31. Переброска воды через ущелье. Наверху – тоннели-каналы.
Гергебиль. 1967 г.

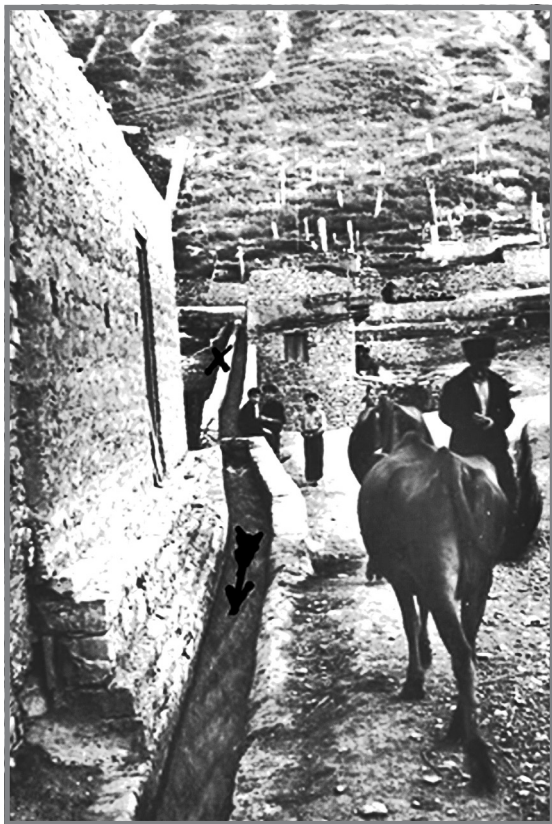

Рис. 32. Акведук, сначала подающий воду непосредственно в жилые камеры для прохлады, а затем на поля. Старый Чиркей. Фото автора. 1965 г.

Д.Н. Анучин, который видел акведуки с. Хаджалмахи, отмечает: «Около аула достоин внимания водопровод, доставляющий воду по трубам и желобам, с другой стороны реки на довольно значительное расстояние с гор. Такие искусственные системы орошения устраиваются жителями часто весьма искусно, при помощи простых приспособлений, на общественный счет»⁹⁷.

---

⁹⁷ Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского географического общества. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. С. 74.

«В Дагестане вода проведена не в долины, только – случается видеть отводы воды еще высоко в горах. Нередко туземец ведет воду с одной высоты на другую даже через целое ущелье, в деревянных желобах, почти висящих на воздухе, на балках и высоких подставках. Иногда же ведут воду под землей в трубах», – пишет П. Надеждин, видимо имея в виду керамические трубы⁹⁸. Подземные облицованные каналы, протянувшиеся на несколько километров, протянуты по верхнему (левобережному) горизонту игалинских полей *Буцрал* (Рис. 33, 34.). По линии канала (поверх канала) проложена пешеходная тропа в целях экономии земли.

Рис. 33. Деревянные акведуки в гимринских садах.
Фото автора. 2005 г.

---

⁹⁸ *Надеждин П.П.* Кавказский край. Природа и люди. Второе издание. Тула, 1895. С. 63.

Рис. 34. Крытый канал в садах Игали. Фото автора. 1965 г.

Кородинские каналы-акведуки проложены на многие сотни метров по вертикальным скальным обнажениям и перебрасываются через глубокие ущелья (Рис. 35). Подобную же картину можно видеть на подступах к Цудахару. Современная эпоха вносит свои коррективы и в этой области. Железо и бетон значительно облегчают и улучшают методы водоподачи на расстояния.

Рис. 35. Ремонт водопровода. Корода. Фото автора. 1967 г.

Водораспределение осуществлялось закрытием или частичным закрытием стоков дерном, доской или камнем. Выполнял эти действия тот, кто находился в очереди на полив. В некоторых аулах встречались сооружения, для проживания выделенного человека, который следил и распределял воду. В с. Гергебиль, там, где кончается главный канал (длиной в 800 м) и осуществляется непосредственная подача воды на поля, имеется сооружение *Лъльел Клатлу* (Ворота воды), откуда смотритель – *магъуш* – распределяет воду на 16 дополнительных каналов, расходящихся от головного канала. Должность распределителя в старину оплачивалась из общинной казны, а в советское время за трудодни. Уровень воды в канале обычно определялся сравнительными пометками на стенах каналов – общее количество воды измерялось временем, вычисленным относительно понятия единицы

водоизмерения – «борозда-канал». Одна «борозда» вмещала воду, достаточную для работы водяной мельницы. Например, головной канал Гергебильских садов вмещает 15 «борозд» воды. У разных обществ или народов встречались и другие единицы измерения. В Ходжалмахи, например, употребляли термин «ирк-ла», которым обозначали рукав от главного канала. В общем же по Дагестану понятие «борозда-канал» было наиболее распространенной величиной.

Вода считалась общественной, субъектом права на воду выступало общество, и считалось во владение. В горных районах это сооружение – очистка и ремонт каналов, делались сообща, по решению старейшин, о чем объявлял глашатай. Все население в объявленное время со своим инструментом выходило на строительство налив (Сава, в Садоку и Фомоги). Строительство стен, акведуков и их ремонт поручались мастерам. А остальные подручные работы, как рытье канала, поручались всем после разбивки линии, на которой собиралось проложить канал. Не вышедших на ремонтные работы штрафовали по тарифам, принятым в каждом обществе. Отсутствие в селемни во время ремонта не принимался в расчет (с. Толень), так как глашатай объявлял, чтобы в сезон ремонта никто не покидал селение. Если все же кому-то нужно было уехать, он должен был оставить за себя человека, который выполнит бы его работу. Глашатай в Ирганае объявлял, «чтобы все мужчины и женщины вышли на починку *Апарагазул рахъ*. Работа на главных каналах распределялась по жребью. Ремонт и расчистку ответвлений выполняли владельцы тех земельных участков, куда попала вода по тому или другому ответвлению. И наконец, тогда тот канал, который непосредственно подавал воду на поле того или иного владельца, ремонтировался непосредственно хозяином поля.

Специальных инструментов для рытья, расчистки и обработки каналов горцы не имели – употреблялись обычные кирки, ломы, лопаты, тачки. Соответственно всем обществом устраивались и водохранилища, которых было не очень много. При современном расширении земледелия и садоводства в горных

долинах были построены глубокие и добротные водохранилища (с использованием экскаваторов и цемента). В 60-х годах они появились в окрестностях Заиба (Хунзахский район), Ботлиха (Ботлихский район), Голотля (Шамильский район) и др.

Поля орошали двумя методами: напуском и легким затоплением. Последний метод чаще использовался на террасных полях долин. Для затопления поля разбивали на мелкие участки (1х2 м; 2х2 м), обрамленные небольшими земляными валиками, затопив одно из них, поливальщик выдерживал время, достаточное для того, чтобы почва хорошо увлажнилась, и переводил воду на другую ячейку. Напуск требовал большого мастерства – нужно точно знать неизбежные наклоны и перекосы полей, чтобы выбрать нужные отправные точки напуска. Напуск делали мелкими ручейками во избежание эрозии и почвенного оголения более выпуклых частей поля. Но в целом интенсивно эксплуатируемые орошаемые поля имели почти горизонтальную ровную поверхность, чему способствовало и само орошение.

Количество воды, наиболее оптимальное для орошения поля, у хаджалмахинцев (даргинцев), обозначалось специальным термином и определялось на глаз⁹⁹. При орошении полей пользовались лопатой *бел*, приспособленной для оросительных целей. При оросительных процедурах на узких террасных полях с густыми насаждениями пользовались и небольшими ручными широколезвийными мотыгами, инструментом более тонким и удобным для подачи воды к основаниям густых насаждений, не повреждая растения.

Орошение проводили два раза – весной и летом. Весенний полив *ихдал лъалъай* осуществлялся после ремонта каналов, поля поливались ранней весной до начала пахоты. Перед весенним поливом разбрасывались удобрения, которые завозились на поля еще в конце зимы и лежали кучами. Очередь на весенний полив устанавливалась по ряду полей от головного канала по принципу от ближайшего к дальнему.

---

⁹⁹ Полевой материал М-З.О. Османова использован здесь с его любезного разрешения.

Летний полив *роол лъалъай* начинался весной же, вскоре после пахоты, и практиковался до конца лета, т.е. до начала созревания культур.

В с. Гимры очередь на воду устанавливали очереди. Каждое хозяйство по очереди могло пользоваться водою лишь в течение четырех часов, по истечении которых вода переходила в распоряжение следующего хозяйства. Количество пахотных угодий, принадлежащих владельцу, которому отведено 4 часа полива, не учитывалось. Поэтому случалось, что безземельные и мало-земельные крестьяне продавали свою очередь по аукционным ценам. Единицей измерения воды служила «мельничная вода», т.е. количество воды, достаточное для работы одной мельницы обычной конструкции. Если случалось, что кто-нибудь не получал воду за летний сезон, то в следующем году очередь начинали с него. В Гимры ночная вода (*сардил лъим*) находилась в распоряжении сельских исполнителей (*члухлби*) и являлась как бы страховой. Если сельские исполнители обнаруживали, что чей-либо участок выгорает, то ему предоставляли воду для полива ночью.

В с. Игали порядок водопользования был иным. Здесь в качестве меры измерения воды употребляли понятие *дад*¹⁰⁰. Дад, как оросительная единица, равнялся количеству воды, протекающей через головной канал в течение $\frac{1}{4}$ дня. Следующая, меньшая единица – *геретI* (аварское название водоносного кувшина), равная количеству воды, протекающей $\frac{1}{8}$ дня. Следующей дробной единицей было *къолонцункъ*¹⁰¹. Она равнялась количеству воды, протекающей по головному каналу в течение $\frac{1}{16}$ дня. День делили на 4 *дада* по солнечным часам. Первый *дад* – это когда солнце взойдет и осветит близлежащую вершину *Хуллуса*, второй *дад*, когда солнце осветит *годекан*¹⁰². (На *годекане* имеется помещение с навесом, освещение которого предполагается). Третий *дад* – когда солнечные лучи осветят самую нижнюю часть внутренней стенки под навесом указанного сооружения

---

100 *Дад* – это и название керамического сосуда для сбивания масла, и мера объема воды.

101 *Къолонцункъ* – этнологизируется как четверть мерки, что соответствует *сахлу* для сыпучих тел, *къолонцункъ*, вероятно, другое название *сахла*.

102 *Годекан* – общественная площадь (лобное место).

на годекане. Четвертый *дад* – когда тень закрывает ту же вершину *Хуллица*¹⁰³. В ненастные дни положение солнца определяли по прочим приметам, даже по тому, куда дошло стадо скота, отправленное на пастьбу с пастухом. Определение более дробных единиц (*глеретI, кьолониункь*) происходило по солнечным часам (навес со столбом, на котором имелись деления), установленным на годекане. Водораспределителям в поле об истечении времени пользования водой давали знать сигналами с минарета – днем размахивая буркой, ночью – светом фонаря.

Распределение воды в Игали было столь сложным делом, что были введены три должности, оплачиваемые обществом. Их занимали лица, разумеется, известные своей справедливостью, но главное, искушенные в тонкостях этого дела и грамотные. Занимающий первую должность *лъел бетIергьанчи* (владелец воды) обязан был следить за соблюдением условий пользования водой и улаживать конфликты, нередко возникающие на этой почве. Второе должностное лицо – *лъел миллат гьабулев чи* (распоряжающийся водой) обязан был во время орошения знать, где и у кого находится вода, так же состояние каналов и обеспечивать своевременный отвод воды. Третья должность называлась *тантар ккурав чи* (ведущий тетрадь; по-современному – учетчик). Он располагал сведениями о пашнях, подлежащих орошению с указанием количества и размеров пахотной земли, принадлежащей тому или иному земледельцу. Он располагал также таблицами часов и вносил те или иные коррективы, связанные с изменениями в землевладении или топографии оросительных каналов. В *тантаре*, то есть в книге записей общества было высчитано и установлено количество воды, необходимой для орошения полей того или иного владельца в измерениях, приведенных выше. Соответственно в с. Игали сложилась практика определения количества площади пахотной земли по единицам измерения оросительной воды: *дад, глеретI, кьолониункь*.

Более нигде, ни в Дагестане, ни на всем Кавказе, подобный порядок измерения пахотных площадей не известен. Из дальних

---

103 *Хуллица* – название горы в с. Игали.

аналогий можно указать на Индонезию, где у народа Бали единицей *тенах*, под которой обычно понимают территорию, орошаемую одним отводом от основного канала, исчислялись величины участков, размеры налогообложения и пр.¹⁰⁴. При той ценности, которую имела земля для горца¹⁰⁵, был выработан способ стандартизации меры воды, необходимой для полива единицы площади. Точно также величина площади посевного поля в Дагестане измерялась количеством зерна, необходимого для засеивания этого поля.

Очередность на полив в с. Игали была зафиксирована списками в упомянутом *тантаре*. При этом очередность в списках была составлена по земельному цензу. Более крупные землевладельцы возглавляли список, а бедные и беднейшие замыкали. Однако фактической привилегии возглавлявшие списки в первоочередном получении воды не имели, так как список очередей вступал в силу после жеребьевки между четырьмя лицами, выбранными из четырех частей аула. Все четыре участника тоже должны были обладать условиями, отвечающими цензу – каждый из них должен был иметь участок земли не меньше, чем на один *дад*, т.е. площадью, которая была бы достаточна для орошения водами главного канала в течении $\frac{1}{4}$ суток. Имя победителя в жеребьевке считалось отправным при распределении очереди по спискам. Например, пусть список составлен по земельному цензу: 1-й – самый крупный землевладелец, за ним следующий 2-й..., 20-й, 21-й, 22-й, 23-й, 24-й..., 101-й и последние в очереди 200-й, 201-й, 202-й. Победителем жеребьевки мог оказаться любой, например, 20-й или 200-й (если только был допущен к жеребьевке из-за земельного ценза). Тогда первым воду получал 20-й, затем 22-й и т.д. Если победил 200-й, очередь получал 200-й, 201-й, 202-й; последним – 1-й, 2-й и т.д. Очередь, таким образом, начиналась с победителя, а положение в списке не давало никаких привилегий. Но привилегия для богатых была в другом: когда наступала

---

104 *Маретина С.А.* Соседская община у балийцев // Социальная организация народов Азии и Африки / отв. ред. *Д.А. Ольдерогге, С.А. Маретина*. М.: Наука, 1975. С. 141.

105 Стоимость одной десятины в горах доходила до нескольких тысяч рублей. См.: *Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. С. 399.

очередь богатого землевладельца, земли которого по игалинским нормам составляли, например, 8 *дад*, он получал воду в течении 2-х суток (1 *дад* = $\frac{1}{4}$ суток), а землевладелец с землей в 1 *дад* получал воду в течение $\frac{1}{4}$ суток – т.е. вода оставалась у богатых лиц до полного полива их земель, что задерживало поступление воды на земли других, стоящих в очереди. В с. Гимры, как уже говорилось, воду никто не мог держать более 4-х часов.

Совершенно иная картина сложилась в Гергебиле. Распределение воды, как и всюду, происходило по жеребьевке. Для жеребьевки село делилось на четыре части соответственно четырем *авалам*. Во время жеребьевки уравнивали людей по всем *авалам* так, чтобы каждый *авал* включал четверть населения. Затем в каждом *авале* люди делились на еще более мелкие группы, примерно по 25 человек. Эти последние группы назывались *рикьи* (от слова *рикьизе* – делить). Число *рикьи* равняется числу основных каналов (*рахъал*), расходящихся от главного канала у *Магъил кIалтIу* (Ворот пашен).

В Гергебиле пятнадцать основных оросительных каналов и соответственно пятнадцать *рикьи*. Внутри каждого *рикьи* проводят жеребьевку, предварительно пронумеровав по порядку. Если победитель окажется по порядковому номеру 4-й – очередь на дневную воду получают 5, 6, 7... 25, 1, 2, 3... 25 и т.д. по кругу, по возрастанию порядковых номеров, а на ночную воду – 4, 3, 2, 1, 25, 24... и т.д. в обратном порядке. Соответственно, все лето в этой группе (*рикьи*) очередь на воду идет по кругу, где каждый на общей очереди получает то ночную, то дневную воду. Если изобразить графически номера очередей в виде круга, то дневная очередь идет по часовой стрелке, а ночная против часовой стрелки.

Термин *лъел рикьи* (букв. «деление воды») фигурирует в документе о податях аварскому хану XVIII века как податная единица с жителей с. Хиндах, что свидетельствует о сложении субобщины на принципах водопользования внутри джамаата.

В порядках водопользования встречались институты наследственного пользования правом на очередь полива. В с. Хаджалмахи таким правом не обладали сыновья новопринятого члена

общины. Право на пользование водой обозначалось термином *иркла* наследственного или *иркла* личного пользования водой. Здесь каждый новый член общества (не из пришельцев), т.е. женатый сын члена общества имел право на полив. Если у человека было даже 7 сыновей, каждый из них в качестве самостоятельного хозяина становится таким же обладателем *иркла*, как и его отец. Такой пай *иркла* назывался *бумккур*. Для чужаков, поселившихся на территории общества, с его разрешения иногда выделяли *гьябумккур иркла*¹⁰⁶. Термины переводятся как *рождающая вода* и *нерождаящая вода*.

Хаджадмахинские порядки, как кажется, обозначили собой грани наследственных прав на воду. Это право на сезон или на очередь также свободно продавалось, покупалось, дарилось и т.д., как было показано на примере оросительных порядков в с. Гимры. Право на воду в этой долине было равносильно праву на жизнеобеспечение вообще и в этом контексте понятно, почему пришельцы (*апараги*) в Ирганае копали и содержали магистральный канал для паводковых потоков.

Орошение в Ботлихе имеет свою собственную регламентацию. Поля в Ботлихе орошались отводами от реки, вытекающего из Малого форельного озера, а также из объемного искусственного водохранилища, построенного в 70-х годах на северных склонах Ботлихской котловины. Оросительная система ботлихцев впервые описана и издана в книге Алимовой Б.М. и Магомедова Д.М. «Ботлихцы»¹⁰⁷. Сохранились также мои записи на эту тему, сделанные в 60-х годах.

Ботлихский *мегъ* (*мигъи*) делят на семь крупных оросительных блока:

- 1) *Атишу* – этимология не ясна
- 2) *ГьунчІахулу* – «позади села»
- 3) *Инкубакъи* – «под оврагами»
- 4) *Рекъачлу ресхъе* – вблизи горки или старого поселения.

---

106 Из полевых материалов М.-З.О. Османова.

107 Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – начало XX в. Махачкала, 1993. С. 36–38.

5) *Хамашуру* – ?

6) *Цанахъи* – «у колючек»

7) *Себарду* – «первый», или «стоящий впереди», такая этимология отражает его крайнюю позицию, а также начальную позицию в оросительной очереди.

Главный канал *берхва* протянут через все семь частей. От него идут вторичные семь каналов, каждый на названные блоки, от которых третичные каналы достигают все частные сады и поля.

Ботлихская система ирригационных порядков построена также оригинально, как оригинальны системы Хаджалмахи, Гергебиля, Ирганая, Гимры, Муни. Ни одна система не повторяет другую, и порядки столь индивидуальны, что не остается сомнений в их зарождении на местной почве и в глубокой древности.

Ботлихская система орошения устроена, что отмечается и Алимовой Б.М., и Магомедовым Д.М., своего рода «оппозициями», т.е. если в один год очередь орошения начинали с блока № 1 по списку, т.е. «*Атишу*», то на второй год очередность начинали с последующего по списку и фактическому расположению *мегъа Себарду*. Очередность на конкретные участки устроена по тому же принципу: «верхний» – «нижний» в первый год и «нижний» – «верхний» во второй год.

Несмотря на многообразие оросительных систем, древние уникальные методы водоподачи и высокую ирригационную культуру, вобравшую в себя тысячелетний, а может и многотысячелетний опыт, орошение в горах оставалось ограниченным из-за исключительно сложного ландшафта.

Культура орошаемого земледелия и систем орошения в зоне Хиндалала, едва только затронута исследованием. Она заслуживает фундаментального описания и сравнительного изучения. Нами изложены лишь наметки работы, возможной в этом направлении в будущем.

ГЛАВА 7

Особенности быта и общественной жизни

Гражданская община в Хиндалале до Имамата Шамиля

Зона Хиндалала была ядром формирования мюридистского движения, и очагом борьбы за независимость. Достаточно сказать, что муршид М. Ярагский на некоторое время обосновался в Гимрах, отсюда же происходили знаменитые вожди национально-освободительной борьбы и создатели уникального государства Имамат Газимагомед и Шамиль. Здесь же жил учитель имамов и просветитель Саид Араканский, противник войны против могущественной России. До создания Имамата в этой долине, как и у остальных горцев, универсальной формой общественно-политического строя была гражданская община, которая получила арабское название – *джамаат*, заменив собой старинные местные номинации как *росо*, *ши*, *ша*, *хъур*. Гражданская община была распространена по циркумпонтийскому региону в разных модификациях и вплоть до средневековья являлась основной формой общественно-политического строя.

На Восточном Кавказе гражданская община была представлена в наиболее завершенном виде и получила известность под названием «горских» демократий. Формированию гражданской общины в Дагестане способствовало, в частности, то, что наряду с Анатолией, он входил в первоначальный очаг возникновения и распространения террасного земледелия¹⁰⁸. Общинные

---

¹⁰⁸ *Spencer J.E., Hale G.A.* The origin, nature, and distribution of agricultural terracing // Pacific Viewpoint. 1965. № 1. P. 1–39; *Аглапов М.А.* Террасная система земледелия в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. (этнографические исследования). Махачкала, 1979. С. 12.

установления в этой части Передней Азии были такими же, как у горцев¹⁰⁹, но особо разработаны в части оросительных порядков.

Суд

В Дагестане как окружной суд суд по адату впервые был введен в Самурском округе в 1839 г., для чего в окружном управлении были назначены *кадии* и члены *дивана* по одному из каждого из *магалов*, входящих в округ. В обществах «на основании существовавших прежде обычаев избираются в каждом селении по несколько человек, самими жителями, известных своей честностью, безупречным поведением, и знанием адата. Карты (старейшины – прим М.А.) решают дела гласно и словесно в присутствии стариков селения»¹¹⁰. Но дела эти исключительно повторяются и утверждаются в окружных судах, если недовольная сторона подает кассационную жалобу. Это невероятно интересный опыт.

«Положение об управлении Дагестанской областью» (5 апреля 1860 г.) предписывало учредить кроме окружных судов словесные суды при управлении Присулакского наибства, а также Дагестанский народный суд в составе 3 кадиев и 7 депутатов из числа самых почетных «благонамеренных граждан». Вводились судебные инстанции: *Дагестанский народный суд*, *Окружной словесный суд*, *Сельский суд*. Народный суд предназначался исключительно для местных жителей Дагестана. Состоял из председателей, депутатов, выбираемых из числа наиболее почетных жителей по одному от каждого округа, и двух или трех кадиев. Народный суд был апелляционной инстанцией для окружных судов. Окружной словесный суд состоял из начальника округа или его помощника (председатель), депутатов – по числу участков, входящих в округ, кадия и писаря.

---

109 Здесь понятие «горцы» употреблется как антоним «долинникам», в унисон их саморазганичению и самосознанию.

110 *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним (Материалы для статистики Дагестанской области) // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. I. Тифлис, 1868 г. С. 17.

Ведению окружного суда подлежали: а) все гражданские иски и тяжбы; б) дела по воровству, грабежам, ссорам, дракам, увозу женщин, грабежам с насилием; в) по несогласию между мужем и женой, родителями и детьми; г) по религиозным делам.

Дела, указанные в пунктах «в» и «г» разбирались и решались по шариаду – кадием; остальные же разбирались по адату. Разбор дел в окружном суде производился словесно и гласно, с постановлением решения по большинству голосов и с перевесом голоса председателя в случае равенства. Записи решений судов велись на арабском и позднее на русском и местных языках.

Самым низшим звеном всей судебной системы являлся сельский суд, состоявший из кадия и *выбираемых* на сельском сходе судей. Организация власти в общине не была застывшей, происходило и совершенствование модификации системы. Новая судебная реформа опиралась на хорошо отработанную местную юридическую культуру с корректными инновациями, в связи с новыми административными образованиями как *Дагестанская область* и *округа*.

Под началом *сотников* и *десятников* не обязательно находилось 10 или 100 домохозяйств или людей – это было деление условное: любой *десятник*, мог иметь под управлением и 30, и 50 хозяйств. Особенно интересны прямые выборы *бегавула* из 12 кандидатур путем голосования. Но видно, что система была четко продумана, и в ней использованы традиционные нормы представительства сообразно административному и социальному делению джамаатов – три квартала с одной стороны и 12 тухумов с другой. Эти линии в административном и социальном делении не повторяли друг друга, а перекрещивались. Также, как и другие должностные лица, *чауш* находился на содержании у общины. Ежегодно ему выплачивали от каждого дома определенную долю от штрафных средств, и он был освобожден на время службы от податей и повинностей, подобно другим должностным лицам. Избранный сельским обществом, он не мог отказаться от должности за исключением следующих случаев: пожилой возраст

(более 60 лет); предыдущая служба по выбору; болезнь; род занятий, не позволяющий находиться в сельском обществе.

Велика была традиция и сила родственных группировок. Во-первых, их, безусловно, главенствующая исполнительно-принудительная роль по отношению к каждому члену целиком заменяла или упрощала специальное содержание исполнительно-принудительных органов. *Пятисотники*, *сотники* и *десятники* – это низовое административное деление джамаата на территории Дагестана, где *пятисотники*, *сотники* и *десятники* были в подчинении *мюридов*, *дибиров* и *муфтиев*. Также было организовано войско Шамиля. Возможно, реформа в Согратле и Чохе – были отголосками административного деления в джамаате, также и то, что сам Имамаат использовал определенный административный опыт общин, а российские власти учитывали местный опыт, если только он не противоречил их задачам. Со слов информатора¹¹¹, после реформ, несмотря на засилье администрации, джамаат сохранял свою силу, хотя эту общину уже нельзя было считать гражданской.

Священная борозда как граница

Для всех горцев Дагестана историческим наследием являлось территориальное деление и самостоятельность прав владения территориями на правах полной собственности в юридическом смысле¹¹². Известно, что на всех уровнях развития и в разных культурах народов непереносимым атрибутом территории является ее граница. Нет границы – нет территории в прямом (юридическом), а не в переносном смысле этого понятия. Территория может быть незримой, но осознаваемой чертой, отмечающей или ограничивающей определенную плоскость, пространство. Она может быть зафиксиро-

---

111 Полевой материал автора. Валиев Биалал, 1903 года рождения, с. Гагатль.

112 *Агларов М.А.* Территории сельских обществ и их союзов горного Дагестана в XIV–XIX вв. (способы обозначения границ, право на владение, иммунитет) // *Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX века.* Махачкала, 1981. С. 83–99.

рована в общественной памяти, она может быть зримой и незримой (водные границы). Граница может быть обозначенной искусственными знаками сверхпрочно, как, например, граница между Арменией и Турцией, и пространство вдоль границы тщательно запахано, или вспомним Берлинскую стену. В традиционных культурах границы считались священными, возможно потому, что они проводились священным плугом. Ниже привожу некоторые любопытные материалы, заимствованные из разных источников.

Борозда, проложенная плугом, почиталась как священная, и потому, надо полагать, борозды устанавливали границы между владениями и государствами. В качестве окончательной и не престапаемой черты. Известно, что Ромул, основатель Рима, самолично провел вокруг города борозду в качестве его границы. Стены, построенные на этой борозде, как это следует из рассказа Плутарха, считались священными, не потому, что они городские, а потому, что построены на священной борозде. Плутарх пишет: что «Ромул проводивший борозду вокруг города, там, где было наметено устроить ворота, вытаскивал полоз из гнезда, приподнимая плуг над землей, и борозда перерывалась... Поэтому, – заключает Плутарх, вся страна считалась священной, кроме ворот, если бы священными считались и ворота, неизбежный и необходимый ввоз и вывоз некоторых нечистых предметов стал бы кощунством»¹¹³.

Согласно старинной датской легенде, Дания была отделена от Швеции бороздой. Андре Г. Одрикур и Жан-Брюн Деламер приводят эту легенду: «Было время, когда Дания и Швеция составляли единую поверхность земли. Датская королева обратилась к волшебнику, чтобы спросить его как освободить свою страну. Волшебник ответил: «Если ты согласишься увидеть своих сыновей, превращенных в быков и с их помощью за одну ночь, пропашешь глубокую борозду от моря до моря, твоя страна будет свободной». Королева согласилась, она сама последовала за плугом, лемех которого заставлял кричать истерзанную землю. На рассвете ров был прорыт, его заполнило море. Дания была

113 Плутарх, Ромул, XI.

отделена от Швеции, но самый младший сын, слишком слабый, умер от тяжелого труда»¹¹⁴.

С помощью священной борозды-границы очерчивали территории распространения различных болезней, особенно эпидемий. Борозде приносили символическую жертву, заключающуюся в том, что пахаря, проводившего ритуальную борозду, укладывали в эту борозду и обсыпали сверху землей, как это было, например, у лаков¹¹⁵ и хваршин¹¹⁶.

Здесь еще ассоциация с тем, как было принято угрожать захоронением на границе. «Я из тебя сделаю границу», – так звучит угроза. Эта ассоциация – пережиток человеческих жертвоприношений, что согласуется со сведениями Лауса: в Марокко имитировали умерщвление хозяина поля во время проведения первой борозды, уложив его в борозду¹¹⁷.

В Византии межа (граница) обозначалась термином, прямое значение которого «борозда» или «межа, сделанная плугом».¹¹⁸

Действительно, культовым местам и территориям придавали особую окраску благоговения. Большинство объектов считались созданными богами и героями-полубогами, например, Геркулесовы Столпы.

Венгерский ученый Такач Лайош обнаружил и систематизировал некоторые сведения, восходящие к XVII–XVIII векам в Европе и связанные с выражением угрозы: «Я из тебя границу сделаю», что означает, что «Я тебя убью»¹¹⁹. Это выражение, согласно исследованиям Такача, восходит к древним кельтам и

---

114 *Andre G. Haudricourt, Manel Jean-Brunhes Delamarr. L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955. С. 44.*

115 *Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX в. Л., 1988. С. 41.*

116 *Мусаева М.К. Хваршины (XIX – нач. XX в.). Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. С. 15*

117 *Andre G. Haudricourt, Manel Jean-Brunhes Delamarr. L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955. С. 447.*

118 Византийский земледельческий закон. Текст, иссл., комм. Е.Э. Липшиц, И.П. Медведев, Е.К. Пиотровская / Под ред. И.П. Медведева. Л., 1984. 109 с.

119 *Takacs Lajos. Hatart csinálunk beloitek... // Kulonlenymat Nyelvtudományi közlemenyek. Vol. 81. 1979. С. 143–145.*

этрускам и было распространено среди христианских общин в Европе. В христианских общинах хоронили в обычном порядке, но тех, кого убивали как еретиков или тех, кто погиб в результате пыток, хоронили на границе территорий христианских общин. Дело в том, что множество народов верили в неприкосновенность могил, и поэтому убитые в их представлении выполняли охранную функцию. Такач также сообщает, что в средневековой Европе границу окропляли кровью убитых¹²⁰.

В Дагестане я зафиксировал одно предание, согласно которому араканцы, погибшие вследствие схватки за пограничную землю с унцукуль-цами, похоронены на границе земли унцукульцев. Это отзвук очень древнего обычая, и здесь могилы, видимо, служили как память и пограничный знак.

Еще нужно вспомнить обычай горцев класть на границе между землями обществ тело умершего или убитого, которого переправляют на родину для похорон. Это было незыблемым правилом, которое, помимо своей очевидной рациональности, может содержать и древнее воспоминание. Место, куда клали умершего, хорошо запоминалось и на него указывали во время пограничных споров. С подобным сюжетом мы сталкиваемся в гагатлинской хронике. Там говорится, что «андийские ополченцы убитого ими в бою предводителя противника отнесли и положили его тело на границе своих владений. Поступили так, чтобы противники могли взять его тело и похоронить где хотят»¹²¹. Убийство, совершенное при пограничных спорах за право владения, осталось в памяти народной как пограничная точка, служащая отдельным пунктом пределов владений спорящих сторон.

---

120 *Takacs Lajos*. Hatart csinalunk beloitek... // *Kulonlenymat Nyelvtudomanyi kozlemenyek*. Vol. 81. 1979. С. 143–145.

121 *Агларов М.А., Айтберов Т.М.* «Повесть о победе над князем Турулавом б. Алиханом Баклулальским» как источник по истории Дагестана XVII века // *Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 121–133.*

Понятие «земля» как политико-административная единица

Древнедагестанская модель обозначения местного политического образования, как и во многих других языках, основывается на использовании понятия «земля». Аварское слово *ракъ* (земля) означает одновременно землю, как таковую и Отечество, т.е. территорию, ограниченную политическим образованием. Примечательно, что на карте политических образований Аварии часть вольных обществ называются *землями*, также, как и в Германии. Известны примеры названий политических образований как *Ункъракъ (Четырехземелье)* в Западном Дагестане. Ункратль – политическое образование, как полагают исследователи, состоявшее из земель четырех джамаатов. Другое крупное объединение джамаатов в Южной Аварии называлось *Анкъракъ* что значит *Семиземелье*. *Анкъ* – «семь», *ракъ* – «земля». Соответственно, название старинной горской республики *Анкъракъ*, которая состояла из семи самоуправляемых джамаатов объединенных в общее этническое образование, называемое *льебелал*.

Одно из любопытнейших обозначений политических образований и соответственно *земель*, фигурирует в номенклатуре даргинских старинных республик: *Акуша-дарго*, *Каба-дарго*, *Буркун-дарго*, *Хлямур-дарго*, где тюркское слово *дарго* идентифицируется с правом и политическим самоуправлением¹²². Территориальное состояние и отношения в Горном Дагестане отражали последний этап развития традиционных оседло-земледельческих сообществ в форме гражданских общин. Помимо юридического отторжения земель, в течение последних двух столетий власти пытались изменить относительно территорий владельческое сознание горцев. Но селяне-горцы, бывшие колхозники, и ныне выносят свои тяжбы на суд с претензиями, основывающимися на глубоко традиционном правосознании.

---

¹²² *Агларов М.А.* Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане. *Politica-ethnica* - 2-е изд., доп. Махачкала: МавраевЪ, 2013. – 143 с..

Управление

С установлением Советской власти в Дагестане и с обобществлением частных земель и скота, казалось, колхозный строй возродил примитивную первичную, т.н. «земледельческую» или крестьянскую общину. Однако наличие приусадебных участков сохранило элемент, свойственный вторичной, более развитой общинной системе. Тем более, что колхозный строй закрепил земли сел в прежних границах, с правом на вечное владение. В юридическом отношении – это возвращение назад. Ведь территории находились в вечной собственности общин. С этим примирилась царская власть, создавая отдельные фонды казенных земель и не претендуя на государственную секуляризацию всех земель, как это случилось после Октябрьской революции.

Вскоре колхоз перестал мыслиться как коллективное владение, произошла «ползучая» узурпация государством владельческих прав колхоза. В инфраструктуре тоже произошли сильные изменения: старый аул видоизменился, разрушился кооперативный характер владения территорией. Сложилась новая экономическая и культурная условия для утверждения европейского типа поселения с огородом при доме. Началось освоение под жилище ранее запретных пространств, особенно пахотных участков. Соответственно, терпит кризис выработывавшаяся тысячелетиями форма организации территории с оптимальным сочетанием поселения и ее возделываемой части. Терпят кризис и формы эксплуатации *мегъа* как единого комплекса. Все эти процессы, более интенсивно проходившие в Горном Дагестане, в известной мере были заторможены в Хиндалале, благодаря совершенству ирригационных сетей, нарушение которых, как и устоявшихся порядков водопользования, грозило большим разорением системы. Власть Советов на местах, как форма самоуправления не противоречила политическому сознанию населения, но со временем она была отстранена от экономики колхозом, а в политическом смысле – партийным управлением. Из сопоставительной таблицы видно,

что в большей степени совпадают системы самоуправления классического периода с современным положением. Позиции колониального периода или как в народе говорят «царского времени» были в большой степени воспроизведены в советское время.

Вместе с тем, в советский период, благодаря твердости и эффективности власти, самоуправление функционировало в рамках колхозно-крестьянской общины. Это отдельная и замечательная тема о формировании новой колхозно-крестьянской общины, на развалинах гражданской общины¹²³. Очевидно, что с демократизацией общества были возвращены практически все основополагающие черты старинных демократий, однако формируемые ныне органы публичной власти не воспринимаются населением как институты, направленные на эффективное администрирование. «Общинный менталитет гражданского самоуправления» глубоко подменяется участием мечети в самоуправлении. В классический период истории Дагестана возможность этого была исключена; за мечетью оставалась только свойственная ей роль регулятора духовной и собственно религиозной стороны общинной жизни.

Дагестанская сельская община – сложнейшая организация, выросшая на яркой культуре самоуправления, и только синтез современных и старинных форм способен возродить народоправление, найдя «свою нишу» между государственной властью и религиозным доминированием.

instituteofhistory.ru

---

¹²³ *Агларов М.А.* Авары. Ранние формы самоуправления // Возрождение. Махачкала, 1995. № 2. С. 14–17.

**Состояние общинного самоуправления
в различные исторические периоды**

Органы самоуправления джамаата	Классический период (XVII–XVIII вв.)	Колониальный период (XIX в.)	Советский период	Современность
Правитель (<i>бегавул, юзбаш, кевх, хан</i> и др.).	Ежегодно избирается тайным голосованием, приводится к присяге.	Назначается и не приводится к присяге.	Избирается от всего населения на 4 года. К присяге не приводится.	Избирается по закону самоуправления на основе всеобщего, тайного голосования на срок 4 года. К присяге не приводится.
Правители (<i>карты, чухби</i> и др.).	Выдвигаются от кварталов, тухумов и фамилий (патронимий) и из отдельных поселений при дислокальном расселении джамаата.	Выдвигаются от кварталов, тухумов и фамилий (патронимий), решение которых имеет совещательное значение при старшине, назначаемом наи-бами участков или начальниками округа.	Депутаты с совещательным голосом (руководители разных комиссий по благоустройству, образованию и т.д.) без учета социальных и локальных группировок села. Мечети закрыты.	Согласно закону РД о выборах в качестве «Представительного органа» избираются только в муниципальное образование с населением более 3000 чел. Не учитываются мнение ни кварталов, ни фамилий, ни тухумов, или поселений с меньшим числом людей.
Совет Старейшин.	Суверенно представляет народное собрание. Формируется саморганризацией, представляя патронимии и другие деления джамаата.	Функционирует как сильная общественная организация – продолжает инертно представлять джамаат.	С 30-х годов нелегально и 70-х годов узаконенно, как совещательный орган с функциями общественной организации (<i>маслаат</i> , проблемы дорог и т.д.).	Функционирует на уровне его позиций в Советское время. Большой частью интегрируется с мечетью.

<p>Форма самоорганизации граждан для самоуправления.</p>	<p>Гражданская община, суверенитет и полновластие избранных органов – легальный баланс социальных группировок в публичной власти и в законотворчестве.</p>	<p>Сельская община при администрации. Сохранены все демократические институты под административным управлением «военно-народного управления». Упразднена выборность главы общины – он назначается вышестоящим административным лицом (напр. начальником округа или набом участка).</p>	<p>Колхозно-крестьянская община. Возвращена выборность главы, восстановлена роль собраний, сходов, но последние заменяются «колхозным собранием» – значения советов ослабевают, возрастают роль командно-административной системы.</p>	<p>Закон о самоуправлении. Основные демократические принципы: выборность главы, его сменяемость, подотчетность собранию; выборы представительного органа, его подотчетность и т.д. Независимость органов самоуправления в решении вопросов местного значения.</p>
--	--	--	--	---

Для характеристики управления в конкретике ниже приводятся материалы по отдельным обществам. Такое рассмотрение отображает более выпукло особенности общественных установлений по традиционному сельскому самоуправлению.

С. Кудутль, предания об истории которого приведены в соответствующей части этой работы, традиционно отличалось наибольшей демократичностью внутреннего самоуправления. Этому способствовали его бессословность и стремление к равенству не только в правах, но и в общественном быту, материальном достатке. Жизнь в плотно сбитом в одно строение поселении с крытыми улицами и внутренними проемами как в единой крепости, диктовали свои правила общежития.

Имеется запись собственно кудутлинских постановлений, это адаты, принятые только для себя и по соглашению с соседним обществом Аракани. Среди многих законов, которые кудутлинцы обязательно соблюдали, приведем некоторые ниже.

1. Если кто убил вора в своем доме, то не он подлежал кровной мести.

2. Если расстраивалось сватовство, не полагалось возвращать ранее сделанные подарки.

3. Если женщина уходила от мужа, не выдавалось ей положенное имущество.

4. Если муж инициировал развод, то отдавалось жене положенное имущество.

5. Если кто-то кого-то в чем-то ложно обвинял (оговорил), то с него взымали трехлетнего бычка.

6. Если кто срезал абрикосовое дерево, взымалась с него мерка зерна.

7. Если вор признался в краже, или обнаруживались свидетели, которые подтверждали его вину, с него взымались 2 быка, причем один – в пользу джамаата; другой – для старейшин. Если обвиняемый не признавался, не было свидетелей, а пострадавший клялся под обвинением, взымался один бык, при этом половина быка поступала в пользу джамаата, и другая половина – старейшинам.

8. Между араканцами и кудутлинцами было такое соглашение: если араканец кудутлинцу или кудутлинец араканцу нанесет ранение, то взымать с нанесшего рану одного быка, мерку пшеницы и одного козла; если подобное случилось между несовершеннолетними, штрафы не взымать, но обязать поранившего помочь пострадавшему лекарствами и уходом; если кто-то заходил без надобности в сады другого села (состоящего в договоре), то совершивший проступок наказывался штрафом в виде быка.

Благодаря таким жестким установкам управление обществом также имело ряд специфических черт.

Когда селение Казиниб объединилось с Кудутлем, то казинибцы настояли на том, чтобы им в селе избрали отдельного правителя. Говорят, что село управлялось двумя *дибирами*, один управлял религиозными делами, другой – сельскими. Тогда и появился адат, по которому выбирали *бегавула*. Джамаат собирался на *Верхнем годекане*. Отбирали пять-шесть уважаемых, справедливых и умных людей для обсуждения вопросов, которые потом выносили для обсуждения на собрание жителей. Они,

посовещавшись, выдвигали кандидатуру, которая, как правило, утверждалась на собрании. Они же выдвигали кандидатуру *бегавула*. По этому поводу Абдулазизов Магомед в своей небольшой книжке о Кудутле пишет: «Когда сегодня думаешь, какими грязными путями выбирают *бегавулов* и депутатов, начинаешь понимать, насколько нынешние порядки являются дикими и отсталыми, по сравнению с тем, как это происходило в традиционном обществе (по старым адатам)». Таким образом, избранный *бегавул* руководил сельской жизнью. Он получал установленную обществом зарплату. Его также освобождали от очередей в пастьбе скота и других сельских очередей.

В те времена в Кудутле было 3 квартала, *Гьоркья авал*, *ДурхIа авал*, *Хьарца авал*. Каждый из них выбирал себе управителей – *чIухIби*, они же себе выбирали помощников»¹²⁴. Автор продолжает: «Для дисциплинарных мер и взимания штрафов по очереди назначали сельчан, очередного исполнителя называли *гIел*. Не в пример другим селениям кудутлинцы строго соблюдали сельские установления. В селе был установлен твердый порядок: в подвале дома, где заседал суд – *диван*, имелась специальная яма – «тюремная камера» для преступников. Использовались деревянные кандалы для ног. Особо непокорных привязывали к столбу.

Пока не пройдет первый месяц осени ни один хозяин не имел права срывать кисть винограда. Строго наказывали и тех, кто присваивал чужое добро. Также строг был порядок выделения под пастьбу угодий.

Урожай мог находиться на полях неделями после уборки: ни люди, ни скот этот урожай не трогал. Соблюдение сельских порядков по уходу за скотом *бегавул* начинал в первую очередь с себя. Один *бегавул* Кудутля заявил, что если какая скотина зайдет на кладбище, то она будет зарезана. Потом тайком послал мальчишку со своей лошадью на кладбище, который оставил её там, как ему было приказано. К *бегавулу* пришел исполнитель (*гIел*) и заявил, что его лошадь на кладбище. «Разве я тебе не приказывал

---

124 МухIаммад ГабдулIазизов. Къудукъа Мусалав. МахIачхъала, 2008.

зарезать любую скотину, которую найдешь на кладбище?» – накричал бегавул на него». Подобные сюжеты в разных вариациях распространены по всей долине Хиндалала. Информатор добавляет: «Хорошо бы если и сегодня действовали такие твердые законы, в назидание современным, дагестанским, коррумпированным бегавулам»¹²⁵.

Кудутлинцы имеют прекрасные сады, поля, сенокосы, леса, в горах – есть бондарни, которые держат много скотины. Во время пахоты семьи попарно стоваривались на супруга, занимая друг у друга быков. Если случалось, что у кого-то нет быка, то им также предоставляли быков. В старину были отары с наемными чабанами, но дома ни у кого не было слуг. Многие кудутлинцы продавали свои фрукты в Гемир-Уан-Шуре. По пути на ночлег останавливались в Казанище. После продажи они также останавливались в Казанище. До сих пор кудутлинцы с добротой вспоминают казанищенских кунаков, у которых они гостили. У кудутлинцев сложились хорошие соседские отношения с араканцами. В древние времена между ними были конфликты, но постепенно конфликты были погашены. Они стали хорошими соседями, которые на радость и на горе посещали друг друга. Говорят, когда койсубулинские ополченцы возвращались с походов и выясняли потери, кудутлинцев и араканцев совместно включали в отдельный счет скотины и имущества.

Предание о сельском управлении в старину в Кудутле немного отличается от стандартных, стереотипных форм, которые были известны в сторону еще большего демократизма.

В Кудутле скрывались многие кровники из разных дагестанских селений. Редко кому из кудутлинцев приходилось выезжать из села в поисках работы или по торговым делам. В 1902 году в Кудутле проживало 628 человек.

Кудутлинцы не выдавали человека, которого укрыли. Существует предание о том, как однажды в Кудутль пришел некто и спрашивал человека, которого кудутлинцы укрыли. Кудутлинцы

125 Там же.

ответили, что такого человека они не знают. Выяснилось, что пришелец был двоюродным братом укрывшегося, и он был очень доволен.

В селении Кудутль есть башня, которая называется «*Сиданхъа*». Её называют ещё «Башней кровника». В эту башню был только один вход, который плотно закрывался. Там обычно укрывался кровник, бежавший от возмездия. Эта башня была разрушена после одного случая. Очередной беглец, укрывавшийся в башне, пренебрегал своей безопасностью, вел себя беспечно; часто через башенное отверстие заводил разговоры с прохожими. В общем, он вел себя не только беспечно, но и недостойно тому, как предписывается горской этикой вести человеку, скрывающемуся от кровной мести. Подобное молодечество расценивается представителями кровников с потерпевшей стороны, как оскорбление. И в данном случае, в одну из ночей, когда укрывшийся непринужденно разговаривал с прохожими, кровник удачным выстрелом убил его. После этого башню разрушили. Говорили: «Людское коварство сильнее, чем крепость башни».

Буртил Исхак – ансалтинский Брут

Последним из предводителей ансалтинцев был Усманов Нурмагомед. Он был представителем большого (сильного) тухума и хитроумным человеком. В годы его жизни селение Унцукуль было большим и самым главным в Хиндалале. Там было много готовых к героическим делам молодцов. В селе царили твердые правила в общественной жизни и быту. Вокруг Унцукуля объединились не только ближайшие, но и дальние селения Хиндалала. Однажды Нурмагомед заявил, что все хиндалальцы, то есть все жители долин, «где растёт хоть одно абрикосовое дерево», должны следовать за ним, как *маарулал* следуют за хунзахским ханом. Многие с этим согласились. У Нурмагомеда было много авторитетных друзей: Буртил Исхак, Алил Газимухаммад, Ханзалав, Иштулав и др. Однажды Нурмагомед устроил большой прием с богатым угощением, созвал известных людей и своих друзей. На

этом пиру, он сказал, что они его должны избрать ханом Хиндалала и что из числа его друзей нужно назначить правителя в каждое из сел, которые входят в общество (*бо*). Затем он сказал, что, по примеру хунзахского хана, он также должен обложить данью все хиндалальские села. «Вначале с каждого двора по одному яйцу, затем дань будет увеличиваться», – пообещал он. Надеясь на то, что и они получают долю от сборов, некоторые из присутствующих согласились. Буртил Исхак категорически возразил. «Освободившимся от насилия (*зулму*) хунзахских ханов свободным хиндалальцам твое ханство не требуется. Сегодня ты будешь взимать по одному яйцу со двора, завтра потребуешь с них по одному быку. Ты, наверное, это имеешь в виду?» – сказал Буртил Исхак и бросил на пол кусок мяса, что ел. «Неужели ты думал возместить свои расходы на этот пир нашим согласием на твое ханство?». Часть из пирующих поддержала Исхака, другие – Нурмагомеда. (Говорят именно с этих пор, у унцукульцев повелось допускать разномыслие в решении общесельских дел).

К Буртил Исхаку, когда он находился на своем хуторе, в гости пожаловал какой-то житель селения Игали. Гость сказал, что он пришел в Унцукуль для того, чтобы получить от Нурмагомеда письменное разрешение на дальнейшее путешествие. Хозяин его хорошо принял и спросил:

– Кто тебе сказал, что нельзя отправляться в путешествие без письменного разрешения Нурмагомеда?

– Наш бегавул объявил всем жителям Игали, что выходящим в дальнейшее путешествие нужно иметь разрешение от Нурмагомеда, – ответил гость. Возмущенный словами гостя, Буртил Исхак избил его палкой, связанного доставил на границу владений селения Ашильта и сказал:

– Вы, игалинцы, не предоставляйте такие права и ханство (*ханлыи*) Нурмагомеду. Кто бы и откуда он ни был, будь из вашего или из другого села, будет наказан точно так же, если придет сюда за бумагой к Нурмагомеду.

Этот поступок Буртил Исхака Нурмагомед расценил как оскорбление и пообещал, что непременно убьет своего обидчика.

Нурмагомед имел много пахотных и пастбищных земель, хутора в местности *Гебегалиль*. По соседству с угодьями Нурмагомеда держал свой скот Корочиласул Али. Пастухи Нурмагомеда воровали баранов Али, каждый раз, когда стадо оставалось без присмотра. Однажды к Нурмагомеду, находившемуся в этот момент на своем хуторе близ земель с. Бетль, пришел Али. Обращаясь к Нурмагомеду, Али сказал: «Моих баранов, которыми я дорожил настолько, что не давал на убой даже для поминовения умерших, крадут твои чабаны». «Не чабаны воруют твоих баранов, а мои девицы!» – надменно ответил Нурмагомед. Эти слова привели Али в ярость. Он обнажил кинжал и вонзил его Нурмагомеду в шею. Раненого Нурмагомеда понесли в село. Умиравший от смертельной раны, он попросил, чтобы его не несли мимо дома Буртил Исхака. Люди тухума и приверженцы Нурмагомеда поспешили в с. Бетль, чтобы отомстить за кровь и потребовали выдачи Али. Сельчане, боясь столкновения с большим селом убитого, просили Али, чтобы он вышел из мечети и сдался, что его пощадят. Тот не вышел и был убит в мечети¹²⁶. Это, по словам унцукульцев, подлинное происшествие, перекликается с гергебельским преданием, согласно которому тиран был убит.

Предания, связанные с с. Гергебиль, гласят об истреблении феодалов жителями Хиндалала. Согласно преданию, последним, кто собирал с гергебильцев *магъалу* (дань), был *Чучиллил ХИабиб*¹²⁷. Внимания достоин термин *эргадулал*, которым здесь обозначали правителей: *эрга* значит «ряд», «очередь», *-улал* суффикс множественного числа. Термин связан с очередностью правления (род гражданской повинности) и вполне соответствует организации власти для данного типа общин. В обоих случаях интересна борьба общин против узурпации гражданского самоуправления, своего рода тираноборство. В

---

126 Это замечательное предание я даю в переводе с аварского на русский, пытаюсь сохранить стиль языка и выражений. Предание записано и опубликовано Саадулаевым М. со слов Шагъазова Магомеда, умершего в глубокой старости в 1940 году. Шагъазов происходил из рода претендента на ханство. См.: *Сагадулаев М.* Ансадерил сверабазда (Чол тукъбуца къиса хъвараб ракъалда). МахIачхъала, 1996. С. 40–42.

127 Полевой материал автора. 1981 г. Информатор М. Курамухамадил, 93 года.

этот же контекст напрашивается еще одно предание о борьбе с насилием физически сильных личностей. В данном случае речь идет не о претензии на ханство, а об аморальном и физически сильном человеке-насилынике.

Гостеприимство

Еще во времена Кавказской войны особо отмечали трудолюбие и гостеприимство дагестанцев. Примечателен отзыв крупнейшего историка XIX века академика П. Буткова о горцах Дагестана, только что вышедших из длительной Кавказской войны. Он писал: «В домашнем быту кротки, гостеприимны, верны дружбе до великодушия, целомудренны, почтительны к старости, умеренны в пище, трезвы, правила гостеприимства соблюдают даже против своих неприятелей»¹²⁸.

Гостеприимство было широко развито почти у всех народов мира, особенно можно выделить корсиканцев или бедуинов аравийских пустынь и др. На Кавказе же гостеприимство и куначество было возведено в культ, в своего рода религию. Согласно поверью горцев, гость – посланник Божий. В популярной песне В.А. Сологуба (1813–1882) есть такие замечательные строки:

*Нам каждый гость даётся Богом,
Какой бы ни был он среды,
Хотя бы в рубище убогом:
Аллаверды! Аллаверды!*

Действительно, на Кавказе гость обладает неприкосновенностью, получает поддержку во всех его намерениях и делах, пользуется дружбой, покровительством и защитой. Но дело не только в поверье, но в жизненной потребности, как важнейшей форме международных коммуникаций. Существует предание о том, как жители одного богатого селения, которое было расположено на

---

128 Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе. М., 1823 г. Ч. I. Гл. 3. с. 33.

вершине горы Бахарган, были наказаны за плохое отношение к нищему, который пришел в село и просил подаяние. Пришельца побили камнями и затравили собаками. Он укрылся у одной бедной женщины. Ей нечем было накормить гостя, как и своих детей, но, соблюдая этикет гостеприимства, она развела огонь, поставила котел и положила в котел бульжник. Чудесным образом камень превратился в мясо, а гость оказался не обычным странником, а архангелом Джабраилом (Гавриилом, по другой версии, Святым Георгием). Он вывел женщину и ее детей из аула, после чего его жителей постигла кара: все строения, люди и животные окаменели. Такую же легенду рассказывают об озере Кезенай-ам, что на границе Дагестана и Чечни. Там стоял аул Алхар. Жители аула также не приняли пришельца, который просил подаяния, и село провалилось сквозь землю, и на его месте образовалось озеро сказочной красоты. В Чечне это озеро называют *Агенталхар*, по названию того села, что стояло на месте озера.

Народы Кавказа свободно находили решение всех жизненно важных вопросов: мира и войны, ведения торговли, словом все решалось по канонам гостеприимства и куначества. Дагестан и Кавказ были «проницаемыми» для всех коммуникаций, которые обеспечивались кавказским гостеприимством. Мы знаем, что еще два столетия назад ученые Российской академии наук, лишь только выйдя из Кабарды, в горах Саяро, венгерские ученые и альпинисты (экспедиция графа Зичи, экспедиции Мориса фон Дечи) и многие другие обошли Кавказ, что, называется, вдоль и поперек. Они открывали удивительный мир природы и людей Кавказа, о чем еще в XVI веке английский философ Томас Мор писал: «... дайте Кавказ миру и не ищите Рай на Евфрате, он здесь, он здесь..». Они, забираясь в самые глухие уголки и поднимаясь на высочайшие вершины, собрали бесценные материалы по языкам, этнографии, географии, ботанике и т.д., прежде всего благодаря кавказскому гостеприимству, о чем и писали в своих отчетах. Культура и каналы гостеприимства были, если сказать образно, кровеносными сосудами, дающими Кавказу жизнь. В противном случае, окаменел бы весь Кавказ, как аул в легенде.

Как в индивидуальном, так и в общественном сознании, гостеприимные обычаи и нормы были возведены в культ. Через них осуществлялись деловые, торговые, дипломатические, торгово-промышленные связи и взаимодействия Кавказа внутри и с внешним миром. Недаром в народе говорят, что «человек без кунака, что птица без крыльев». Это, на первый взгляд, грубоватое сравнение имеет глубокий смысл: не будь гостеприимных законов и куначеских связей, кавказец не мог бы свободно и безопасно посещать другие аулы, города и народы, он был бы прикован к одному тому же месту. Куда может полететь птица без крыльев? Гостеприимство и куначество прежде всего предполагало обеспечение безопасности как гостю, так и постоянному кунаку.

Пространство безопасности

Наивысшей гражданской добродетелью члена старинного дагестанского общества была его способность и, одновременно, обязанность, соблюдать правила приема и обеспечения безопасности гостя.

Пространством безопасности гостя у горцев Дагестана был не только дом хозяина, но и вся территория дагестанского аула. Исторически так сложилось, что окрестная территория в Дагестане была не только пространством жизнеобеспечения, что само собой разумеется, она была собственностью жителей аула. Части сельской территории продавались, покупались, арендовались; территории имели границы, которых они берегли, как могли. Поэтому вся территория села приравнивалась к своему дому. Любой человек, не принадлежащий данному сообществу и вступивший на их территорию, попадал под покровительство всего общества. В отдельных случаях территория и всего политического образования типа *вольного общества*, становилась полем безопасности и покровительства гостю, как например Гидатлинское или Андийское вольные общества. Встречая гостя, хозяин дома забирал у него оружие, что означало, что теперь путнику не надо охранять свою жизнь. Это был закон, который распространялся на

всех, будь он враг или друг, богат или беден, из знати или из простого сословия. И закон, как таковой, вошел в различные уложения. Например, закон Андалальского союза обществ требовал от хозяина охрану гостя и его имущества на всей территории союза, в противном случае хозяин подвергался крупному штрафу. В наиболее ярком виде драма нарушения гостеприимной безопасности вскрыта в аварской балладе «Хочбар», о которой Л.Н. Толстой писал, что «песня о Хочбаре удивительна». На самом деле Хочбар жестоко покарал нуцала (князя), который нарушил святую заповедь горцев – безопасность гостя. Нуцал пригласил к себе Хочбара, своего противника, в гости и когда тот явился, то приказал связать и сжечь его на огромном костре посреди площади. Хочбар сам вошел в огонь и увлек туда двух наследников нуцала.

Известно, что по империи Чингисхана можно было безопасно путешествовать с соответствующими скрепленными печатью хана «дорожными» грамотами, которые гарантировали покровительство самого хана или его наместников. В Дагестане не было сильного единого государства, поэтому каждый, кто принимал гостя, превращался, если сказать образно, в Чингисхана.

Очереди по приему гостя

Путник, захавший в дагестанское село как гость, в первую очередь приветствовал людей, сидящих на годекане. Те, в свою очередь, спрашивали, есть ли здесь у него кунак. Если оказывалось, что нет, то кто-нибудь немедленно заявлял, что пришелец будет гостем в его доме. Принимать гостя значило приобрести себе в будущем кунака. У аварцев есть пословица «*Гьобол Гелмерасул гьумру берцинаб*» – «Жизнь красива у того, у кого много кунаков». Поэтому в некоторых аулах Дагестана существовали порядки, согласно которым гостей принимали по установленной очередности. Имеются постановления на этот счет. Например: «Жители селения Гента согласились освободить кадия от оче-

реди пастьбы и приюта гостей»¹²⁹. Обычай, согласно которому устанавливалась очередь, имеет два одинаково убедительных объяснения: а) выполнение гражданской обязанности члена общины и б) обеспечение равенства в пользовании привилегией по приему гостя.

Приезд гостя обставлялся как праздник. Иногда по этому поводу устраивали вечеринки с приглашением родственников и гостей. Для гостей у обеспеченных хозяев всегда была готова отдельная, так называемая «убранная» комната. В некоторых случаях именем кунака называли новорожденных.

Пережиток благодарственного жертвоприношения

Когда приезжает гость, хозяин у ворот режет барана, причем так, чтобы гость это видел. Если нет барана, режут хотя бы птицу. Есть пословица «*Гьоболосда гьикъун гурей хьелеко хьолей*» (Петуха режут, не спрашивая гостя). Это действие – пережиток обычая благодарственного жертвоприношения древним богам.

В Дагестане было принято держать скот, особенно овец, вне аула, на хуторах. Но вдруг придет гость? На этот случай у даргинцев разрешали держать дома одного или двух баранов.

Приличествовало делать гостю подарок. Поговорка гласит: у гостя на теле имеется родимое пятно, которое можно свести только подарком. Обычно гостя одаривали какой-нибудь вещью из дома. Бурка, кинжал и конь считались лучшими подарками гостю. Особо следили за тем, похвалит ли гость что-нибудь из оружия, утвари и т.д. Поэтому гость старался не показывать хозяину, что ему нравится, чтобы не обременять его необходимостью делать подарок. Взаимная предупредительность в таких ситуациях иногда доходила до абсурда, и по этому поводу складывались анекдоты.

Вот один из таких. К андийцу приехал его кунак чеченец. Хозяин знал, что кунаку хочется, чтобы андиец подарил ему бурку,

---

129 Книга селения Гента. РФ ИИАЭ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.

но хозяину очень не хотелось расставаться со своей буркой. Как бы между прочим хозяин сказал гостю, что есть две вещи, которые он не может подарить другу или гостю – это собственный дом и его столб. Чеченец понял, что он не получит бурку, потому что хозяин под «домом» имел в виду бурку, а под опорным столбом – жену. Конечно, такие анекдоты рождались именно там, где сильно была развита культура гостеприимства. Недаром существует такая шуточная поговорка: «На спине у гостя золотая печать». Смысл: «гость – это не только посланник Бога, но еще и источник забот».

Пища

Дагестанская кухня уступает в своем разнообразии известной закавказской кухне. Дагестанцы по-настоящему ели один раз в сутки, трапеза приходилась на 4–5 часов вечера. К столу подавали одно какое-нибудь блюдо.

Пища жителей горных долин более разнообразна и насыщена витаминами, чем рацион горцев. Достаточно сказать, что в июне, когда созревал абрикос, садоводы переходили преимущественно на фруктовые блюда. На орошаемых террасных полях плоскодонных горных долин зоны Хиндалал выращивались около десяти культурных сортов винограда, абрикоса и других плодовых. Этот период именовали как время, когда «сито отдыхает» то есть, более образно на аварском: «*Цалкло маглуде бахараб заман*». Преимущественное употребление фруктов и фруктовых блюд, происходило в сезон их созревания. Вместе с тем, как это было характерно для горцев Дагестана, мучная пища была основой их питания, что и отразилось в обозначениях продуктов питания. Достаточно сказать, что понятие «еда» в языках народов Дагестана имеет в виду только мучные изделия. Мясо-молочные и иные продукты на аварском языке полагают как *дандежо*, что переводится не как еда, а как то, «с чем едят»¹³⁰. Высокие демо-

---

¹³⁰ Агларов М.А. Пища аварцев // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.

графические показатели для горных районов как 40–50 человек на км² делало продукты земледелия недостаточными, тем более, что в рационе питания сельскохозяйственные продукты занимали первое место.

Застолье

Жители долин, как и другие дагестанцы, никогда не позволяли себе есть в общественных местах, например, на дороге, или отдельно от других. Этикет за столом у дагестанцев отличался большей демократичностью, чем на Северном Кавказе. Тем не менее, отец семейства принимал пищу отдельно от других членов семьи. Он же, в свою очередь, приглашал к столу друзей или соседа, «для беседы», как говорилось. В совместной трапезе мужчины садились, как правило, отдельно. Женщины ели отдельно, часто после мужчин. Женщины вообще на виду у мужчин не ели, они обслуживали стол. Еду подавали в одном подносе для всех, ели вилками, ложками. Для разрезания мяса каждый использовал свой собственный карманный нож. При еде полагалось сидеть прямо, не наклоняясь над тарелкой или подносом. Сначала ели блюдо, относимое ко «вторым», то есть, твердую пищу, затем «первое»: обычно бульон от хинкала или мяса.

Пищевая этика в поучениях Али-Гаджи из Инхо (поэт и просветитель нач. XIX века) гласит: «Когда ешь, будь то хинкал, будь то хлеб, не ломай от него, но возьми в руки отломанный, если есть таковой. Некрасиво также, будь то дома или на людях, принимать пищу одному. Упаси нас от греха чавкающего. На людях жующий не имеет хвалы, ни в писаниях, ни в жизненных правилах, особенно жующий жвачку или грызущий тыквенные семечки (мужчины). Если вдруг ты попал в общество, где люди едят, некрасиво отказаться от предложения принять пищу, прилично немного поесть. Нужно воздержаться от визита в чей-либо дом в обеденное время. Не посещай также соседа, когда он спит (*мадугьал тохаб глужаль*). Совместные обеды с родными, близкими и друзьями – основная ветвь для укрепления дружбы между

людьми. Во время совместной трапезы «протягивать руки в разные стороны» (т.е. выбирать еду из разных блюд) неприлично. Поэтому поводу говорят: «*Добе гъаниб квер бергъун кету гIадин вукIунге!*» (Не будь подобен коту, протягивающему лапки в разные стороны). Наши отцы говорили, что добродетели (*намус, яхI, гIадангъи*) не горят в огне»¹³¹.

Анекдот о том, как Ходжа накормил голодных студентов. Однажды Ходжа решил позвать к себе домой студентов и накормить их, как это было принято в его ауле. Он выточил не в меру длинные вилки, чтобы ими неудобно было есть хинкал с подноса, и надеялся, что много еды останется нетронутой. Студенты же уселись вокруг подноса и стали кормить друг друга. Каждый протягивал нанизанный на кончике длинной вилки хинкал в рот тому, кто сидел напротив. Поднос был быстро опустошен.

Совместная трапеза сопровождалась обычно неспешной беседой. Говорили только о приятном и так, чтобы разговор не слишком отвлекал от еды. Допускался легкий юмор и шутки.

Ели обычно из одной тарелки-подноса. Это требовало внимательности друг к другу. Сотрапезники уступали лучшие куски кушанья соседу. Ели с показным или настоящим аппетитом, но не жадно. Традиционно пользовались ложками и вилками, родиной которых можно считать Кавказ, и, в первую очередь, Дагестан.

К столу непременно подавали родниковую воду и, если хозяйка забывала, ей об этом напоминали шуткой вроде «сегодня, наверное, будет дождь...» или «засушливое лето в этом сезоне...». Обслуживающий догадывался, в чем дело и приносил кувшин с водой. В Дагестане, как и на Северном Кавказе, как уже говорилось, сдержанность в еде считалась добродетелью. Говорили: «Нужно остановиться тогда, когда еще хочется есть».

На обед очень часто звали родственника или соседа, чтобы составить компанию отцу или старшим мужчинам семьи. Сами соседи тоже свободно заходили друг к другу в любое время. Пришедшего в дом во время обеда непременно приглашали к столу.

---

131 *Иныхоса ГIали-хIажи*. Асарал (на аварском). МахIачхъала, 1995. – 430 с.

Разумеется, в наши дни пища, кухонная утварь, столовые приборы, сама процедура приема пищи претерпели порой радикальные изменения. Сейчас, большей частью едят за столом, каждому подают отдельный прибор и соблюдают современный застольный этикет. В прочем, если гости, предпочитают низкие столы, удобные для свободной беседы, то предоставляются и такие. Вся семья садится за стол вместе. Дети-подростки помогают матери обслуживать в уборке и мытье посуды. И, тем не менее, атмосфера горского этикета полностью не выветрена.

После еды хозяйку не благодарили, но пищу непременно хвалили; благодарили же Аллаха, считая, естественно, пищу даром (*рикъз*) Аллаха.

Рис. 36. Поставец *ГучАлтАн* с ложками и вилками. Игали.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Д.И. Исследование наносов реки Сулак. – Л., 1935. – 148 с.
Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин в XIX – нач. XX вв. – М.: Наука, 1978. – 303 с.

Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности на землю у аварцев (до XX в.) // Ученые записки ДФ АН СССР. – Махачкала, 1964. – Т. XIII. – С. 180.

Агларов М.А. Переход к террасному земледелию и особенности развития общественного строя ранних земледельцев-горцев // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности общественного строя // **Электронная библиотека**

Агларов М.А. Террасная система земледелия в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. (этнографические исследования). – Дагестан, 1979. – С. 110–111.

Агларов М.А. Территории сельских обществ и их союзов Горного Дагестана в XIV–XIX вв. (способы обозначения границ, право на владение, иммунитет) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX века. – Махачкала, 1981. – С. 83–99.

Агларов М.А., Айтберов Г.М. «Повесть о Алибеке Андийском и его победе над князем Туруламом б. Алиханом Баклулальским» как источник по истории Дагестана XVIII века // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. – Махачкала, 1981. – С. 121–133.

Агларов М.А. Сельская община в Горном Дагестане. – М.: Наука, 1988. – 243 с.

Агларов М.А. К изучению аварских этнонимов // Социальная терминология в языках Дагестана. – Махачкала, 1989. – С. 129–134.

Агларов М.А. Хиджли верховий Вади Хадрамаута (к изучению гуманитарного аспекта селевой ирригации в Южной Аравии) // История взаимодействия общества и природы. Факты и концепции. – М., 1990. – С. 91–99.

Агларов М.А. Авары. Ранние формы самоуправления // Возрождение. № 2. – Махачкала, 1995. – С. 14–17.

Агларов М.А. Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане. *Politica-ethnica* / 2-е изд., доп. – Махачкала: МавраевЪ, 2013. – 143 с.

Агларов М.А. Законы Драконта в долинах Хиндалала // Мавраевъ, 2014. № 2 (3). – С. 31.

Агроклиматический справочник по Дагестанской АССР. – Л., 1963. – Карта № 3. С. 12.

Агроклиматический справочник по Дагестанской АССР. Л., 1963. Таблица № 5. С. 27.

Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – начало XX в. – Махачкала, 1993. – С. 36–38.

Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского географического общества. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. – С. 74.

Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX века). – Махачкала. 1967. – 171 с.

Атаев Д.М., Погребова М.Н. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района (предварительное сообщение) // МАД. Т. III. – Махачкала, 1973. – С. 28–35.

Байерн В.Ф. О древних сооружениях на Кавказе // ССКГ. Тифлис, 1871. – С. 125.

Бакланов Н.Б. Художественная культура Дагестана // Новый Восток. № 5. 1924. – С. 257–258.

Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе. – М., 1823. Ч. I. Гл. 3. С. 33.

Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX – начале XX веках. – Л., 1988. – С. 41.

Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. № 2. 1936. – С. 80.

Вавилов Н.И. Избранные труды. Т. 1. – М.,-Л., 1959. – С. 166.

Византийский земледельческий закон / Текст, исслед., комм. Е.Э. Липшица, И.П. Медведева, Е.К. Пиотровской / Под ред. И.П. Медведева. – Л., 1984. – 109 с.

Гаджиева С.Ш., Пашаева А.Г., Османов М.-З.О. Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967. – С. 85–87.

Гамзат Цадаса. Стихотворение «ЧухтIу» // Избранное / перевод с авар. Н. Гребнева, Д. Голубкова, А. Глобы. – М.: Художественная литература, 1977. – 404 с.

Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. – Махачкала, 1959. – С. 42.

Загиров Н.Г., Казбеков Б.И., Мурсалов М.М. Теоретические и прикладные проблемы садоводства Республики Дагестан // Проблемы развития АПК региона. Т. 1. № 1. 2010. – С. 26–32.

Загиров Н.Г., Нефтялиев М.Д., Буржалиева З.Н. Экономическая эффективность адаптивного возделывания плодовых культур в Дагестане // Плодоводство и ягодоводство России. Т. XXXVIII. № 1. 2014. – С. 164–168.

Записная книжка графа Павла Христофоровича Граббе // Русский архив. – М. 1888 г. Вып. 4. – С.101-131.

Исламмагомедов А.И. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX–XX вв. // УЗ ИИЯЛ. Т. 14. (Сер. истор.). Махачкала. Типография Даг. филиала АН СССР. 1965. С. 257–272.

Исламмагомедов А.И. Поселения // Материальная культура аварцев. – Махачкала, 1967.

Каранаилов О. Бытовые адаты и песня аварцев // РФ ИЯЛИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 99.

Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним (Материалы для статистики Дагестанской области) // ССКГ. Т. I. – Тифлис, 1868. – С. 17.

Костенецкий Я.И. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. – СПб., 1851. – С. 33.

Костенецкий Я.И. Записки об аварской экспедиции. 1851 г. – СПб. – С. 31.

Краснов Ю.А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. – М.: Наука, 1975. – 183 с.

Крылова Н.Л., Сванидзе И.А. Сельское хозяйство народов Эфиопии // СЭ. 1975. № 1. – С. 36.

Маретина С.А. Соседская община у балийцев // Социальная организация народов Азии и Африки / отв. ред. Д.А. Ольдерогге, С.А. Маретина. – М.: Наука, 1975. – С. 141.

Мовчан Г.Я. Социологическая характеристика старого аварского жилища // Кавказский этнографический сборник. № 5. – М., 1972. – С. 149.

Мусаева М.К. Хваршины (XIX – начало XX в.). Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 1995. – 232 с.

Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди / 2-е изд-е. – Тула, 1895. – 449 с.

Никольская З.А. Из истории аварского жилища // СЭ. 1947. № 2. – С. 155.

Новиков Ю.Ф. Генезис плуга и этнография // СЭ. 1963. № 1. – С. 98–111.

Османов М.-З.О. Поселения // Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967.

Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. [Текст]: Архивные материалы / АН СССР. Даг. филиал / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. – М.: Наука, 1965. – 279 с.

Плутарх Ромул, XI.

Сулейманов Я. Этимологические изыскания // УЗ ИИЯЛ. Т. 13. 1964. – С. 414.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. – Тифлис, 1889. Отдел второй. С. 93, 199.

Чиликина Л.Н., Шифферс Е.В. Карта растительности Дагестанской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 95 с.

Шиллинг Е.М. Очерки по этнографии андийцев // Архив Института этнологии и антропологии. 1948. Д. 7629. Л. 100.

Шифферс Е.В. Природная кормовая растительность горного Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. – М., Л.: Наука, 1946. – С. 178–211.

Шихсаидов А.Р., Агларов М.А. Семь путешествий Мора Дечи // Советский Дагестан. 1970. № 5. – С. 69.

Эльдаров М.М. Памятники природы Дагестана. – Махачкала, 1991. – С. 14.

Яхьяев М.М., Магомедов И.И. Горно-долинное садоводство: резервы интенсификаций. – Махачкала, 1994. – 272 с.

Инхоса гIали-хIажи. Асарал (на авар. яз.). – МахIачхъала, 1995. – С. 50.

МухIаммад ГIабдулIазизов. Къудукъа Мусалав. – МахIачхъала, 2008.

СагIадулаев М. Ансадерил сверабазда. – МахIачхъала, 1994. – С. 345.

Andre G. Haudricourt, Manel Jean-Brunhes Delamarr. L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955. – 506 p.

Bodenstädt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Bd. 1. Berlin, 1885. – 614 p.

Mann, Michael. The Sources of Social Power. Vol. I. Cambridge University Press, 1986. – 560 p.

Spencer J.E., Hale G.A. The origin, nature, and distribution of agricultural terracing // Pacific Viewpoint. 1965. № 1. PP. 1–39.

Takacs Lajos. Hatart csinalunk beloitek // Kulonlenymat Nyelvtudomanyi kozlemenyek. Vol. 81. 1979. PP. 143–145.

Thoumin, Richard Lodoïs, Géographie humaine de la Syrie centrale. Paris, Librairie Ernest Leroux, 1936. – 361 p.

Wheatley P. Agricultural terracing // Pacific Viewpoint. 6. 1965. PP. 123–144.

Научное издание

М.А. Агларов

instituteofhistory.ru

ХИНДАЛАЛ

**Аварцы горных долин
Центрального и Западного Дагестана**

**Очерки традиционной культуры
и этноэкономики**

Редактор – Лейла Капланова
Верстка – Саида Раджабова

На обложке:
Фото Х. Зургалова
Долина реки Аварского Койсу, с. Карадах.

instituteofhistory.ru

Подписано в печать 04.12.2018 г.
Гарнитура «Times New Roman». Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 300 экз. Заказ № 03/18.

ИД «МавраевЪ»: 367032, РД, г. Махачкала, ул. М.Гаджиева, 94, 1-й эт.
Тел.: 8-928-868-78-78.
E-mail: mag-rabadan@yandex.ru
<http://www.mavraev.ru>